

ЛУННЫЕ БЛИКИ

月影

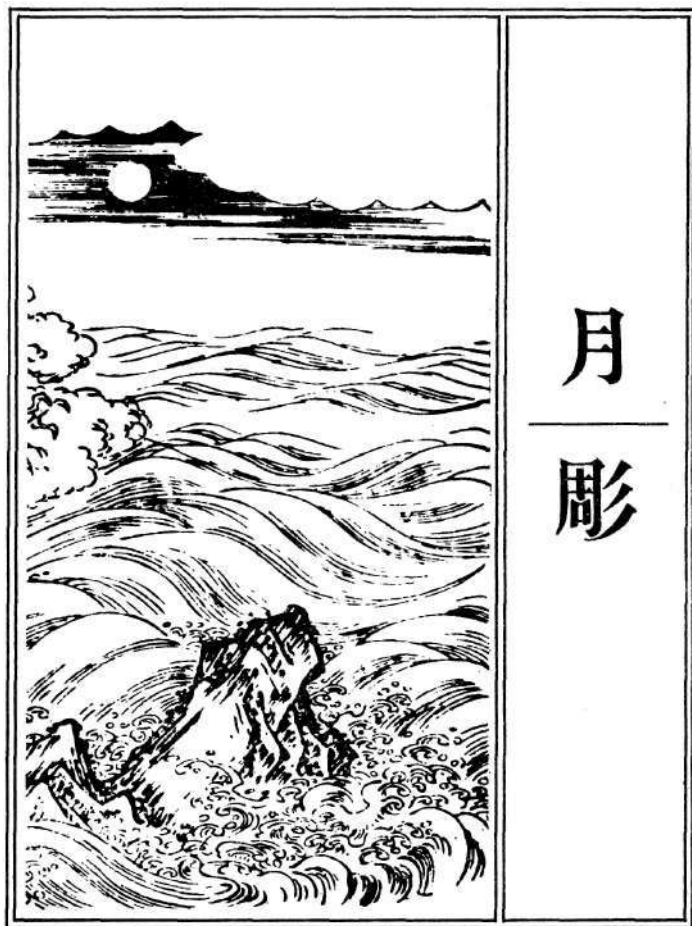
ЛУННЫЕ
БЛИКИ

月

ЛУННЫЕ
БЛИКИ

影

ЛУННЫЕ БЛИКИ

Классическая
японская поэзия
конца XIX
первой половины
XX века

В переводах
АЛЕКСАНДРА ДОЛИНА

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 84.35 (Я)
Л 84

Ответственный редактор
И. Л. ЛЬВОВА

Лунные блики. Классическая японская
Л 84 поэзия конца XIX — первой половины XX в.
Пер. с яп. А. Долина.— М.: Наука. Главная
редакция восточной литературы, 1991.—
376 с: ил.

ISBN 5-02-017033-X

В книге дана ретроспектива творчества крупнейших японских мастеров нового времени. Наряду с традиционными танка и хайку широко представлена поэзия роман-тиков, символистов, лидеров различных модернистских школ и течений.

Л **4702060000-048** Без объявления
013(02)91

ББК 84.35(Я)

ISBN 5-02-017033-X

(С) А. А. Долин, пере-
вод, составление,
комментарии,
1991

«Серебряный век» японской поэзии

Что вызывают в сознании читателя эти два слова — «японская поэзия»? Образ ворона, который «на голой ветке сидит одиноко», образ лягушки, прыгнувшей в старый пруд, образ странника, что печально бредет по осеннему лугу... Набор красивых картинок, насыщенных туманной символикой? Нет, тут совсем другое. «В японской поэзии мы возвращаемся к друзьям детства, к дождю, бьющему в окно, к долгим безмолвным дорогам в ночи, к волнам прибоя, пребывающим в вечном движении, к луне, такой близкой и такой далекой, ко всем ощущениям фактуры, строения, веса и формы — этим бесценным сокровищам и неистощимым богатствам повседневной жизни», — пишет исследователь японской литературы, философии и религии Реджинальд Блайт.

За двенадцать веков, если считать со времени появления первой придворной поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», VIII в.), в японской лирике выделилось всего два магистральных жанра. Честь создания пятистиший — *танка* приписывается еще божественным предкам японцев. Что касается трехстиший — *хайку*, отпочковавшихся от *танка* в XVII в., то они зародились в лоне новой городской культуры, став типичным порождением искусства «изменчивого мира» (*укиё*) наряду с цветной гравюрой, театром Кабуки и Дзёрури, бытописательной новеллой.

В основе традиционной поэтики *танка* и *хайку* всегда лежало стремление к конденсации образного мышления и сознательному ограничению средств художественной выразительности: метрики и ритмики, лексики, тропов, композиционных приемов. Развиваясь обособленно от прозы и драматургии, японская поэзия всегда воплощала самые жесткие нормативы эстетического канона. Ее герметичность привела к тому, что подчас *танка*, отстоящие друг от друга во времени на тысячу лет, выглядят так, будто они написаны одним автором. Приметы времени, упоминания о конкретных исторических событиях совершенно чужды традиционной лирике.

Видимая «внеисторичность» классической японской поэзии, ее ориентация на «извечные» человеческие чувства, на циклическую смену времен года, на бесконечный круговорот бытия могут рассматриваться как результат особого исторического пути данной области культуры. Именно в поэзии с наибольшей силой прозвучали пантеистические синтоистские представления о человеке — детище великой Природы, родственном всему живому на земле. Именно в поэзии нашли отражение буддийские идеи о взаимосвязи всего сущего, о перевоплощении душ, о воздаянии за дела в минувших рожденьях (*карме*), об эфемерности жизни в бесконечном потоке рождений и смертей.

Незаметно сменяя друг друга в череде поколений, зеленеют деревья по склонам гор, поют весной соловьи, наливаются осенью колосья в поле, приходят в мир и уходят люди, насладившись неисчерпаемой красотой природы. И если не меняется

облик цветущих вишен в горах Ёсино, отражение алых кленовых листьев в водах реки Тацута или вид зимнего снега на вершине Фудзи, то почему должны измениться воспевающие все это стихи? Так рассуждали поэты древности, слагая десятки, сотни, тысячи *танка* на известные темы — пятистишия, отличающиеся расстановкой акцентов, нюансами, обертонами, но при первом прочтении схожие, как листья на одном дереве, как цветы на одной ветке.

Для европейского художника важна прежде всего активная, креативная сторона творческого акта, для японского — пассивная, рефлексивная. Шелли в своем трактате «Защита поэзии», говоря об интуитивном характере поэтического дара, тем не менее видит основное достоинство поэта в том, что он «перестает быть рабом случайных впечатлений». Поэзия же для него — «воплощение воображения». Еще более категоричен в оценках Эмерсон: «Красота в природе — не окончательное выражение красоты. Она лишь глашатай внутренней, духовной красоты, а сама по себе не является непреходящим благом. Она должна быть частью, а не воплощением высшего назначения природы». Описывать, интерпретировать, извлекать мораль из всего увиденного и услышанного — такова задача поэта в западной традиции.

А что же японский поэт? Для него истинный творец, начало и конец всего сущего — сама природа. Художник же выступает лишь в роли медиума, воспринимающего сердцем и воспроизводящего в конкретных образах таинственные флюиды универсума. Бытие формирует личность художника, воздействуя на его дух-разум (*кокоро*), одухотворяет его сознанием «очарования окружающего» (*моно-но аварэ*), придает силы для выражения сокровенного смысла предметов и явлений (*юээн*). «Учись сосне у сосны, бамбуку — у бамбука, — завещал Басё. — Уходи от самого себя. Истину эту не постигнешь, не преодолев своего „я“. Учись — то есть проникай в предмет, открывай его сущность, ощути ее — только тогда и родится стихотворение».

Необходимым условием творчества для средневекового

японского художника служит достижение состояния полнейшей отрешенности (*му-син*), растворение индивидуальности во все-ленской пустоте, слияние с Абсолютом и растворение в изображаемом объекте. Достигнуть же такого состояния можно лишь путем «недеяния», то есть невмешательства в естественный жизненный процесс. Художник не должен ничего создавать заново, опираясь на свое воображение. Ему нужно лишь уловить ритм вселенских метаморфоз, «настроиться на их волну» и зафиксировать в стихотворении, картине или скульптуре. Произведение искусства будет тем совершеннее, чем экономичнее средства, использованные для создания образа. Такое произведение искусства станет свидетельством «духовного прозрения» (*сатори*) художника.

Новое в традиционном японском искусстве не только не перечеркивало старого, но, наоборот, всегда опиралось на него. Поэзия древности вплоть до середины XX в. зачастую служила основным мерилom достоинств поэзии современной — по степени близости к классическому прототипу. Старое не отбрасывалось, но модифицировалось, дополнялось, приспособлялось порой к нуждам иного сословия. Взять хотя бы поэзию *хайку*, которая унаследовала от элитарной лирики *танка* не только элегическое мирозерцание и принцип суггестивности изображения, но и конкретные поэтические приемы: лексическую аллюзию, омонимическую метафору, «сезонное» слово. В свою очередь, *саби* (патина, печальный налет времени), *ваби* (грусть одиночества), *сибуми* (терпкость), *каруми* (легкость) и другие категории поэтики *хайку*, сформулированные Басё и его последователями, сохранили значимость до наших дней и оказали большое влияние на поэтов различных жанров.

Кумулятивность развития японского искусства, и в частности поэзии, вела к тому, что каждый художник опирался в своем творчестве на достижения предшествующих поколений и четко осознавал свое место в ряду собратьев. Даже поэты-странники, рядившиеся в плащ дзэнского монаха, как это делал Иккю в XV в., Рёкан в конце XVIII — начале XIX в. или Сантока в XX в., своим нигилизмом и нарочитой неприкаян-

ностью вовсе не пытались отмахнуться от классического наследия и творили на его основе.

Залогом сохранения устойчивого канона лирической поэзии была безотказная «обратная связь» между художником и его аудиторией. Поэтика намека и обертона была возможна только в стране, где уровень культуры читателей позволял широко апеллировать к классике. Даже в эпохи наиболее жестоких междоусобных войн, разрухи и голода стремление получить образование было свойственно всем слоям населения. Образование же в его конфуцианском толковании подразумевало не только элементарную грамотность, но и знание важнейших памятников литературы, основ культурного наследия. Неудивительно поэтому, что большинство поэтов *хайку* и ученых-филологов позднего средневековья вышли из среды простых горожан.

Высокая степень нормативности поэтики классического японского стиха, ее устойчивость и долговечность были, конечно, обусловлены в первую очередь социально-историческими факторами: преемственностью религиозно-философских систем в рамках различных буддийских сект, исключительной живучестью мировоззренческого буддийско-конфуцианско-синтоистского комплекса на уровне житейской философии и обрядности, а в результате — прочностью традиционной концепции соотношения мира и человека, художественного осмысления действительности. Крушение от века установленного уклада в период буржуазной революции Мэйдзи (1868 г.) вызвало, естественно, радикальные перемены во всех сферах материальной и духовной жизни страны, в том числе и в искусстве.

Революция Мэйдзи если не полностью опрокинула, то, по крайней мере, сильно поколебала традиционные представления японцев о прекрасном. 70—80-е годы прошлого века, ознаменованные проведением различных буржуазных реформ по западному образцу и притоком в страну западной науки, техники, литературы, стали для японцев годами ученичества. Сравнивая собственное традиционное искусство с передовым искусством Запада, японская интеллигенция убедилась в его несоответствии духовным запросам эпохи и на каком-то этапе была близка

к полному разрыву с классикой. Авторы вышедшего в 1882 г. первого в Японии сборника *синтайси* — «стихов нового стиля» требовали отказаться от *танка* и *хайку* как от вредного пережитка, мешающего современным поэтам свободно изливать свои мысли и чувства. Художники с презрением отворачивались от гравюр Хокусая и Хиросигэ, снисходительно порицали живопись Сэсю и благоговейно взирали на репродукции Сезанна, Ван Гога, Уистлера. Они не подозревали, что Ван Гог и Уистлер столь же благоговейно взирали на работы Хокусая, Хиросигэ, Сяраку, что под влиянием японской традиции в Европе возникает могучая волна Нового искусства (Art Nouveau).

Однако уже к началу 90-х годов японцы оправились от замешательства, порожденного первым знакомством с западной цивилизацией. Период подражания сменился периодом синтеза культур, Восток и Запад двинулись навстречу друг другу. В атмосфере всеобщих преобразований формировалось мировоззрение художника нового типа, вырвавшегося из оков ненавистного средневекового канона, жадно впитывающего достижения человеческого разума всех времен и народов. Провозглашенный правительством Мэйдзи лозунг «Японский дух — западные знания» нашел применение и в поэзии.

Еще более решительно, чем музыка, архитектура, живопись и театр XX в., японская поэзия размежевалась на два лагеря, которые вели оживленную полемику, но постепенно пришли к мирному сосуществованию. Таким образом, в стране сложилось два совершенно независимых типа поэзии: традиционалистская (включающая реформированные жанры *танка* и *хайку*) и поэзия новых форм, плод слияния элементов национальной и западной эстетики. В истории литературы бывало и так, что поэт, начав с сочинения *танка* или *хайку*, со временем обращался к новым формам — метрическим *синтайси* в эпоху романтизма или модернистскому верлибру *дзюси* в дальнейшем. Однако в целом на протяжении последнего столетия поэты-традиционалисты и поэты-новаторы имели мало общего и относились друг к другу с определенным недоверием. Если в конце XIX — начале XX в. они еще нередко сотрудничали в одном журнале, то впоследствии

пути их почти не пересекались. Поэтика традиционалистов отличалась от поэтики новаторов по жанровому делению, по композиционным приемам и тропам, по художественной образности, грамматическим нормам языка. Читательская аудитория также в массе своей разделилась на любителей *танка* и *хайку* или же любителей *синтайси*, *киндайси* и *гэндэйси* (разновидности нового стиха). Если взлет популярности *танка* и *хайку* в новое время свидетельствовал о жизнеспособности древней традиции, то модернизм, повторяющий в основных фазах линию развития современной западной поэзии, может служить убедительным доказательством продолжающегося синтеза культур. При всем том мы не должны забывать, что, хотя в одном случае возобладали прояпонские тенденции, а в другом — прозападные, оба направления в поэзии создавались людьми новой формации, чуждыми косного догматизма, кланового чванства и слепого преклонения перед авторитетами.

Движение романтизма, достигшее апогея в 90-е годы прошлого столетия, выдвинуло в мире *танка* множество искрометных талантов. Ёсано Акико и Ёсано Тэккан, Вакаяма Бокусуй и Ёсии Исаму — вот далеко не полный перечень имен, которые сейчас можно встретить на страницах любых школьных хрестоматий. Молодые поэты впервые показали, что *танка* может передавать не только тончайшие движения души, запечатленные в «сезонных» образах природы, но и гражданский пафос, воинственный пыл, страстную одержимость. Оставаясь в пределах классического литературного языка «бунго», они сумели расширить тематику стиха, его лексику и образность, наполнив *танка* живым дыханием современности.

Лирическая исповедь Ёсано Акико, прозвучавшая в сборнике «Спутанные волосы» («Мидарэгами» 1901 г.) и последующих ее книгах, потрясла устои филистерства, заставив поэтов и критиков навсегда отказаться от ханжеских ограничений конфуцианской морали. Акико порвала с традициями любовной лирики *танка*, которые предписывали говорить о сокровенном в аллегорической манере. В ее стихах звучит голос женщины, свободно открывающей чувства любимому — и всему миру.

Те же мотивы мы найдем и в романтических *синтайси* Симадзаки Тосона, славящих вешнюю радость жизни, природу, молодость и любовь.

Элегическая, полная юношеского томления поэзия Вакаяма Бокусуй своим минорным настроением, грустным очарованием как бы оттеняет полнокровную, жизнеутверждающую музу Акико. Такого рода лирика, при всей традиционности ее формальных особенностей, могла возникнуть только под влиянием знакомства японских поэтов с творчеством Байрона и Гюго, Гёте и Гейне, Бодлера и Верлена, прочно вошедших в японскую литературу той поры.

Крупнейшим реформатором поэзии традиционных жанров, *танка* и *хайку* в равной степени, был Масаока Сики. Не случайно его школа так широко представлена на страницах нашего сборника. В то время как романтики стремились прежде всего к индивидуальности стиля, раскованности художественной манеры, Сики в своих трактатах и эссе призывал в новой поэзии *танка* добиваться точности изображения, строгости, сдержанности и благородства слога. Для своего метода, который условно можно охарактеризовать как объективный реализм, он заимствовал из теории китайской живописи термин «сясэй» — «отражение жизни». Уже много лет спустя после смерти Сики, на протяжении четверти века не утихали в мире *танка* и *хайку* жаркие споры вокруг понятия «сясэй».

По мысли Сики, эмоциональный отклик в читателе должны вызывать не выраженные в стихотворении чувства автора, а сам объект изображения, часть живой природы, поданная через какую-нибудь колоритную деталь. Принцип «сясэй» призван был приспособить *танка* и *хайку* к новым историческим условиям, к требованиям времени. В отличие от классической поэтики, являвшей собой сферу действия непреложного канона, новая поэтика *танка* и *хайку* была системой относительно открытого типа. Заметно раздвинулись рамки поэтической лексики, куда проникли ранее считавшиеся совершенно не поэтическими бытовые реалии, технические приметы эпохи — например, железная дорога, паровоз и т. п. Сики допускал введение подобных «про-

заизмов» ради верности жизненной правде. «Стихи о мхе» или «Пионы в лунную ночь» Ито Сатио, как и его *танка* о чайных чашках, служат прекрасной иллюстрацией к теории предметного реализма Сики.

Накамура Кэнкити, Симаки Акахико, Нагацука Такаси и многие другие продолжатели дела Сики, сгруппировавшиеся впоследствии в мощном поэтическом объединении «Арараги» («Тисс»), определили основную линию развития *танка* в первые десятилетия XX в. Им в известной мере противостоит «жизненная школа» *танка*, представленная творчеством Исикава Такубоку и Токи Аика. Оба поэта, пользующиеся ныне равной популярностью в Японии, стремились внести в *танка* социальную проблематику, придать стихам классовый характер. Хотя на первый взгляд стихи Аика, как и записанные в три строки миниатюры Такубоку*, кажутся бесформенными, лишенными традиционного ритмического изящества, в них живет мятежных дух, бьется пульс заводов и фабрик. Тема России, революционной страны, родины народовольцев и сражающихся социал-демократов лейтмотивом проходит через раннюю лирику Аика. От нее протягиваются нити к боевой поэзии *танка* 20-х годов, влившейся в движение пролетарской литературы.

В мире *хайку* вся первая половина XX в. отмечена преобладающим влиянием школы Сики, который обогатил поэтику жанра идеями «объективного лиризма» и «сложной красоты». Главная же заслуга Сики сводилась к переоценке классического наследия. Критикуя признанные авторитеты, в частности Басё, извлекая из пыли букинистических лавок тома несправедливо забытых поэтов, чтобы сделать их достоянием нации, Сики извлек лирику *хайку* от косности, консерватизма, начетничества, от гнета канонических ограничений.

Кавахигаси Хэкигодо, Такахама Кёси, Найто Мэйсэцу и другие сподвижники Сики, объединившиеся вокруг журнала «Хототогису» («Кукушка»), пошли по пути дальнейшего сбли-

* В русском переводе В. Н. Марковой стихи Такубоку записаны не в три строки (как в оригинале), а по традиции — в пять.

жения *хайку* с реальной действительностью. Требование утонченности образа отошло на второй план, уступив место принципу «истинности» и «искренности» стиха.

Те же принципы нашли воплощение в творчестве писателе-реалистов XX в. Нацумэ Сосэки и Акутагава Рюноске. Хотя поэзия, бесспорно, оставалась для них лишь побочным занятием на поприще большой литературы, и Сосэки, и Акутагава до конца дней своих были верны *хайку*. Этот жанр, ставший своего рода символом японской поэтической традиции, квинтэссенцией дзэнской эстетики, помогал мастерам художественной прозы познать душу родного народа, глубже проникнуть в святая святых национального искусства.

Иная ипостась поэтики *хайку* представлена в лирике Танэда Сантока, ревностного адепта дзэн, проведшего жизнь в скитаниях и нищете. Его странные, порой чудаковатые стихи показывают реальность во всей ее наготе. Бесхитростные на первый взгляд миниатюры дают почувствовать всю сложность бытия человека в изменчивом, нередко жестоком мире.

Панорама поэзии новых форм, которую увидит читатель на страницах нашей книги, разумеется, далеко не полна. И все же по ней можно составить довольно ясное представление о развитии современного японского стиха. Еще сто лет назад большие формы стиха (см) были знакомы японцам лишь по китайской классике либо по произведениям на китайском языке, принадлежащим кисти японских авторов, а также по некоторым разновидностям фольклора: песням, балладам, сказам. Однако в наши дни литературоведы и критики, упоминая о современной японской поэзии, прежде всего подразумевают именно лирику обновленных форм, неохотно присоединяя к этому огромному массиву *танка* и *хайку*.

Романтическая поэзия *синтайси*, удивительный плод слияния японского образного мышления и европейской формы, властвовала умами не более десяти лет в самом конце XIX в., но и за столь краткий срок увидело свет немало шедевров. Симадзаки Тосон и Дои Бансуй, авторы, разные по темпераменту и художественной манере, как бы выявляют две ипостаси романтизма.

С одной стороны — юношеская страстность, бурный пафос, светлая грусть, с другой — философские раздумья о бренности всего живого, о судьбе, о вечности, о месте человека во Вселенной. Поэзия Тосона и Бансуй, стоящая на рубеже веков, обозначила грань между прошлым и будущим японского поэтического мира.

Поэты-символисты, очарованные творчеством Верлена, Рембо, Малларме и пытавшиеся создать в Токио «маленький Париж» для богемы, пожалуй, ближе всех к поэзии Запада. У истоков течения символизма возвышается фигура Китахара Хакусю, любившего фотографироваться в расшитой русской косоворотке (исключительно для экзотики) и воспевающего черную магию «запретной веры», сладостный дурман любовного томления, волшебство лунных бликов. Самым колоритным представителем позднего символизма можно назвать Хоригути Даигаку, чьи блестящие переводы из французских поэтов конца XIX — начала XX в. и проникнутые ностальгией стихи не утратили свежести по сей день.

Поэтические сборники Такамура Котаро вошли в золотой фонд японской культуры нашего столетия. Уитменовская масштабность образов и гуманистический пафос стихов Такамура Котаро, вобравших в себя все радости и горести прожитых лет, запечатлевших идейные искания, находки и разочарования эпохи, близки и понятны читателям всех времен и народов. Этого нельзя сказать о другом замечательном поэте, Хагивара Сакутаро, чьи книги «Вою на луну» («Цуки на хоэру») и «Синяя кошка» («Ао нэко») произвели подлинную революцию в мире *гэндайси*. Хагивара называл себя сенсуалистом. Может быть, правильнее было бы назвать его манеру экспрессионистской. В развернутых метафорах и броских аллегориях поэт как бы фиксирует состояние души — отравленной сомнением и меланхолией души художника в бездушном буржуазном обществе.

В противоположность Хагивара, лелеющему расплывчатые умозрительные образы, Миядзава Кэндзи черпает вдохновение из гуши народной. Пестрящая там и сям интуитивными наплывами, нарочито случайными персонажами и предметами, лирика

его тем не менее искренна и непосредственна, как сама природа северной Японии. Сердце поэта рвется из груди навстречу ветру, навстречу людям, и слова как бы сами собой ложатся строки взволнованных, яростных стихов.

Медитативная лирика Такахаси Синкити, пришедшего к поэтике дзэнских парадоксов от бесшабашного дадаистского эпатажа, вероятно, менее доступна нашему восприятию, чем напевные строфы «японского Рембо» — Накахара Тюя. Тем не менее оба поэта по-своему интересны. К тому же надо помнить, что японский читатель в отличие от европейского вовсе не требует от поэзии современных форм утонченной мелодики, а если она и присутствует, то далеко не всегда получает должную оценку. Японский читатель ожидает прежде всего «душевной красоты», выраженной в более или менее остранных образах. Пусть в стихотворении лишь поток сознания, но этот поток должен быть красив, многоцветен и многозначен.

Очевидно, традиционное пристрастие японцев к суггестивности, полисемии образа явилось причиной необычайной популярности сюрреализма в поэзии и живописи. Лирика идейного вождя сюрреалистов Нисиваки Дзюндзабуро, насыщенная труднообъяснимой символикой, считается шедевром искусства модернизма. Созданный им образ космического странника в вечности обратил многих молодых литераторов на путь поэтических абстракций. Но не это направление преобладает в современной японской поэзии. Мысль и чувство, слитые воедино, одухотворенные музыкой стиха, — вот, к чему стремится послевоенное поколение японских поэтов, следуя по пути, проложенному Такамура Котаро, Накахара Тюя, Миёси Тацудзи.

Итак, перед нами классики японской поэзии «серебряного века», новый срез самобытной традиции, идущей из глубины времен. И пусть читатель, открывая книгу, снова вспомнит строки о вороне, что «на голой ветке сидит одиноко», о лягушке, прыгнувшей в старый пруд, о страннике, что печально бредет по осеннему лугу...

А. Долин

ПОЭЗИЯ
ТАНКА

短
—
歌

Ёсано Акико

与謝野晶子

Вакаяма Бокусуй

若山牧水

Ито Сатио

伊藤左千夫

Симаки Акахико

島木赤彦

Накамура Кэнкити

中村憲吉

Нагацука Такаси

長塚節

Коидзуми Тикаси

古泉千樫

Токи Дзэммаро

土岐善麿

Ёсано Акико

Из книг

**«Спутанные волосы»,
«Маленький веер»,
«Отрава»**

Разве румянец
сумеет сказать обо всем —
о буйстве крови,
о неистовом токе жизни,
из весенних грез сотворенной!..

* * *

Вдруг почудилось мне,
что милый ждет за порогом —
двери в ночь отворю.
О, как сияет луна
в вышине над лугом весенним!

* * *

От любви обезумев,
на огненных крыльях помчусь
и сама не замечу,
как растает за облаками
расстоянье в сто тридцать ри...

* * *

Рассвет не наступит!
Приникнув к плечу твоему,
на смятой постели
я слушаю в дреме ночной
сладчайшую сказку любви...

* * *

Ты не знаешь, любимый,
чем увлажняют уста,
опаленные страстью?
Ведь еще не высохла кровь
из прокушенного мизинца!

* * *

Вечером лунным
на веранде ты вдруг запел
песню разлуки:
«Край печальный, навек прощай,
О бывлой любви позабудь...»

* * *

Непослушной рукой
нацарапала цифры в стихке
и смеюсь вместе с милым:
для любви «двадцать тысяч лет» —
слишком много? Нет, слишком мало!..

* * *

Эту долгую ночь
провожу я в обители грез.
Пламя в жилах струится.
Да хранят всеильные боги
одержимых хмелем весенним!

* * *

После ночи любви
я у зеркала грим подправлю...
Ах, не время еще,
соловей из горной лощины, —
не буди любимого, слышишь!

* * *

Пряди черных волос
уложила в прическу Симада
на столичный манер,
чтоб тебе понравиться утром, —
а сама мечтаю: «Останься!»

* * *

Ручьев журчанье...
Этой ночью не спится мне
без ласк желанных.
До рассвета в полях брожу,
очарована дивным летом.

* * *

С пастбищ зеленых
вдаль стремится, петляя, река —
к тебе, любимый!
Знаю, там, у себя на юге
обо мне ты так же тоскуешь...

* * *

Что мне заповедь Будды?
Что грозных пророчеств слова?
Что наветы и сплетни?
В мире нас сейчас только двое,
обрученных самой Любовью!

* * *

Пряди черных волос
ниспадают до пят на пять сяку,
словно струи ручья.
Сердце, нежное девичье сердце
в упоенье страсти запретной!..

* * *

Этой девушке двадцать.
Как чудесна девичья весна!
По плечам разметались
и струятся, текут под гребнем —
нет, не волосы — черные волны!

* * *

В храм Киёмидзу
иду я кварталом Гион * —
лица прохожих
так прекрасны в лунном сиянье,
в обрамленьи цветущих вишен!..

* * *

Как страшит и чарует
запах лилий, что тает в ночи!
Как пленяет соблазном
аромат этих черных волос,
темный пурпур сгустившейся мглы!..

* * *

Рука в изголовье.
Вот звякнул на гребне зубец —
тон нежный и чистый,
будто голос маленькой лютни
в сновиденьях ночи весенней...

* * *

Я в прозрачном ключе
принимаю целебную ванну —
притаилось на дне
белой лилии отраженье.
В двадцать лет так прекрасно лето!

* * *

О ласковый ветер,
летающий в весенней ночи
из дальних пределов,
заклинаю: помедли немного,
не касайся волос девичьих!..

* * *

Только здесь и сейчас,
оглянувшись на все, что свершила,
понимаю — слепцу
исступленная страсть подобна,
и не страшен ей мрак кромешный!

* * *

Груди сжимая,
ногой отшвырнула покров
заветной тайны —
о, как же густо-багрян
тот сокровенный цветок!

* * *

С плеч соскользнули
просторной одежды шелка.
Зеленый ветер —
проплывает во тьме ночной
рой порхающих светляков...

* * *

Пряди черных волос,
шелковистые пряди густые —
как смешались они!
Так пришли от любви в смятенье
и мои сокровенные думы...

* * *

Я ждала тебя там,
где венчики лилий белеют
в невысокой траве —
а вдали, за лугом цветущим
над равниной радуга встала...

* * *

Диких роз наломав,
я украсила ими прическу
и букет собрала —
о тебе, любимый, тоскуя,
долгий день блуждаю по лугу...

* * *

Кто сказал, что любовь,
все бывшие мечтанья и грезы —
лишь полуденный сон?
Ах, как сладостны воспоминанья
о весне в хмельном аромате!..

* * *

Да, весна коротка,
но к чему оно мне, долголетье
или вечная жизнь?
Соком юности налитую
грудь рукам твоим подставляю!

* * *

Я познала любовь,
полюбила безумные грезы,
вешних снов забытьё!
Жар сплетенных тел охлаждая,
дождь весенний падает с неба...

* * *

Аромат тех цветов,
что мы собирали когда-то,
мне напомнил сейчас
этот запах, плывущий в ложбине
над горячим источником горным...

* * *

Холод ранней весной.
На два дня из столицы уехав,
мы укрылись в горах —
как черны волос моих волны
под покровом цветущей сливы!

* * *

Да знаешь ли ты,
как сердце поет, словно лютня,
в девичьей груди?
О безжалостный! Ночь за ночью
ты проводишь где-то в скитаньях...

* * *

Сердце мое!
К чему в этой жизни стремиться?
Вперяю взор
в беспредельность ночи весенней —
всюду тьма, без конца и края...

То в груди у меня
вздымаются волны прилива,
то бушует пожар —
так безудержно и беззаветно,
так безумно я полюбила!

* * *

От столицы на север
в преддверии третьей луны
разразилось ненастье —
сливы алые лепестки
осыпает жестокий град...

Без конца, без начала
протянулись сурепки поля
в эту ночь полнолуныя.
Край, где матушка родилась,—
как прекрасен он в эту ночь!..

Из книг

**«Наряд любви»,
«Танцовщица»,
«Цветы грез»**

* * *

Да пребудет любовь
прекрасней радуги в небе!
Да пребудет любовь
подобна молнии грозной! —
Так молюсь я, так заклинаю...

* * *

Мы с тобой поднялись
на мансарду высокого дома —
край в весенней красе.
Тонкой лентой белеет речка.
«Утро!» — колокол возвещает.

* * *

Этот дом на лугу —
он, право, похож на обитель,
где с душою родной,
что являлась в снах вешней ночи,
мне дано воссоединиться...

* * *

Я смотрю на цветы,
созерцаю лугов разнотравье...
Нет, великий поэт
не сумел всю правду поведать
о деяниях дней минувших!

* * *

Кто герой того сна,
что в долгие зимние ночи
часто видела я?
Ты, единственный мой избранник!
Ты, супруг мой в семи рожденьях! *

* * *

В час, когда из снегов
поднималось рассветное солнце,
перед взором моим
вся земля внезапно предстала
как огромный белый лотос...

* * *

Родные края!
Весь холмистый мыс Окадзаки,
что дымкой укрыт,
представляется мне продолженьем
нашей хижины уединенной...

* * *

Ты мне говоришь:
«Когда по лощине тенистой
я шел среди скал,
то казалось, малый ребенок
где-то тешится эхом горным»...

* * *

Предрассветной порой,
в кухню дверь приоткрыв, замечаю
отраженный в воде
тусклый отблеск лунного света
на соцветиях вишни вешней...

* * *

Дождь весенний кропит
затерявшиеся в разнотравье
полевые цветы,
что на белый кокон похожи —
и смеркается понемногу...

Из книг

**«Обыкновенное лето»,
«Фея Сао *»**

* * *

Вдруг припомнилось мне
при взгляде на синее море,
как лет десять назад
шла девица неверной походкой
в первый раз на свиданье с милым...

* * *

На равнине Акаги
под морозящим дождем
в высоких травах
между ирисами и гвоздикой
затерялись венчики лилий...

* * *

Вешнее море.
Цвета нежно-зеленых ростков
рябь пробегает.
Проплывает в воде луна.
Незаметно вечер настал...

* * *

Уходит весна.
После ливня небо ночное
все в проблесках звезд,
так похоже на паутину,
окропленную росной капелью!..

* * *

На минуту замру —
и услышу, как с тихим журчаньем
торопливо бежит
ручеек по песчаному руслу.
Предрассветный месяц сияет...

* * *

Первой встретить любовь
и первой познать увяданье,
первой же умереть...
Кто посмеет назвать недостойной
эту нашу женскую долю?!

* * *

Из утренней дымки
вдруг безмолвно вышла она
с блеклым букетом
полевых невзрачных цветов —
и опять уходит в туман...

* * *

Вот и ночь настает,
долгожданная ночь нашей встречи —
как она коротка!
Вешний сумрак благоухает
цветом фенхеля и померанца *...

Из книг

**«Весенняя распутица»,
«Синие волны моря»**

* * *

В предрассветную рань
на исходе короткой ночи
так приятно звучит
за окном, на большой дороге
перестук деревянных сандалий...

* * *

Высоко в небесах
сияет весеннее солнце,
неизменно, как встарь —
только я, увы, изменилась
и познала печаль увяданья...

* * *

Как о редкостной птице,
что давно угнездилась в груди,
чтоб петь свои песни,
я привыкла думать теперь
о мятежном сердце моем...

* * *

Да, в былые года
я страшной, жестокою мукой
называла любовь,
призывала смерть, чтобы в смерти
обрести покой и отраду!..

Из книги

«От лета к осени»

* * *

Вешние ливни.
В отчем доме печально сiju.
Как пахнет дымом!
Здесь окуривали комаров.
Долетает рокот воды...

* * *

Мелодии кото
вторит колокол в дальних горах —
и музыка эта
дивным, невыразимым звучанием
наполняет чуткое сердце...

* * *

Полевые цветы —
лиловые, белые пятна
затерялись в траве.
Их окраска сквозит печалью,
схожа с цветом сумерек летних...

* * *

Воспоминанья
о той незабвенной поре,
о двадцатилетней
скромной девушке городской
навевают тобэра * цветы...

* * *

Закатное солнце
обагрят прощальным лучом
пустынный берег.
Волны катятся на песок.
Веет с моря вечерний бриз...

Из книги

«Киноварные листья»

* * *

Что за мученье!
Этот ветер сводит с ума —
дует и дует,
осыпая фенхель в саду,
осыпая пионовый цвет...

* * *

Я молюсь не о том,
чтобы юность вернулась и снова
стала девушкой я —
пусть как зрелости дополненье
пыл былой возвратит мне юность!

Из книги

«Сны травы»

* * *

Думалось мне,
облаков многослойных обитель
этот остров вдали,
а пристали — и оказалось,
тут обитель цветущих камелий!..

Вакаяма Бокусуй

Из книг

**«Голос моря»,
«Пою в одиночестве»,
«Разлука»**

* * *

Этих радостных дней,
напоенных хмельным ароматом,
я дождался — и вот
вновь люблюсь осенним сияньем
в кронах вечнозеленых деревьев...

* * *

Что там горит,
пламенеет под солнцем полднем?
Дальний костер?
А быть может, в зареве алом
догорает горькая юность?..

* * *

Какая печаль!
Лебедей белокрылая стая
по морю небес
проплывает и тает бесследно
в голубых бескрайних просторах...

* * *

На горы взгляни —
как сверкают под солнцем горы!
На море взгляни —
как сверкает под солнцем море!
Подставляй же губы скорее!

* * *

Отчего-то мне вдруг
сегодня опять взгрустнулось.
Приютившись в тени
облетающей вишни горной,
неотрывно смотрю на солнце...

* * *

Берег пустынный.
Разжигаю под вечер огонь.
Ну же, печали,
вы, скитальцы далеких морей,
собирайтесь к костру моему!..

* * *

Ночь была коротка...
А может быть, так показалось
только мне одному —
и тянулась ночь слишком долго?
Говори же, я жду ответа!

* * *

Облака разошлись,
открывая для взоров вершину,
купол Фудзи-горы.
Я стою на траве у подножья,
на лугу, по-летнему ярком...

* * *

Наступила весна.
У отца-старика в потускневших
и потухших очах
бело-розовые соцветья
дикой вишни вновь отразятся...

* * *

В старом квартале
на закатный наряд облаков
не налюбуюсь.
Возвещая вечерний час,
в храме колокол гулко бьет...

* * *

Распрощавшись с тобой,
я побрел одиноко, печально
через лес — но затем,
на пригорок взойдя, увидел
облака весенние в небе...

* * *

Начало лета.
Одинокий путник стоит
в горной долине,
во дворе старинного храма,
у подножья пагоды древней...

* * *

Так прощай же, прощай!
Настала пора расставанья.
Никогда, никогда
нам не видеть больше друг друга.
Так прощай же, прощай навеки!

* * *

В сосновом бору,
окружившем подножье вулкана,
всю ночь напролет
в серебристом лунном сиянье
неумолчно поет кукушка *...

* * *

На рассветной заре,
как и вечером, на закатной,
наблюдаю в тоске
облака, осенившие горы,—
нет, и в них не найти утешенья!..

* * *

Что мать, что отец —
убелили обоих седины,
а сын-сумасброд
все никак не угомонится,
вновь мечтает о странствиях дальних...

* * *

Всю суровость зимы
в этой жизни познал я впервые —
сердце тяжело щемит.
День за днем бесплодно печалюсь
о судьбе листвы облетевшей...

* * *

Я ведь мужчина,
и мне всего двадцать пять —
силен и молод!
Про себя одно повторяю:
«Пусть же, пусть приходят печали!»

* * *

С этого места
не виден и берег морской —
в песчаных дюнах,
от палящего солнца укрывшись,
я лежу, погружен в раздумья...

* * *

Весенняя грусть!
В двадцать пять полюбил я впервые
белый сливовый цвет,
о котором в годы былые
никогда так нежно не думал...

* * *

Под вечер иду
по песчаному ровному пляжу
вдоль кромки морской,
где остались еще очертанья
волн отхлынувшего прилива...

* * *

О, конец той любви!
Разве он не печальней кончины
где-то в диких горах
одинокого хищного зверя,
умирающего от раны?..

* * *

Через узкий канал
в одном из знакомых кварталов
я хотел перейти —
и на мостике повстречался
с незнакомцем, Ветром весенним...

* * *

Захмелев от сакэ
и разум почти что утратив,
в майский полдень бреду —
напрямик упрямо шагаю,
напрямик по ячменному полю...

* * *

Вот напьюсь допьяна —
и тогда, ненавидеть не в силах,
мир наш грешный люблю —
хоть порой и сам уж не знаю,
жив ли я, на каком я свете?..

* * *

Дремотные горы,
а там, у подножия гор —
дремотное море.
Путешествую по краям,
напоенным грустью весны...

* * *

С мансарды спускаюсь,
по ступенькам тихонько схожу
и в сгустившемся мраке
ощущаю всем существом
эту осень и эту ночь...

* * *

Не прокричит
даже птица в лесу ненароком.
Долго лежу
под деревьями — чтобы телом
и душой погрузиться в осень...

Из книги
«На дороге»

Вечерняя грусть!
Плесни на багровые угли
немного сакэ —
и наполнится комнатка
ароматом зелья хмельного...

* * *

Шелестят на ветру,
изнанкой ко мне обратившись,
листья в чаше лесной —
им, должно быть, так больно видеть,
что и горы доступны людям...

* * *

Пока отмывал
пропахшие травами пальцы,
вернувшись домой
с вечерней долгой прогулки,
луна взошла над лугами...

* * *

Вечером в поле
бродит мальчик, совсем один,
ест шелковицу —
плача, ягоды с веток срывает
и зовет, надрываясь, маму...

* * *

Где-то на дне
нахлынувшей ночью печали,
в белесой мгле,
обессиленный, опустошенный,
я открыл глаза на рассвете...

* * *

О, как жалею
о жизни ничтожной моей,
что увядает,
словно осенний цветок
в жухлой траве на лугу!..

* * *

С черного хода
возвращаюсь под вечер домой

и на ступеньках
останавливаюсь отряхнуть
хвою лиственницы с рукава...

* * *

Подходит к концу
«долгий месяц», девятый по счету *.
Как сердце шемит!
«Хоро-хоро»,— шуршат под ветром,
опадая, сухие листья...

* * *

Разошлись облака.
Я через вершину Асама
по тропинке бреду —
точно облачный след, белеют
клочья дыма над жерлом вулкана...

* * *

Печален мой путь.
Иду один через горы —
и тянется след
из долины по первому снегу,
по осенней ранней пороше...

* * *

Я погладил ее —
и шерсть мне печальную повесть
рассказала без слов.
Ах, бедняжка моя, собака!
Что за грустный холодный вечер!..

Из книг

**«Смерть или искусство»,
«Истоки»**

* * *

Две-три краски в траве,
и те незаметно поблекли
у веранды моей.
Значит, время пришло — опали
все цветы ушедшего лета...

* * *

В зоосаду
тяжким духом звериным несет
от тесных клеток.
Я шагаю — и в спину мне
бьют закатного солнца лучи...

* * *

Волны, волны, волны —
волны в открытом море
и волны прибоя!
Ждите, ждите меня! Я скоро,
с гор спустившись, приду к вам, волны!

* * *

На море гляжу
и слышу, как в пене прибоя
рокочат валы —
то вздымаются, то опадают,
обдавая тоскою сердце...

* * *

Открываю окно.
Вот ласковый солнечный лучик
тронул щеку мою.
Долгожданная! Наконец-то
ты пришла, золотая осень!

* * *

Летний солнечный день.
Оперением пышным сверкая,
на зеленых ветвях
птицы звонко и чисто выводят:
«Все живое погибнет, сгинет!»

* * *

Будто бы слышу
откуда-то голос отца —
осенний вечер
я один сегодня встречаю
в этом старом пустынном доме...

* * *

Вот на закате,
не вовремя и невпопад,
дважды пробили
в доме дедовские часы —
будто охнул кто-то живой...

* * *

Сев на корабль,
я плыву и плыву по морю —

какое счастье!
Сев на корабль,
я ни с кем на земле не связан —
плыву по морю!.. *

* * *

Ступишь — и под ногой
осыпается бурая глина —
склоны выжженных гор.
Притаившись неподалеку,
громогласно квакает жаба...

* * *

Я деревья ваю
у подножья горы, в котловине,
там, где смешанный лес.
Как прохладно весеннее солнце!
Как прекрасно быть лесорубом!

Из книг

**«Песни осеннего ветра»,
«Дюны», «Утренняя песня»**

* * *

Пробили часы —
на деленье продвинулась стрелка.
Как бьют о стекло,
как трепещут зеленые листья
в ясный день под ветром осенним!

* * *

Высокий бамбук
в саду вокруг георгинов.
Тихонько шуршат
под ветром мелкие листья,
как будто дождь барабанит...

* * *

Ветер вдруг перестал,
ненадолго умчался куда-то.
С облегченьем вздохнув,
я принимаюся — пахнет солнцем
от горячей и смуглой кожи!..

* * *

«Осень», — вымолвил я
и сам испугался немного,
голос свой услышав.
Там, вдали, за проемом оконным
открывается вид на город...

* * *

«Ну, беги же, беги!» —
подгоняют ретивые волны,
так и бьют по ногам.
В жаркий полдень вдоль кромки прибоя
по песку бегу, задыхаясь...

* * *

Крабик песчаный,
копошившийся на берегу,
пустился в бегство,
и тидори куда-то бегут —
это ветер осенний дохнул...

* * *

Ветер с горных вершин
внезапно обрушился нынче
на болотистый лог,
где цветы плюща под листвою
на зеленом смутно белеют...

* * *

И сегодня опять
на песчаную белую отмель
я, наверно, пойду,
чтобы там, у кромки прибоя,
одинокو смотреть на волны...

* * *

Неумолчно поет —
все кукует, кукует кукушка.
Неба голубизна...
Наконец наступает полдень,
остужающий пламень сердца...

* * *

Берег песчаный
розовеет в закатных лучах.
Вынесли волны
скорбный дар пучины морской —
одинокий рыбачий челн...

* * *

В даль морскую смотрю
на маленький остров Одзима —
вьется белый дымок
над угрюмой черной вершиной.
Незаметно вечер спустился...

Из книг

**«Белые цветы сливы»,
«Печальные деревья»,
«Долина меж гор»**

* * *

«Да, все мы придем
к одному концу в этом мире!» —
Простые слова,
что, увы, для меня сегодня
перестали быть просто словами...

* * *

Рассвет недалек —
и, быть может, предутренный холод
виною тому,
что в саду у меня так стенают,
так пронзительно плачут цикады...

* * *

На зимнем лугу
собираю букет горечавки
в подарок жене —
я ведь знаю, как она любит
этот цветик темно-лиловый!

* * *

Дымком очага
попахивает от чашки —
цежу кипятком.
На зимовье в хижине горной
остывает нехитрый ужин...

* * *

Море утихло
и птицы уже не кричат —
лишь в отдаленье
иногда, как тень, проплывет
над водою черный баклан...

* * *

Посмотри в небеса
и на землю — в простор мироздания,
где сквозь сумрак ночной
над безбрежным Восточным морем *
из пучины луна восходит!..

Из книги

«Черная земля»

* * *

За вечером вечер
я во власти томительных грез.
За вечером вечер
устами впиваю вино,
душой — беспричинную грусть...

* * *

Каждый день про себя
я твердил: «Ну, когда же? Когда же?»
А сегодня гляжу —
и под ветром не опадает
вишня в самой поре цветенья!..

* * *

Вдруг над ухом раздался,
точно дудки пронзительный писк,
выкрик горной кукушки.
В котловине, дышащей зноем,
я проснулся — время к полудню...

* * *

Ветер поднялся.
Дождем опадает листва,
кружа в полете.
Шелестят, ветвями качая,
криптомерии у дороги...

* * *

Дохнул ветерок —
и широкие листья павлоний *,
играя во мгле
переливами лунных бликов,
чуть заметно вдруг всколыхнулись...

* * *

Сквозь ветви деревьев
пробивается зимнее солнце,
и мне на лицо
лучи его попадают.
Светит ярко, но греть — не греет!..

* * *

Далеко я забрел
и собрался у берега моря
эту ночь скоротать —
но едва лишь прилег, как в полночь
разразился ужасный ливень...

* * *

Вторая луна —
календарной весны начало *.
Увы, каждый год
этот месяц сулит печали
моему усталому сердцу...

Ито Сатио

Из книги

«Собрание танка Сатио»

Роща

Кацусика *.

Близ реки Итикава темнеют
верхушки сосен.

Там, в сосновой роще сокрыт,
притаился старинный храм...

Чай

Беззаботных вельмож,
что под сенью бамбуковой рощи
коротают досуг,
рисовать на шелку закончил —
и отправился выпить чаю...

* * *

Потемнела окраска
излюбленной чашки моей,
обоженной на славу
старым мастером-гончаром
в незапамятные времена...

Вишня *

О, придет ли пора,
когда ты, все недуги осилив,
сможешь вновь созерцать
вишен цвет в горах близ Уэно *
и слагать о нем пятистишья?!

1 июня гуляю в Ёсино

Ярко-алый, багряный,
пунцовый — смешались цвета,
и на маковом поле
под лучами вечерней зари
полыхает вдали пожар...

Сверчок

28 августа поднялся ураган, и река Тагэкава, выйдя из берегов, затопила окрестные луга, так что волны захлестывали в дома и вода плескалась на циночках. Люди и скот — все обратились в бегство. Я же, печально коротая ночь в уединенной хижине посреди водной равнины, слушал, как верещит сверчок, и слагал стихи.

Расплескалась вода
на полу в лачуге убогой —
и всю ночь напролет
верещит сверчок однозвучно
в темноте, под накатом крыши...

* * *

Я остался один
в окруженной водою лачуге —
и, промокнув насквозь,
все прислушиваюсь до рассвета
к тихой песне сверчка под кровлей...

* * *

Снова плеск за стеной —
редко-редко случайный прохожий
по глубокой воде
к своему жилью проберется...
Вот и ночь уже на исходе.

Разнотравье в саду

Среди множества трав
на лоне осеннего сада
так приметны они —
высотой патриния спорит
с колосками спелой гречихи...

Стихи о мхе

Там, где есть валуны, —
к валуну прильнет потихоньку,
где деревья растут —
угнездится в тени деревьев.
Мох зеленый всюду пробьется...

Пион в зимнюю пору

Ярко-алый пион
я сегодня принес и поставил
в нишу токо-но-ма —
вот уже и не так уныло
стало в хижине одинокой...

Пионы в дождливую ночь

* * *

Я в дождливую ночь
так соскучился по пионам,
что, фонарь прихватив,
вышел в сад побродить немного
и цветы заодно проведать...

* * *

Ливень хлещет и хлещет.
У алых пионов моих
лепестки растрепались —
и, намокшие под дождем,
так печально поникли они...

* * *

Сгушается мрак.
Я, ставни не закрывая,
лампаду зажег —
и смотрю, как в отблесках света
под окном пионы мерцают...

Стихи к случаю

5 августа на маленьком заливном поле перед моим садом я сре- зал шесть цветов лотоса и поставил их в нишу токо-но-ма, щедро напоив водой. Они были так прекрасны, что не передать словами.

Разливая сиянье,
аромат источают они,
так роскошны, так пышны!
Чуть колышутся лепестки —
то, должно быть, ветер дохнул...

Стихи, сложенные при почтительном созерцании Большого Будды в Камакура *

Так и будет стоять
в Камакура вечные веки
этот Будда всех будд,
над собою раскрыв, как зонтик,
голубое ясное небо...

Осенней ночью иду через горы

В лунном сиянье
под тихий стрекот цикад
по горной тропке
я бреду — одежду мою
промочил белесый туман...

* * *

На горном поле
картофельная ботва
влажно мерцает.
Все прозрачней роса, все светлей —
ярче лик луны в небесах...

Опавшие листья
(стихи с ложа болезни)

Вижу — камни укрыв
и замшелые корни деревьев,
будто сами собой
собираются палые листья,
чтобы вновь толпою кружиться...

Поминаю Сики *
на сотый день после кончины

Перед взором моим
незабвенный твой образ не меркнет —
вот, на ложе простерт,
обессиленный тяжким недугом,
ты откинулся на изголовье...

Зимнее уединение

Зимой в деревне
я в хижине подле окна,
на самом солнце
в ряд поставил полдюжины чашек,
что слепил из отличной глины...

* * *

Зимой в деревне
Ито Сатио, крупный поэт,
любитель чая,
занимается изготовленьем
не стихов — керамических чашек...

Лягушки

Поздняя ночь.

Все реже лягушки друг друга
окликают во мгле —
вот одна проквакала где-то,
вот еще две урчат тихонько...

Поздняя осень в маленьком садике

Все-все до одной
я жалею осенние травы,
но больше всего —
безответный цветок ромашки,
что поник под инеем росным...

Цветущий фруктовый сад

Над равниной в цвету,
над садом в багряном сиянье
ранней вешней зари
легкокрылые, чуть заметны,
вьются, вьются, порхают стрекозы...

В храме Сюкүдзан в начале зимы

Плывут облака
отовсюду к горному храму,
где наедине
с настоятелем мы остались —
верно, есть в них душа живая!..

Из цикла

**«Тетрадь стихов
из хижины „Ни пылинки"»**

* * *

Чайник кипит.
Передвину ка я к очагу
сливу в горшочке,
чтоб смотреть, как среди ветвей,
растекаясь, клубится пар...

Опадающие листья сливы

Сливовый сад.
Под дыханьем студеного ветра
облетает листва,
но на голых ветках осенних
уж набухли новые почки...

* * *

Деревья сливы
после бури в долине меж гор.
Воздух прозрачен.
Вижу, как высоко в небесах
надо мною коршун парит...

Из цикла

«Песни начала зимы»

* * *

Пестики алы
в белых венчиках хризантем.
Сверчки умолкли.
Первым инеем осенена
нынче утром прохладная тишь...

Из цикла

«Покой»

* * *

Земля и небо
до утра погружаются в сон.
Сумрак сгустился.
Вдалеке над равниной морской
киноварная всходит луна...

* * *

В открытом море,
должно быть, гудит пароход
глухо, протяжно —
смутный отзвук, блуждая во тьме,
докатился сюда по волнам...

* * *

Сквозь морозную мглу
против устья на рейде мерцают
два далеких огня —
недвижимы, безмолвны волны,
все темнее небо ночное...

Мимоза

Верно, хочет сказать,
что осень пришла — почему-то
во дворе у меня,
как старушка, поникла мимоза,
оголив сплетенные ветви...

Из цикла
**«Десять стихов,
написанных в хижине
во время половодья»**

*** * ***

Я фонарь засветил
и, стоя в дверях, наблюдаю,
как на мутной воде,
проносящейся мимо дома,
отражаясь, играют блики...

Из цикла
**«Луноцвет *
на каменистом берегу»**

*** * ***

Стоя вдвоем
на берегу океана,
вперяем взор
в небеса, чтоб увидеть все краски,
всю красу облаков закатных...

*Стихи, сложенные
в павильоне Хайсё-до*

Дождь моросит.
Я смотрю, как в пруду, под навесом
из зеленой листвы,
под ветвями старого дуба
беззаботно утки резвятся...

Из цикла
«Песни Ямато *»

* * *

Изжелта-красный
падает отблеск на луг
в клубах тумана —
народившаяся луна
в глубине озерной плывет...

Симаки Акахико

Из книги

«Цветы картофеля» *

Горячий источник Камикоти

В чаще лесной
умолкают под вечер птицы.
Сумеречны
просветы между стволами.
Смутно вода мерцает...

* * *

Цветущим лугом
по тропинке меж трав я пришел
к рощице дальней
и сказал себе: «Тишина!» —
Утка крикнула мне в ответ...

Деревня Хироока

Выходит окно
на увядшее зимнее поле.
Вот вечер настал —
и, хотя еще светит солнце,
вдруг заметно похолодало...

* * *

Далеко-далеко
мой дом сотрясают порывы
ветра с зимних равнин,
и жена, затеплив лампадку,
притворяет под вечер двери...

* * *

Поздняя ночь.
Под густыми клубами тумана
разливается свет —
в ускользающих лунных бликах
чуть заметно вода мерцает...

* * *

Поздняя ночь.
Пристроившись подле жаровни,
в темень полей,
что за садом моим простерлись,
я гляжу отрешенно, уныло...

* * *

Сегодня утром,
едва лишь сквозь ветви дерев

во мгле туманной
первый солнечный луч блеснул, —
подавал голос первый петух...

Из цикла

«Покидаю лесную деревеньку»

* * *

В чаще лесной
на мшистой зеленой поляне
долго сижу —
с этим краем горным прощаюсь.
Тяжело и горько на сердце...

* * *

В последний раз
прохожу по знакомому лесу,
едва-едва
мягкого мха касаясь.
Вот и солнце уже померкло...

Дом на лугу у подножия горы

Что ж, быть может, теперь
отойдет, успокоится сердце —
мирно тлеет очаг,
и от слабых проблесков углей
на стене колышутся тени...

Из цикла

«Полустанок в горах»

* * *

За тем домишком,
где вывеска лавки мясной,
в холодном блеске
на лугу под лучами заката
поднялась ветвистая роща...

Из цикла

«Деревня Тамагава»

* * *

Долго тянутся дни
в деревушке на зимней равнине —
я потухший вулкан
созерцаю в раздумье печальном.
Не пора ли зажечь светильник?..

* * *

Через окно,
что выходит во двор на запад,
отсвет зари
проникает вместе со звуком —
у соседа овес молотят...

* * *

Тускло брезжит рассвет.
Оседают клубы испарений
над горячим ключом —
и туман потоком стекает
в чашу озера, лед окутав...

Из цикла

«В летнем домике»

* * *

Прилетев на огонь,
с писком кружатся мошки ночные.
В доме рядом со мной
ребятишки клубком свернулись,
прикорнув на старых циновках...

В доме

Дождь перестал.
Отчего же так зябко под вечер?
На фусума —
на вошеной бумаге створок
догорает отблеск заката...

Из цикла

«Токио»

* * *

Улица ночью.
Над серой остывшей золой,
остов жаровни
разукрашивая по краям,
чертит иней морозный узор...

* * *

Репу мою в ручье.
Корнеплоды тугие белеют
сквозь туманную мглу —
мрак ночной укрыл без остатка
весь простор равнины Мусаси *...

Возвращение на родину

Сквозь двери вагона —
закатного солнца лучи
над смешанным лесом...
В край печальный, до боли родной,
Я вернулся спустя столько лет!

Из книги

«Искры от опива»

* * *

Пароход прогудел,
и с берега гулкое эхо
прокатилось в ответ
сквозь завесу дождя и тумана —
верно, горы неподалеку...

Пляски на острове

Издалека
мерный рокот сквозь мрак долетает —
волны шумят.
От деревьев тени ложатся.
Лунной ночью пляшут крестьяне...

* * *

Берег пустынный.
Разросся мискант меж камней —
сломаю стебель,
чтоб, сквозь жабры его продев,
рыбу пойманную нанизать...

Горный край

Все пишу и пишу,
дотемна оторваться не в силах,
чтоб светильник зажечь —
в одиночестве сидя дома,
тихий летний вечер встречаю...

* * *

Вечерний сумрак.
В прихожей глухая возня.
Мальчик вернулся
и старается не шуметь —
под дождем, наверно, промок...

Останавливаюсь в Каруидзава

Стаял снег на полях,
обнажилась бурая почва —
и висит над землей
тусклый диск закатного солнца,
с виду маленький и холодный...

Залив Ниагэ

Кончился дождь.
Колышется легкая дымка —
и сквозь нее,
близкой на солнце сверкая,
вдалеке проплывает парус...

***Раздумья при возвращении
в родные места***

Густую листву
раздвигая на тутовом поле *,
пришел я сюда —
как неясно вода мерцает
в этом старом, заглохшем колодце!..

* * *

Под вечер сижу,
размышляя с унылою миной
о плоти своей,
что привыкла в уединенье
наслаждаться чашечкой чая...

* * *

Ночь наступает.
Утихают где-то вдали
звонки трамваев
и колес глухой перестук.
Вот, похоже, начался дождь...

* * *

Ливень ночной
так и хлещет в оконные стекла,
струи текут.
Мне не спится — это, должно быть,
одиночество душу гложет...

Накамура Кэнкити

Из книги

«Цветы картофеля» *

Из цикла

«Песчаное побережье Фукиагэ»

* * *

Сосны на берегу
зарылись в песчаные дюны,
будто в землю ушли —
и на уровне глаз протянулась
вдаль и вширь сосновая роща...

* * *

Где-то там, над песком,
что смутно белеет во мраке,
далеко-далеко
переходит море ночное
в необъятное звездное небо...

Из цикла

«Бамбук»

* * *

Лунная ночь.
По бамбуковым кольям ограды,
влажным слегка
и блестящим от испарений,
тень моя неспешно проходит...

Из цикла

«Круча Нома»

* * *

Даже птица — и та,
словно в матовой оболочке
над землю скользит —
растеклись облака тумана
между соснами в горной долине...

Из цикла

«Холодные камни»

* * *

Гладкий валун —
чуть колышется в нем отражение
мерзлой травы,
что едва заметно трепещет
под дыханьем зимнего ветра...

* * *

Близится вечер.
По увядшему лугу бреду,
а под ногами —
будто кожа больших камней,
с виду так гладка, холодна...

Из цикла

«Тусклый свет в ночи»

* * *

По лугу иду.
Вдруг близ шалаша раздается
«Ку-ку» в темноте —
как печально кличет кукушка
поздней ночью над спящим долом!..

Из цикла

«Дождливые сумерки»

* * *

Цветом дождя
и цветом листвы зеленой
увлажнены
глаза мои в этот вечер —
вдали догорает солнце...

Из цикла

«От зимы к весне»

* * *

Заливая квартал
мутно-желтым неверным сияньем,
показалась луна.
Поздно ночью, холодом вея,
налетает свирепый вихрь...

Из книги

«Лесной источник»

Из цикла

«Сиянье над челом»

* * *

Близится вечер.
У подножья горы Аса-яма
Великий Будда * —
под зеленой патиной бронза
багровеет в лучах заката...

* * *

Видно, как вдалеке,
за плечами Великого Будды,
будто сами собой
невысокие горы тают,
погружаются в сумрак ночи...

* * *

В красном свете луны,
проплывающей по небосклону
в эту дивную ночь,
окроплен росой, сияет
над долиной Великий Будда.

Из цикла

«Берег моря в молодой зелени»

* * *

И сегодня еще
сквозь завесу дождя различаю
дым на дальнем мысу,
где под сенью прибрежной рощи
разместились лодки рыбацьи.

Из цикла

«В окрестностях мыса Сусаки»

* * *

Дождь моросит
над приморским «веселым кварталом»
едва-едва.

С поднебесья спустилась чайка,
над дорогой моей летает...

* * *

Ветер с моря подул,
и опять донеслись эти звуки —
сямисэн прозвенел
в отдаленном «веселом квартале»
так тоскливо, так заунывно...

Из цикла

«Зеркальная стена»

* * *

Все сильнее за окном
завывает зимняя буря —
мерзну даже в кафе,
где, за столиком приютившись,
ем свой поздний остывший ужин...

Ущелье

Вот и сегодня
путники скрылись вдали, —
а над ущельем
брезжит отблеск закатной зари.
Видно, вечер уж недалек...

Из цикла

«Туман над оградой»

* * *

Выгон в горной глуши,
окруженный плетеной оградой.
У калитки стою —
сквозь густой туман багровеют,
распускаясь, цветы мимозы *...

* * *

Плутая в тумане
и вымокнув в светлой росе,
на дальний выгон
я зашел и калитку прикрыл —
горы, сосны сомкнулись вокруг...

Каштановая роща в цвету

В пору рассвета
по темному лесу бреду
и слышу — с веток,
просевающих влажный туман,
там и сям стекает капель...

Из цикла

**«Разные песни лета
в горном ущелье»**

* * *

Сквозь плотный туман,
сползающий на деревню
по склону холма,

вижу — с ведрами от колодца
поднимаются в гору люди...

* * *

Ночь за ночью гляжу
из лачуги в глубоком ущелье —
надо мной в вышине
светлый контур Реки Небесной *.
Верно, осень не за горами...

* * *

В небесной дали
свет звезды одинокой и ясной.
Громадна, черна,
тень соседней горы нависает
над пустынным почтовым трактом...

Из цикла

«Вечерний вид моста Кообаси»

* * *

От устья реки,
озаренный лучами заката,
неспешно плывет,
приближаясь к мосту Кообаси,
белоснежный огромный парус...

Из цикла

«Под сенью утеса»

* * *

Под утесом сию
и слушаю лепет невнятный,
что донес ветерок
с лучезарной озерной глади —
будто нежный голос любимой...

Из цикла

«Цветы подсолнуха»

Душный сумрачный день.
Непривычно хмурится небо.
Прямо передо мной
не качнется, не шелохнется
у веранды большой подсолнух...

* * *

Низкие тучи
нависли над летней землей.
Идет мальчишка —
а за пазухой у него
неумолчно цикада поет...

Из цикла

«Аллея, обсаженная дзельквой»

* * *

Листовою дзельквы
затенен весь маленький класс —
свет зажигаю.
Разливается сумрак вечерний
над приземистой старой школой...

* * *

Пролетел ветерок
над деревьями дзельквы в аллее —
у подножья холма
всколыхнулись и заблестели
молодые, свежие листья...

* * *

Кромешная тьма.
Лишь звезды в небе мерцают.
Шуршат и шуршат —
разговаривают тихонько
листья дзельквы над головою...

Нагацука Такаси

Из книги

«Собрание танка Такаси»

Из цикла

«Хижина в Нэгиси *»

*Стихотворение, сложенное
при посещении Обитателя
Бамбукового селенья **

Пришел навестить
стихотворца, наставника Сики
в тяжелые дни —
а он, к постели прикован,
рисует нынче картину...

* * *

Эй вы, воробьи,
что чирикаете на ветках?
Летите сюда,
собирайтесь к стеклянной двери —
шебечите здесь для больного!..

* * *

Ты на ложе простерт,
но взгляни сквозь стеклянные сѐдзи * —
разве не для тебя
зеленеет первая травка,
возвещающая весну и радость?!

Стихи из поэтического дневника

25 числа под вечер ставлю силки на бекасов

Над колосьями риса
в осенних полях заливных
туман клубится.
Ярко светит луна в поднебесье.
Слышу, кличут на тяге бекасы...

30 числа идет дождь

Видно, жалко и ей —
беспокойно щебечет сойка,
прикрывая крылом,
как зонтом, от осеннего ливня
деревцо хурмы под забором...

* * *

О далекой столице,
о любимой, оставленной там,
вспоминаю с тоскою,
на дорожках в саду сметая
облетевшие листья дуба...

* * *

Оглянусь еще раз,
взгляну на унылую ниву —
только ветер свистит,
проносясь над колосьями сорго,
что от ливней не просыхают...

Из цикла

«Шестнадцать песен о цветах»

* * *

Вешнее поле.
На проложенной борозде
в отвале пашни,
весь забрызган грязью, растет
скромной сушеницы цветок...

* * *

У края поля,
где, выглядывая из воды *,
поют лягушки,
в перелеске белым-бело —
распустились калины цветы...

* * *

Поспеваает ячмень.
Замешались меж желтых колосьев
пятна ярких цветов —
щедрым летним солнцем согретый,
раскрывается подмаренник *...

* * *

Перед домом в саду,
где туман навеваает прохладу
в ранний утренний час,
подметаю сухие листья,
оппадающие с бадьяна *...

Из цикла

«Разные песни осени и зимы»

* * *

На поле осеннем,
где после уборки бобов
лишь сорный щетинник
клочками торчит повсюду,
сверчки уныло стрекочут...

* * *

Деревья стригут.
С павлонии ветка упала,
придавила цветок —
на безжизненном стебле простерта
белоснежная хризантема...

* * *

Риса снопы
увезли, погрузив на телеги —
грустно стоит
чайный куст, такой одинокий,
на стерне, соломой усыпан...

***Подметил, остановившись на ночлег
в доме господина Фуруя***

Опадают в саду
осенние листья со сливы,
а за изгородью —
там, вдали, над кручами Кома
громыханье в лиловых тучах...

Из цикла

«Песни осени»

* * *

«Куриное просо»
вздыхает под ветром ночным.
Летят, отцветая,
осыпаются лепестки —
это осень уходит тайком...

* * *

Как будто бы осень
опустилась в листву на ночлег —
и ветви павлоний
убаюкивают ее,
шелестят в сгустившейся тьме...

Из цикла

«Стихи о густом тумане»

* * *

Тело мое
обволакивает клубами
плотный туман —
что за птица в белесой мгле
так протяжно, громко кричит?..

* * *

Сколько раз на лугу
я видел знакомые травы,
но спустился туман —
и в диковинном, странном обличье
предстают цветы полевые...

* * *

Зеленеющий дол,
где осенних лугов разнотравье
ароматы струит,
вдруг исчез под слоем тумана,
будто дно в глубинах озерных...

***Если присмотреться повнимательней,
осень уже близка***

В фарфоровой вазе
колокольчиков скудный букет
красиво расставил
и увидел — совсем уже скоро
в самом деле настанет осень...

* * *

Толпы прохожих
по тротуарам снуют.
Кто эти люди?
Все они унылы на вид
и мрачны, как деревья зимой...

***В этот день хлещет ливень,
и я с грустью вспоминаю о матери***

Если даже меня
этот ливень сегодня печалит
и тоскою томит,
каково же терпеть разлуку
в одиночестве матушке бедной?..

***Снова слегка щемит сердце
при виде последнего
цветка камелии***

Ну что ж, увядай!
О камелия, ты леденеешь
на холодном ветру —
и никто не взглянет печально.
Сходны наши с тобою судьбы...

* * *

Всеу пышно цвели
и теперь опадаете всеу!
Представляются мне
лепестки облетевших камелий
загустевшими каплями крови...

Пишат воробьи.
Ложатся на утренний иней,
на белый покров,
так беззвучно и безнадежно
лепестки последних камелий...

В Дзёсю, в горах Ирияма

Поле сорго весной.
На каждом цветке разместилось
по одной стрекозе —
позаботясь об их ночлеге,
незаметно уходит вечер...

* * *

На могучем дубу
молодые листочки раскрылись —
так прозрачны, бледны,
все просвечены нежным сияньем
по-весеннему мягкого солнца...

* * *

Ночь проходит без сна.
Пред мысленным взором всплывают
те глаза мертвеца,
что меня поразили недавно
в круглом зеркале у постели...

*Дерево мушмулы в моем саду
принесло в этом году
на редкость много плодов*

К стволу мушмулы
я лесенку нынче приставил,
залез, поглядел —
но вблизи плоды оказались
несъедобны, зеленоваты...

*Ожидая корабля,
чтобы плыть в провинцию Бунго *,
провел день и ночь в домике
на берегу Внутреннего моря **

Сегодня ночью
так звонко сверчок вершит
неподалеку —
может быть, к примеру, на кухне,
где-нибудь в овощной корзинке?..

Коидзуми Тикаси

Из книги
«У реки»

Из цикла
«Вьжигают лес в горах»

Отсвет пожара
багровеет в вечерних горах.
Черные тени
от приземистого бамбука *
на бумагу сёдзи ложатся...

Из цикла
«К случаю»

* * *

Вечерней порой,
когда поднимается ветер,
я вижу вдали —
трава по горному склону
сверкает, переливаясь...

На водах

Окончился дождь.
Закатное солнце сияет.
Клубящийся пар
плывет над новой купальней,
а рядом — цветущие груши...

* * *

Пригласили меня
к соседям — попариться в бане.
На обратном пути,
хоть луна светила неярко,
мелкий снег так мерцал, искрился!..

* * *

Каждое утро
в эту пору у края тропы,
которой гонят
деревенских коров на выпас,
росный иней в траве белеет...

Из цикла

«Уходящая весна»

Весна на исходе.
В котловине межгорной поля
водою залиты.
Розоватый отсвет на чеках —
солнце к западу повернуло...

Из цикла

«В гостях у мэтра Ито Сатио»

Я пришел в этот сад,
и вот под тенистым покровом
нежной вешней листвы
долго-долго стою, вдыхая
древа софора * благоуханье...

* * *

Уж которую ночь
провожу с твоего позволения
в этом скромном жилье —
и сегодня за полночь ляжем,
засидевшись вдвоем за чаем...

Молодая листва мирта

Снова в отчем краю!
Дома первую ночь встречаю —
а в саду у меня
по листве молодого мирта
пробегают лунные блики...

Голоса сверчков

Вечером лунным,
составив на поле снопы,
не ухожу я —
надо всей округой звенят
голоса осенних сверчков...

* * *

Белеет роса.
Луна вечерняя светит.
Приятно бодрит
запах свежей соломы с поля —
и сверчки поют в отдаленье...

Из книги

«Земля на кровле дома»

Из цикла

«Железные мосты»

Вблизи парохода
показался огромный завод —
и кажется, будто
от цехов, вокруг растекаясь,
долетает запах железа...

* * *

Высоко над рекой
мост железный вдали замаячил.
Прибыл корабль —
вот и гавань в устье реки,
долгожданный столичный порт!..

Из цикла

«Трава, проросшая на крыше»

* * *

По кварталам столицы
прохожие резво снуют —
и ведь все эти люди
абсолютно чужие мне,
знать не знают Коидзуми!..

Из цикла

«Хижина „Ни пылинки!“» *

Кито Сатио

* * *

Доброго друга
отправился навестить.
Цветы ромашки —
как же рано раскрылись они
у ограды в этом саду!..

* * *

В доме у друга,
распарившись, в ванне сижу —
и даже запах,
что порой долетает от хлева,
для меня по-свойски приятен...

Из цикла

«На горячем источнике Татэсина»

* * *

В Татэсина под вечер
в горячем бассейне сижу —
и летит по округе,
нарушая безмолвие гор,
шум живительного ручья...

Ночь на берегу моря

Темная ночь.
Я один брожу в этих дюнах.
Издалека
так размеренно и печально
долетает рокот прибоя...

Раздумья при возвращении домой

Я возвращаюсь
и вижу — вдали на холме
мой дом чернеет.
Там огней еще не зажгли,
хоть уже догорел закат...

Из цикла

«Цветы мимозы»

* * *

Под ветром вечерним
тревожно во тьме шелестят
цветы мимозы —
отчего-то часы ожидания
так томят и волнуют сердце...

Из цикла

«Весна в селенье у озера»

* * *

Великолепно,
по-весеннему гром прогремел.
Стихли раскаты —
и на сумрачном берегу
я остался стоять один...

Из цикла

«Белый парус»

* * *

Близко отсюда
родная деревня моя.
Ясная осень —
голубое море нависло
над неубранным рисовым полем...

* * *

На горизонте
белый парус под солнцем сверкнул
в Восточном море * —
будто вновь я вижу себя
малышом в родимом краю...

Из цикла

«Дым»

* * *

Рассеялась дымка.
Солнце в блеске холодном взошло.
Немногие листья,
задержавшиеся на ветвях,
чуть заметно дрожат в вышине...

* * *

Ноябрьские дни.
На дорожке лесной тянет гарью
от жженой листвы —
пахнет дымом, но в гуще деревьев
ни огня, ни дыма не видно...

Из цикла

«Путешествие к Фудзи» *

* * *

Фонарь погасив,
иду в предрассветную пору —
и вижу вдали,
как белесый туман клубами
растекается над землею...

* * *

Перед взором моим
в лучах восходящего солнца
Фудзи царственный пик —
а на озере у подножья
суета прогулочных лодок...

* * *

Верно, из облаков,
что окутали плотным покровом
купол Фудзи-горы,
нынче ночью, неслышим во мраке,
мелкий летний дождик прольется...

* * *

В час предрассветный
звезды на небе горят,
а надо мною
очертанья черной горы —
Фудзи ввысь вздымает главу...

* * *

Отступает туман —
и вершиною бледно-лиловой
вырастает вдали
там, над рощей, громада Фудзи.
Тьма ночная сменилась рассветом...

Из цикла

«Одна ночь»

* * *

Небо ночное
в багряных отсветах зари.
Встречая бурю,
обветшавший домишко мой
мелко-мелко под ветром дрожит...

Токи Дзэммаро

Из книги
«В сумерки» *

* * *

Пальцем вдаль указал —
если, преодолев расстояние,
перенестись в те края,
там она и течет, моя Волга!

* * *

То ли жить надо, чтобы работать,
то ли работать — чтобы жить?
Никак не пойму...

* * *

Ноги с кровати спустил,
но тапочек не нащупал —
и опять завалился спать...

* * *

«Не буду работать — буду беден».
«Буду работать — все равно буду беден».
«И все-таки буду работать!»

* * *

Громче греми, печатный станок!
Вот она, радость!
Кончаем печатать токийский выпуск —
а тут и снег пошел...

* * *

Мне захотелось яростно разрыдаться —
настал такой день,
когда лишь о благе других людей я помышляю...

* * *

Неотвязно, словно безумный,
думал я, крепкого табаку накурившись,
о далеких сибирских снегах...

* * *

Я изведал
печальную радость труда.
Как давно мы с тобой не встречались! *

* * *

В зимнюю ночь, расхаживая по комнате,
с удовольствием слушал я
«топ-топ-топ» своих туфель...

* * *

Друга проведать пришел — говорю
о грядущих успехах нашего общего дела
в печальной больничной палате *...

* * *

Иду с запрещенной книгой,
что взял почитать у друга,
вытащив из башмака под кроватью...

* * *

Поговорили о революции с другом.
Купив жене и детям гостинцев,
домой вернулся...

* * *

Живя в Японии,
небезопасно выражать на японском языке
свои мысли... *

* * *

Печальное зрелище — рабочий с белыми руками,
слез не утирая,
читает запрещенную книгу... *

* * *

Вот мы расстались — и перед товарищами мне стыдно
за свое слабое, печальное,
отданное стихам сердце...

* * *

Так приятно идти вдвоем
Мимо леса, где с дерев листва облетает,
три раза промчался поезд...

* * *

На пожарище встав, над обломками черепицы
справил нужду — и вдруг
так пронзительно почувствовал осень...

* * *

Встанет один — за ним еще один,
сядет один — за ним еще один.
Скамейка осенней порой...

* * *

Вот и старший мой брат, что рожден был в бедности тяжелой
и так часто болел —
вот и он, гляди-ка, стареет...

* * *

Перечитываю — и снова, должно быть, не удержусь от слез
Как сердцу мил
этот томик Тургенева в пожелтевшей обложке!..

* * *

Бывало, не отрываясь,
единым духом за ночь и прочту всю книгу —
всего лет пять тому назад...

* * *

Сердце мое!
Ветер и звезды будто работают на отдаленном заводе.
Майский полдень...

* * *

Уж сколько раз затухал огонек папиросы!
Печаль раздумья —
горечь русского табака... Зима.

* * *

О печаль пишущей машинки!
Так саднят кончики пальцев...
Начинается снегопад.

* * *

Откинулся в шезлонге на веранде —
зимнее солнце
попадает на голову, абсолютно пустую...

* * *

Не губи же сердца, что радуется труду!
По панели шагая,
насвистываю беззаботно...

* * *

На столе у меня стопка рукописей покойного друга *.
Все не выкрою времени разобрать —
каждый день я так занят...

Из книги

«Ропот на улицах»

* * *

Все молодые люди, которых я знаю, бедны —
и этот, и этот.

Все молодые люди, которых я знаю, бедны. Зима.

* * *

Бормочу про себя: «Побездельничай хоть немного!
Ну давай, отдохни!» — а работаю без передышки
что вчера, что сегодня...

Из книги

«Средь звуков»

Оплакиваю Исикава Такубоку

Нет больше его —
того, кто учил меня слышать
и понимать
все тревоги нашего мира.
Одиноко скорблю о друге...

ПОЭЗИЯ
ХАЙКУ

俳
句

Масаока Сики

正岡子規

Кавахигаси Хэкигодо

河東碧梧桐

Найто Мэйсэцу

内藤鳴雪

Нацумэ Сосэки

夏目漱石

Акутагава Рюноскэ

芥川竜之介

Танэда Сантока

中村草田男

Накамура Кусадао

種田山頭火

Масаока Сики

Из книги

«Оголенные деревья в зимних горах»

*Весна**

* * *

Опадают цветы —
под вишнями в грустном раздумье
каменный Будда...

* * *

Тишина и покой.
Сквозь дыру в прохудившихся сёдзи
синее море...

* * *

У оленя в горах
отпали рога — как печальна
лунная ночь!

* * *

Зелень водорослей.
В воду медленно оседает
сиянье солнца...

* * *

Кисо-река
будто стала еще синее
под майским ливнем...

* * *

Ветка стоит
в бутылки из-под микстуры * —
цветущая слива...

Цветочная метель

Мой палисадник!
С деревьев из роши Уэно
намело цветов...

Цветы груши

Перед зарей
так печальны в смутном мерцанье
груши цветы...

Ромашки

Вешние воды
отхлынули — и ковыляет
рак меж ромашек!..

Тишина и покой

Тишина и покой.
Возле дома ячменное поле
на косогоре...

Весенний дождь

Удзи-река.
Над водой колышутся струи
вешнего ливня...

Персики в цвету

Родные края —
до чего же много в округе
персиков цветущих!..

Посадка картофеля

Картошку сажать
я закончил — сияет в небе
двухдневный месяц...

Весенняя ночь

Весенняя ночь.
Что за книгу сейчас читает
мой сосед-вдовец?..

*Куклы **

Проданы куклы.
Одиноко и грустно стоит
Дарума * у дороги...

* * *

Старая кукла
стыдится одежек своих.
Луна над базаром...

Весенний снег

Весна уж пришла —
и вдруг навалило снегу
на два-три сяку!..

Весенний дождь

Тело мое —
бесплотное, как привиденье...
Весенний дождь.

Весенняя луна

Открываю глаза —
и вижу в изножье постели
вешнюю луну...

* * *

Клюв разевает —
Надо же! На крышу взлетел
черный вороненок...

Прохлада

Веет прохладой —
челку лошади ветерок
набок относит...

* * *

В царстве прохлады
извергает из жерла огонь
вулкан Асама...

Молодой бамбук

Лает щенок:
«Тяв-тяв-тяв!» — не нравятся, видно,
ростки бамбука...

Лето

Белый песок —
«шорх-шорх» — шуршит под ногами.
Какая жара!

* * *

Вот и пошел
теплый дождь, орошая сухие
заросли хмеля...

* * *

Жаркий денек —
даже в тушечнице осела
песчаная пыль...

* * *

О прохлады!
Свесив ноги в воду, сажу
над ручьем журчащим...

Шлепок по воде

Шлепок по воде —
и, от дремы полдневной очнувшись,
пес встрепенулся...

Светлячок

Гора Ханэкуро.
Одинокий огонь светляка
во мраке ночи...

Москитная сетка

Вот и рассвет.
Белый парус вдали проплывает
за москитной сеткой.

Исхудал за лето

Исхудал я за лето —
еле теплится в этом скелете
остаток жизни...

Летом в горах

Летние горы.
Меж деревьев там и сям притаились
боги или будды... *

Цикада

Сохнет одежда —
на ней цикада поет.
Итинотани...*

Кузнечик

Целый день стрекотал —
и мальчишке в руки попался,
бедный кузнечик!..

Арбуз

Отведал арбуза —
из тех, что раскуплены все...
Луна над базаром.

Красный перец

До чего ж неохотно
краснеет он наконец,
этот перец в поле!..

Лягушка

Топнул теленок —
и, раздавленная, лежит
зеленая лягушка...

Ямабуки

Ямабуки цветок —
наступив на него, испугался
и вспорхнул воробышка...

Пион

Ветер вечерний.
На камень печально поник
сломанный пион...

Осень

Сумрак ночной.
Будто слышу, как над мискантом
луна восходит...

* * *

Проплывают, дробясь,
меж шныряющими угрями
облачные пики...

* * *

Только ступишь на луг —
и обратно уйти не в силах.
Цветенье хаги...

* * *

Перца стручки —
меж красных лежат в корзине
два-три зеленых...

* * *

Голос мой улетел,
превратившись, как видно, в ветер.
Собираю грибы...

Начало осени

Ранняя осень.
Купать лошадей привели
к реке Могами...

Сумрак осени

Поздняя осень.
Вечер. Женщину вижу вдали...
О, как тоскливо!

В ночь на 14-е число 9-го месяца *

Полнолуние.
Вниз по склону горы ползет
пустая телега...

Вихрь

Невыносимо!
Над пагодой воеет и свищет
осенний вихрь...

Гуси

Над книгой склонившись,
жду, когда испекутся мандзю.
Крик перелетных гусей...

К портрету Басё *

Осень твоя отошла —
вот и моя уходит.
Комната в пять татами...

Резвящаяся форель

Шум быстрины —
но уж нет серебристой форели,
что играла в лунную ночь...

* * *

«Осень уходит», —
за обедом подумалось мне.
Похолодало...

Ветер

Ветер крепчает —
в палисадник мой залетел
ястреб из Уэно *...

Кузнечики-богомолы

Два богомола
друг против друга стоят
на голом камне...

Зима

Месяц «малой весны» *.
Дым вдали над вершиной Асама,
дрожа, струится...

Начало зимы

Жалко смотреть!
Круп лошади плотно облеплен
снежной коростой...

Зимовье

Младшей сестре
нарубить дрова поручили —
зимовье в горах...

Зимняя буря —
в море катит волны свои
река Сумида...

Опавшие листья

*(Крытая соломой хижина в Нэгиси *)*

Дворик у дома,
не больше трех сяку в длину,
устлан листьями из Уэно...

Сухие листья банана

Засохший банан —
так тревожен тоскливый шопот
огромных листьев...

Зимняя буря

Зимняя буря —
простерлась равнина морская
в пустоте небес...

Зимний денек

Зимний денек.
Воробьи гурьбою слетелись —
время обеда...

Сухая трава

Увядший мискант.
Под ним виднеется камень —
может быть, надгробье?..

Зимнее уединение

Выйдя на веранду,
наблюдаю поезд вдали.
Зимнее затишье...

Из «Рукописного собрания хайку» *

Весна

Протопал малыш
по зелени вешнего луга —
пятки мелькают...

* * *

Опустился нежданно
бумажный змей с высоты
в маленький дворик...

* * *

Короткая ночь.
Слышу — будто бы под подушкой
грохочет поезд...

* * *

Через забор
заглянул потихоньку — а там
мак опадает...

* * *

Красная слива * —
облетевшие лепестки
собираю с циновки...

Лето

На ложе болезни

Четыре — ворона...
Пять — чирикают воробьи...
Светлеет летняя ночь...

* * *

Спит человек,
а светлячок летает
под москитной сеткой...

* * *

Уползает в нору
змея — как ярко над нею
ликорис алеет!..

* * *

Днем на глади пруда
мирно спят водяные птицы.
Какая тишь!

Во время болезни

Кресло подвину,
чтоб колени касались ее —
цветущей розы!..

Устали глаза
любоваться цветением розы —
больной, я выбрался в сад...

Рисую розу —
цветок рисовать легко,
а листья трудно...

Благоухают
розы в саду у меня —
заснуть не в силах...

Неожиданный гром —
от испуга и удивленья
поднялся с ложа...

Мой палисадник —
здесь впервые сегодня расцвел
цветок пиона...

Только два лепестка
опало — и как изменилась
форма пиона!..

* * *

Нарисован пион —
тушь и кисти так и остались
лежать на блюде *...

* * *

Вот так, наверно,
яблоко съем — и умру
перед пионом...

* * *

Через поле иду.
Опустив мотыги, крестьяне
на меня глазуют...

* * *

Родные края.
Если б мама жила здесь нынче!
Моти в лotosовом листе...

* * *

Встрепенулся ночью —
с тихим шорохом наземь упал
цветок выюнка...

* * *

У тропки вижу
землянику — и мимо спешу:
вечер уж близок.

Осень

Какая жалость!
Вот уж начали увядать
куклы из хризантем *...

* * *

Глициний цветы.
Ведь совсем уж скоро начнутся
затяжные ливни...

Осень

Слышно, как пес
пришел и воду лакает.
Холод ночной...

* * *

Дыханье больного
так неровно в осенний день
москитная сетка-

Зима

На улице снег
сечет плащи из соломы —
путники идут...

* * *

Новый календарь.
Где-то в пятом месяце, знаю,
день моей смерти *...

* * *

Купил и принес
новую зимнюю шапку —
да что-то в ней не то...

Разное

*Сочинил однажды к ночи, постукивая по дну коробки
с присланными рукописями хайку **

Просмотрел
три тысячи новых хайку —
съел две хурмы...

После моей смерти

Пусть рассказывают:
мол, любил он слагать трехстишья
о том, как кушал хурму...

* * *

Хаги, мискант!
Хоть мне их уже и не видеть
в будущем году...

* * *

День кончины Басё. *
Не пошел на поминовение —
в одиночестве ем хурму...

* * *

Больной-то больной,
а вишь — до отвала наелся
жареных каштанов!..

***Примечание к альбому,
в котором рисовал
с натуры фрукты***

Начал этот альбом,
изобразив на картине
зеленые сливы.

* * *

Писать с натуры
гораздо трудней баклажан,
нежели тыкву...

***После того, как закончил
рисовать фрукты в альбоме***

Кончил рисовать,
но после обеда не спится —
до того устал...

Из цикла

«Шесть сяку на ложе болезни»

Пион облетел.
За долгие дни скопилась
на тушечнице пыль...

Кавахигаси Хэкигодо

Из книги

«**Новые хайку**»

* * *

Один за другим
вслед за сливою зацветают
персик и абрикос...

* * *

Поет соловей.
От долины к долине несется
вешних вод журчанье...

* * *

«Ну, выплыви же!
Ну, выплыви!» — я повторяю.
Чирок на пруду...

* * *

Маленький паучок
прогрыз материнскую сумку
и выползает...

* * *

Густая роса —
поутру вся шерстка намокла
на груди у оленя...

* * *

Осенняя буря,
всю влагу небес исчерпав,
помчалась дальше...

* * *

На крупе вола
примостился мальчишка-погонщик.
Мелкий мокрый снег...

* * *

Персики цветут
после вешнего половодья
в деревне Дзицука...

* * *

Облачный пик
вдруг предстал в багряном сиянье —
солнце заходит...

* * *

Весна холодна.
В глубине заливного поля
стаи облаков...

* * *

Выйдя из дома,
отошел на пять-шесть шагов.
Весенний ветер...

* * *

В поле деревце сливы.
Вижу издали, как человек
ветку ломает...

* * *

У Великого Будды *
под утро намокла рука —
роса на вишнях...

* * *

Огромный храм.
Летний ливень хлещет и хлещет —
не утихает...

* * *

Майские дожди —
даже школа сегодня закрыта
в горной деревушке...

* * *

Маленький куст
с цветком распутившейся розы
посадил в горшочек...

* * *

Словно черный корабль *,
проплывает неторопливо
горный пик в облаках...

* * *

Не желяет улитка
из раковины выползать —
ветер осенний...

* * *

Убрали тутовник.
Нынче время жать коноплю
в маленькой деревушке...

Из книги

«Весна, лето, осень, зима»

* * *

На ветках айвы
так пышно цветы распустились!
Под ними — фиалки...

* * *

С холма Коганэ
в долину съезжаю на бричке —
мискант и хаги...

* * *

В полдень у моря
брожу меж сосновых стволов —
холод пробирает...

* * *

Воды Тама-реки
успокоились после разлива.
Груши в цвету...

* * *

Устали люди
колесо водяное крутить —
посадка риса *...

* * *

Долина Куро.
Зелень сосен, лотосов цвет.
Утренняя буря.

* * *

Маленький домик —
все окрестности заросли
летним кипарисом *...

* * *

У больного на столике
мисо и прочая снедь —
зябко отчего-то...

* * *

Пареной репы
с соевым творогом съел —
и сажу уныло...

* * *

Посреди полей
затерялось святилище Сума *
под сенью вишен...

* * *

Путешественник!
В Ёса вижу на зимнем поле
стаю снежных цапель...

* * *

Лиственница
стоит одиноко, печально.
Красные стрекозы...

* * *

Прохладно цикаде
на широком древесном листе —
свежий ветер дует...

* * *

Я один пассажир
в этой виды видавшей лодке.
Уж год на исходе...

* * *

Вешнее утро.
Нынче у каллиграфа лицо
на кисть похоже!..

* * *

День Науки * настал.
Шуршат под руками шелка
старинных свитков...

* * *

В солнечных бликах
на ветках лавра глазки —
порывы ветра...

* * *

Пахнуло летом —
ветер гонит высокий прилив.
Бабочки вьются...

* * *

В Нара * вернулся —
а там ждет цветущий подбел *.
Уезжал любоваться цветами *...

* * *

Трехдневный месяц.
Как печально ночное свиданье
в лодке на реке!..

* * *

На фоне луны
дым чернеет, вздымаясь клубами —
городское небо...

* * *

Забрезжил рассвет.
Белеют цветами деревья
на росистом лугу...

* * *

Клич соколиный —
он будто бы ветром дохнул,
срывая листья...

* * *

Косят овес —
как дрожат колоски, что повыше,
в утренней росе!..

* * *

Праздник в деревне.
Багрянцем горят фонари.
Дальний зов оленя...

* * *

Закопченный очаг
и гнездо над ним отыскала
ласточка весной...

* * *

Домишко в деревне,
где все жители плавят воск...
Опадает ива.

Из книги

**«Собрание хайку
нового направления»**

* * *

Прохладная тень
под вишнями в парке у моря,
и вот — разлука...

* * *

Цикада упала,
бьет крылышками на песке —
зной еще сильнее...

* * *

На луг выхожу.
Осыпается мак — над цветами
пролетают цапли...

* * *

Сорокопут
меж деревьев близ дома порхает,
щебечет звонко...

* * *

Варю картошку.
В безмолвном просторе Вселенной
ребенок плачет...

* * *

Всю долгую ночь,
пока я сочиняю хайку,
жена моя шьет...

* * *

У меня под ногами
цыплята пищат и пищат
в траве росистой...

* * *

Дом без ворот —
для ночлега избрали болото
дикие гуси...

Найто Мэйсэцу

Из книги
«Собрание хайку Мэйсэцу»

* * *

Вечерняя луна.
Над амбаром и над конюшной
ветви слив в цвету...

* * *

Мой собственный голос
обратно приносит ко мне
осенний вихрь...

* * *

Сверкает полоска —
речка Тама течет вдалеке
по зимнему лугу...

* * *

Весенний день —
как играют, переливаясь,
перья павлина!..

* * *

Брюшки мелькают —
пролетая в ворота шлюза,
падают лягушки...

* * *

В заброшенный дом
захожу, гэта не снимая.
Осенний ливень...

* * *

Луффа * с плети свисает,
рядом белые огурцы.
Ветер осенний...

* * *

Фонарь засветив,
в час ночной человек гуляет
под цветущей сливой...

* * *

Сияет луна.
Ступил на мостик висячий —
скрипнули доски...

* * *

Лошаденке своей
возчик что-то толкует, толкует...
Холодная ночь.

* * *

Первый карп на шесте * —
значит, есть мальчишка-японец
и под этим кровом!..

* * *

Слышно, как за окном
свой надел мотыжит крестьянин —
в почве много камней...

* * *

Мухи резвятся.
На тушечнице лучи
вешнего солнца...

* * *

С плеском плывет
упавший ствол по течению —
вешняя река...

* * *

Растворяется в дымке
странствующий монах.
Колокол дальний...

* * *

Стая скворцов
пронеслась надо мною в небе —
прошумели крылья...

* * *

Получил подарок —
в чайной чашке домой несу
золотую рыбку...

* * *

Кисо-река
так сердита, а горы Кисо
расплылись в улыбке!..

* * *

Над обрывом у моря
старый нищий с семейством своим —
с дочкой и внуком...

* * *

Колокольчик-фурин
купил, на веранде повесил —
а вот и ветер!..

* * *

Об одном лишь прошу —
о доброй горячей грелке.
Ну и мороз!

* * *

В прозрачной воде
неподвижны сонные рыбы.
Ветер осенний...

* * *

Зимние дожди.
Все молчат — и так же безмолвна
лодка у причала...

* * *

Поселилась в луче —
и за солнышком переползает
зимняя муха...

* * *

Будто перед собой
послушную бабочку гонит —
шагает нищий...

Нацумэ Сосэки

Из книги
**«Собрание
хайку Нацумэ Сосэки»**

Ясная луна.
Тень моя, как далека
твоя родина!..

Мака цветы —
все не верилось, что, как обычно,
опадут и они...

* * *

Отчего это я
об одном лишь думаю нынче:
«Похолодало»?..

* * *

Зимний денек..
На циновку скользнула с котацу
книга «Дневник в Тоса» *...

* * *

Храм Оидэра.
Как легко цветы облетают
с прибрежных вишен!..

* * *

Светлая роса —
слышно, как с гибискуса
падают капли...

* * *

Птица летит.
Зимним вечером крон колыханье
в лучах заката...

* * *

Молодые травы *!
Сочится водою корзина
с ракушками-сидзими...

* * *

В вечерней дымке
на цветах сурепки отсвет —
низенькое окошко...

* * *

Всю короткую ночь
рос, тянулся что было силы —
и вырос банан!..

* * *

«Янтарная» — да,
вот так я назвал бы сегодня
золотую осень...
(В думах о янтаре)

* * *

Забыла меня?
Вид такой, будто знать не знает —
мотыжит поле...
(Конец любви)

* * *

Мне бы родиться
малюсеньким человечком —
ростом с фиалку!..

* * *

Кончается год.
Уютно свернулась кошка
у меня на коленях...

*Два трехстишия,
сложенные на горячем
источнике Утиномаки*

* * *

Осень на реке.
Подобрал у берега гладкий
белый-белый камень...

* * *

Осенний дождь.
Слышно, как в костре прогорает
сухая хвоя...

* * *

Темный школьный класс.
«Мне душа дана!» — возвещает
сверчок во мраке...
(Кабинет физики)

* * *

Голоса не подаст
чучело сорокопуга.
Тоскливый полдень...
(Кабинет зоологии)

* * *

Вешние воды,
обнимая могучий валун,
дальше несутся...

* * *

Мы растаемся.
В небе призрачной полосой
Млечный путь мерцает...

* * *

Опадают цветы —
их раздробленные отраженья
поток уносит...

* * *

Над осенней рекой
разносится гулкое эхо —
забывают сваю...

* * *

Зеркало мое
затуманилось, заиндевело —
причешусь не глядя...
(Причесываюсь утром)

* * *

День болезни моей.
Вновь сквозь шелку в бамбуковой шторе
осенняя бабочка...

* * *

Может быть, стрекоза
мне привиделась — так и мелькает
возле свай на речке?..

* * *

Там и сям звон цикад.
В эту тихую ночь у больного
на душе покойно...

* * *

Точь-в-точь баклажан,
что весь сморщился, выцвел на грядке
после половодья...

*(Смотрю в зеркало
после болезни)*

* * *

Пахнет рисом в цвету.
Новый месяц идет на прибыль.
Дух во власти недуга...

* * *

И выдалась ночь,
когда пролетел под луною
один-единственный гусь...

* * *

К тем, кто уходит,
как и к тем, кто останется жить,
прилетают гуси...

Акутагава Рюноскэ

Из книги

«Собрание хайку Тёкодо» *

* * *

Какая теплынь!
Вошу тычинки и пестик
искусственного цветка...

* * *

Бамбуковый лес
вдоль дороги слева и справа
холодной ночью...

* * *

Зимняя буря.
В связке вяленой рыбы остался
цвет морской волны

* * *

Цветет зимоцвет.
Серееет сквозь редкие ветви
небо в сезон дождей...

* * *

Белая слива —
так влажно бутоны блестят
в изгибах веток...

* * *

Ранняя осень.
Я в руки взял саранчу —
мягкая на ощупь...

* * *

Осенний день.
Через изгородь нависают
плоды бамбука...

* * *

Свирепая буря —
сокрыты туманною мглой
горные распадки...

* * *

Осенний денек.
Макушки больших кипарисов
склонились набок...

* * *

На лужайке в саду
обступили вплотную дорожку
азалии цветы...

* * *

Вот и рассвет —
песню вдруг оборвав, умолкает
сверчок под кровлей...
(Во время болезни)

* * *

Зимние дожди.
В «чайном домике» * у канала
одинокий гость...

* * *

По горным склонам
бутоны на чайных кустах
от холода сжались...

* * *

Ветер в соснах шумит —
и мы наяву его слышим,
летняя шляпа!..*
*(После землетрясения
брожу близ храма Масуэ)*

* * *

Ветер утих.
Облака ушли с небосвода.
Ясная звездная ночь...

* * *

Дни «малой весны» *.
Сквозь заслон из веток бамбука
не пробиться совке...

* * *

Тень от старой сосны —
копошатся сонные куры.
Какая жара!

* * *

Над горячим тирори
под Утреннюю звездой *
пропой, кукушка!

* * *

Полуденный зной.
Криптомерии затаились
в ложине горной...

* * *

О зимоцвет!
Проступают сквозь снег на ветках
грибные наросты...

* * *

Копоть и сажа
с рассветного неба летят —
Симоносэки *...

(В коляске)

* * *

Весенний дождик —
а на башне сторожевой
иней белеет...

* * *

Знойное марево —
даже гребень под солнцем провис
на камышовой кровле...

(Кугэнума)

* * *

Вешние ливни.
Хворост, весь в зеленых листочках,
сложен под застрехой...

* * *

Даже заяц — и тот
печально ухо повесил.
Какая жара!

* * *

Утренний холодок.
Пузырника * красные гроздья
в траве свисают...

* * *

Мирно спит малыш,
с ног до головы обсыпан
мучною пылью...

(Лоян)

* * *

Зеленая лягушка —
может быть, и ты сегодня
свежевыкрашена?..

* * *

Тающий снег —
так печально над ним склонилась
плакучая ива...

(Асахигава)

Танэда Сантока

Из книг

«Плошка для подаянья»,
«Травяная пагода»,
«Через горы и воды»,
«Листья хурмы»

* * *

Как я выгляжу сзади —
весь мокрый, бреду под дождем?..*

* * *

Вот так без конца
подстригаю отросшие ногти
в странствиях своих...

* * *

Край родной — он уже далеко...
Почки на деревьях.

* * *

В плошке железной * —
и там, погляди-ка, град!..

* * *

«Плюх!» — по шляпе моей.
Оказалось — камелии цветок.

* * *

Дорога затихла.
Цветы докудами в бутонах...

* * *

Каркает ворон.
Я ведь тоже совсем один...

* * *

Падают листья с деревьев.
Иду все дальше и дальше.

* * *

Иду, пробираясь меж трав —
то мискант, то хаги...

* * *

Так беззаботно
пробую воду на вкус...

* * *

Между жизнью и смертью
все падает, падает снег...

* * *

Сижу один.
Комары кусают...

* * *

Зимние дожди.
Я покамест еще не умер...

* * *

Иду, разрешив стрекозе
присесть на шляпу...

* * *

Ничего не попишешь,
надо — вот и иду...

* * *

Как тяжело —
котомка спереди, сзади...
Но ведь не бросишь!

* * *

Сижу среди трав,
что нынче Осенью стали...

* * *

Ряса моя
в дороге вся прохудилась...
Метелки травы.

* * *

В родное село
пришел я вместе с журчаньем
горного ручья...

* * *

Как я промок
под дождем, что пролился недавно
из той вон тучи!..

* * *

Неотрывно жую,
а вся моя трапеза — плошка
вареного риса...

* * *

Туч совсем не видать —
снимаю шляпу...

* * *

Шум дождя — и он, мне кажется, тоже
постарел со мною...

* * *

Не осталось тут дома,
где могут на бедность подать...
Тучи над горами.

* * *

Неужто течет
и моя бессменная шляпа?..

* * *

У подножья горы
в ряд застыли на солнцепеке
несколько могил...

* * *

Травы — те, по которым
я прошел, не оставив следа,
все давно увяли...

* * *

Весь день я молчал.
Вышел к морю, взглянул — и увидел
волны прилива...

* * *

Вот в довершенье
ко всем печалям моим
зазеленели травы...

* * *

Я поел — довольно.
В одиночестве
откладываю хаси...

* * *

Одинокая бабочка
кружит и кружит — но всюду
перед нею камни...

* * *

Вот в какие края
меня забросила нынче
эта зимняя ночь!..

* * *

«Уф-ффр, уф-ффр!» — отдуваясь, смачно
прихлебываю воду...

* * *

Рву баклажаны,
вымытые грозой...

* * *

По родной земле
под струями летнего ливня
иду босиком...

* * *

На горе Кури-яма
я один под луной...

* * *

Ликорис цветет —
вот и славное будет нынче
место для ночлега...

* * *

Оглянулся на оклик —
но вокруг лишь осенний лес.
Падают листья...

* * *

Есть чем закусить,
и что выпить тоже найдется...
Дождь над лугами.

* * *

Под весенним ветром
так одиноко стоит
плошечка для подаянья...

* * *

Настала весна —
пришла в те края, где шумели
только водопады...

* * *

Что рукам, что ногам
тепло — по мне, распрекрасно
можно спать и туг...

(Ночлег в полевой сторожке)

* * *

В одиночестве
занедужил — под сенью листвы
утро, день и вечер...

* * *

Нигде на земле
ничего, кроме этой дороги —
снегопад весной...

* * *

В жизни едва ли
доведется свидеться нам...
На деревьях дымка бутонов.

(Хорошему знакомому из Нагоя)

* * *

Сколько лет позади!
Я, старик, все так же шагаю
по палым листьям...

* * *

А вокруг сплошь трава,
трава да цветы полевые...

* * *

Смерть — далекое облако
в небе студеном...

* * *

Ликорис цветет —
и помереть невозможно
в такую пору!..

* * *

Положил на ладонь —
пламенеет густо-багровый
спелый плод хурмы...

Накамура Кусадао

Из книги
«Первенец»

Весна

Стихи о родном крае

Вечер. Вишни в цвету.
В том домишке и в этом тоже
играют на кото...

* * *

Перемешанную
с осколками древних ракушек,
пашут землю в полях...

* * *

Голову поднял —
голос ласточки видеть хочу,
в небе застывший...

* * *

На обрыве камелия —
как прячет она ото всех
свой белый стебель!..

* * *

Из дому вышел,
услышав негромкий напев —
в поле сажают рис...

Лето

* * *

Рокот прибоя —
волны выплеснули на песок
одинокую клешню краба...

* * *

Свежий ветер подул —
как знамя, трепещет и бьется
шелковый подол...

(На башне маяка)

* * *

Замок на холме.

В жаркий день так блестят под солнцем
воробьиные клювы!..

(Замок Мацзяма)

* * *

Толпа студентов —

большинство из них бедняки.

Гуси пролетают...

(У входа в университет)

Осень

* * *

Ясный осенний день.

Воробьи не спешат возвращаться
под свою застреху...

* * *

Перелетные гуси.

Вышел из дому в лавке купить
табаку и груш...

* * *

Слышен топот сапог

марширующего отряда —

осенний ветер...

* * *

Улетая к луне,
становятся лунного цвета
мошки-однодневки...

* * *

За валун улетела,
и с тех пор не видно ее —
спряталась трясогузка...

* * *

В лунном сиянье
обозначилась тень на стене —
поезд подходит...

Зима

Зимнее небо
размалевано синим — художник
по весне тоскует...

* * *

Орион в вышине,
лотки с избытком яблок —
дорога к дому...

* * *

Старые гэта
не стучат, в снегу утопая.
Воробьи замерзли...

* * *

На редкость теплый
выдался нынче ноябрь —
и он проходит...

* * *

Налил воды в кувшин —
и дальний колокол слышу
в новогоднюю ночь...

* * *

Падает снег.
Как уже далеки года
правленья Мэйджи *!..

Из книги
«Огненный остров»

* * *

Снег за окном —
вот уже намело сугробы
высотой с пианино...

* * *

Редкий туман
над старым замком в Коморо *—
собираюсь зайти...

* * *

Ягоды вишни
налились пурпурным соком.
Сын у нас родился...

* * *

В синем небе
студеный яростный ветер
треплет сам себя...

* * *

Зимнее небо
так прозрачно там, на закате!
Струйкой вьется дым...

* * *

Ступаю уверенно —
слышится из темноты
мяуканье котенка...

* * *

Так пышно зимой
облака кучевые клубятся
подле маяка!..

* * *

Зимнее море —
как опавших цветов лепестки,
плавают чайки...

* * *

Раннее лето.
Удивительные облака —
белые соцветья...

* * *

Туман поредел —
и столбом под солнцем поднялся
черный дым вулкана...

* * *

Лето в разгаре.
На рассвете под тусклой луной
по островку шагаю...

* * *

Вот и березы
ярче белеют в ночи —
папоротник под луной...

* * *

Зимней ночью фурин
прозвенел — и на вдохе едином
наступил Новый год...

* * *

Ивасигумо —
не разгибаются в поле
спины крестьян...

Ветер в соснах шумит —
значит, снова приходит лето
на свои сто дней...

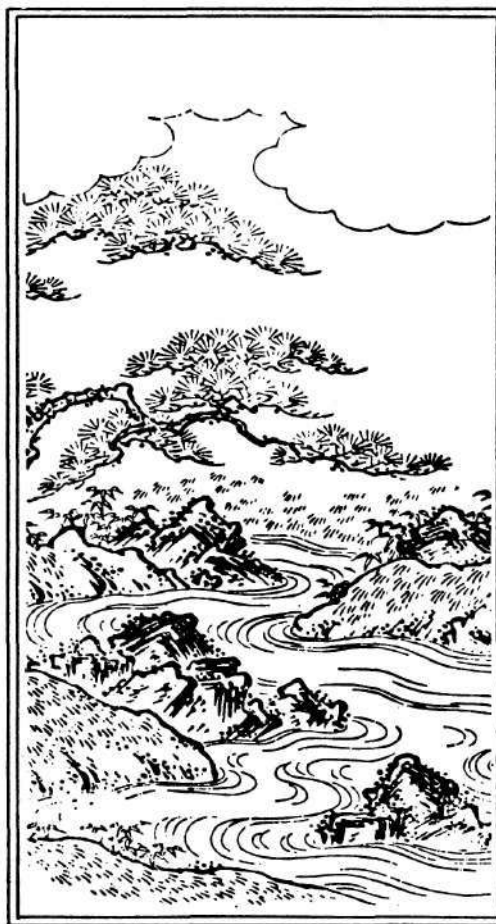
Коршун кричит
где-то там, в пламенеющем небе,
в зареве зори...

Зимний маяк —
только тучи вокруг клубятся
да плывут облака...

Грай вороний —
зимою, в открытом море,
вдали от земли...

ПОЭЗИЯ
НОВЫХ
ФОРМ

現
—
代
—
詩

Симадзаки Тосон

島崎藤村

Дои Бансуй

土井晩翠

Китахара Хакусю

北原白秋

Хоригути Даигаку

堀口大学

Такамура Котаро

高村光太郎

Хагивара Сакутаро

萩原朔太郎

Миядзава Кэндзи

宮沢賢治

Такахаси Синкити

高橋新吉

Накахара Тюя

中原中也

Нисиваки Дзюндзабуро

西脇順三郎

Миёси Таудзи

三好達治

Симадзаки Тосон

Из книги
«Молодые травы»

Знаешь ли ты?

В песне унылой птицы осенней
Ноту звенящую
Слышишь ли ты?

Там, в глубине, под волнами прилива
Жемчуг таящийся
Видишь ли ты?

В сумраке ночи звезд отдаленных
Перемещенье
Видишь ли ты?

В девичьем сердце музыку кото,
Нежные струны
Слышишь ли ты?

Падучая звезда

Из дому выйдя,
Стою у ворот,
Глядя в темное небо ночное.
Вижу, звезда
Умчалась в полет —
На свиданье с другой звездой?..

Осенняя песня

Осень пришла.
На цветах и на листьях роса.
Ветер звенит чуткими струнами кото.
Соком хмельным напоила нас щедро лоза,
Медом душистым наполнены доверху соты.

Осень пришла,
И опять на поблекшей траве
Каплями иней вечерний мерцает.
Пусть же скорей в кубок скорби моей
Осень веселья вино наливает!

Осень пришла.
На деревьях багряный венец.
Кто же еще не подвластен осеннему хмелю?
Пусть молчалив и печален пребудет мудрец —
Я буду петь под звуки твоей свирели.

Прячась в осени

Под пологом осенним за окном,
Когда придет назначенное время,
Дано раскрыться белой хризантеме —
Я посадил ее на месте том...

Два голоса

Утро

Слышится голос утра.
Он рассеивает ночные грезы,
Он на радужных облаках несется,
И, воспетое мириадами пернатых,
В небе на востоке брезжит сиянье.
«Там — Время и Начало,
Там — Цвет и Слово,
Там — Жизнь и Голос,
Там — Слава», — поют они звонко.
Песнь их летит над землю
И в небесную высь взмывает,
Где вместе с последней звездой гаснет,
В свете дня скрывается утро.

Сумерки

Слышится голос сумерек.
Дымка — их крылья, облака — их пояс,
Рукава из росы, платье из дыма.
Отбросив во мрак раздоры,
Приносящие страдания и усталость,
Вестники ночи, летучие мыши
Пищат в полете.

«Здесь — Тень и Блуждания,
Здесь — Дрема и Сновидения,
Здесь — Тьма и Безмолвие,
Здесь — Вечное, здесь — Далекое,
Здесь — Смерть», — так поют они.
Отдыхая на траве и деревьях,
Вместе с солнцем, что садится
вдали за полями,
Растворяются сумерки
в беспросветном мраке.

Мираж

Все мирские дела —
Достоянье тщеты.
Как вечерняя мгла
навевает мечты!

Боль, что в скорбной мольбе
Я поведать смогу,
Изолью я тебе
Да цветам на лугу.

Путь наш вижу я вновь,
Будто в мареве сна.
Виновата любовь —
В ней вся наша вина.

Никогда и ничем
Грех тот не искупить —
Нам заказан Эдем,
Нам в Эдеме не быть.

Но зато, милый друг,
Будем вечно вдвоем.
В край страданий и мук —
В ад мы вместе сойдем!

Проделки лисы

Росистую кисть винограда
Под вечер утащит лисица,
Что в тенях осеннего сада
От взгляда людского таятся.

Пусть чувство мое — не лисица,
И пусть ты не гроздь винограда —
Таясь от нескромного взгляда,
Украсть тебя сердце стремится.

Живая вода

Водою живую,
 неиссякающей
Нас с тобою
 ключ одарит.

Водою живую,
 непресыхающий
Нас с тобою
 ключ напоит.

Водою живую
 мы станем с тобою.
Весенним днем
 любовь обретем.

Водою живую
 мы станем с тобою
И светлым ручьем
 меж трав потечем!

Шум прилива

Как протяжна, призывна нота!
Это море играет на кото.
Каждый вал из восьми валов
Подпеваёт песне без слов.

Ветер, сколько хватало сил,
Этот зов окрест разносил —
Волны персиковой окраски
Он собратья теснее просил.

Слышишь ли? Наступает час.
Ветер эхо домчал до нас.
Шум прилива, вскипевших вод —
Море властно к себе зовет.

Новая заря

Ах, если бы облачком утренним стать
И розовым отсветом зори встречать!
Ах, если бы облачком стать!

Ах, если бы стать небосклоном на миг,
Чтоб луч предрассветный сквозь тучи проник!
Ах, стать небосклоном на миг!

Ах, если б весенним мне стать ручейком,
Текущим по кушам живым ручейком!
Ах, если бы стать ручейком!

Ах, если бы стать мне травой лесной,
Где с горлицей голубь воркует весной!
Ах, стать бы травой лесной!

О-Кумэ *

Предавшись любви, я ушла из отчего дома.
На берег реки меня привела тропинка.
Закат догорал. Я стояла у переправы.
Тидори вдали кричали глухо, протяжно.

Во имя любви я ушла из родного дома,
И сердце мое зажглось огнем негасимым.
О яростный вихрь, разметавший черные пряди,
Хоть ты пожалей, хоть ты остуди жар сердца!

Как волны темны! Как бурлят они на порогах,
Ревут и грохочут, обрушиваясь на скалы!
Но высохнут волны — их пламя любви осушит.
Все ярче мечты, все выше и выше пламя!

Пусть дождь проливной и ветер не утихают,
Пусть воды реки вскипают неудержимо —
С дождем моих слез не сравниться этому ливню,
Со страстью моей не сравниться жестокой буре!

О нет, моя страсть — не любовь со старой картинки,
Где бабочка вьется, о встрече с цветком мечтая,
Она не сродни обманчивому отраженью,
Дворцам из песка, далекому шуму сосен.

Любовь во плоти к руке твоей прикоснется
И жадно прильнет устами к устам горячим.
Любовь — это храм, и ты божество в том храме!
К тебе на алтарь я жизнь принести готова.

Так пусть же река меж скал ревет и грохочет!
Я юность свою вверяю вольной стихии,
И пусть меня вдаль уносят пенные волны —
Я богу любви вверяю жизнь и свободу!

Сгорает в огне мое влюбленное сердце,
И грешная плоть объята пламенем страсти.
Все чувства мои, все думы пришли в смятенье,
И волны волос относит в сторону ветер.

Песнь осеннего ветра

Веет печалью
этот осенний вихрь,
что осыпает
с поздних цветов лепестки
в нашем горном краю...

Посмотри — облака в небесах
Заметались, меняя свой путь.
Это ветер осенний морской
Принимается с запада дуть.

Я узнаю, что ветер пришел,
Слыша музыку кото без слов.
Обнаженных павлоний напев —
Это сумрачный осени зов.

Пожелтевшая за ночь листва
По утрам залетает в мой дом.
На рассвете укрыться спешат
Куропатки в гнездо под кустом.

На зеленые горы взглянув,
Вижу в пурпур окрашенный склон.
Ветер листья промерзшие мчит,
В зеркалах облаков отражен...

И когда опадают листья
Под холодным дыханьем небес,
И когда пламенеет вокруг
Увяданьем охваченный лес,

Все мне чудится, будто бредут
Пилигримы, скитальцы дорог —
Провожая я листья с ветвей
В путь на север, на юг, на восток.

На заре, как могучий орел,
Рассекая пространство крылом,
Рвется ветер к цветущим лугам,
Через горы пройдя напролом.

Всюду, всюду я вижу одно —
Льются листья осенние с гор.
Ветер западный, ветер морской
Рвет с деревьев багряный убор.

Пусть же люди вздымают мечи —
Жалок мир, собирающий рать.
Пусть клянут они время свое —
Их стенаньям недолго звучать.

Вихрь осенний и ночью, и днем
Гнет деревья, волнует луга,
Вновь и вновь, на листву налетев,
Беспощадно терзает врага.

Неизведан в безмолвной ночи
Ветра путь между горных вершин.
Дней унылых тягучий поток
Наполняет Вселенной кувшин...

Из книги
«Одинокий челн»

Где же ты, весна?

Еще недавно сквозь туманный полог
Была на ивах зелень чуть видна,
А ныне тень густа и день недолог.
О где же ты,
ушедшая весна!

Я был так молод, я дивился чуду —
Листве дерев, воспрявших ото сна.
А ныне травы летние повсюду.
О где же ты,
ушедшая весна?

Не узнаю обличья слив и вишен.
Природа хмелем юности полна,
И летним днем дремотный шепот слышен:
О где же ты,
ушедшая весна!

Мелодия морского берега
Песня, сложенная в тон мелодии прибоя

Когда, удалившись от суеты вечерних улиц,
Прихожу я один к берегу моря,
Ах, в груди моей волны любви бушуют,
Ни минуты покоя не знает сердце.
Я смотрю на темные валы прибоя,
Что, вздымаясь, накатывают на берег.
Навевает мечты прохладный ветер —
И льются, и льются слезы...

Из книги

«Летние травы»

Лунный свет

Озаренный призрачным лунным светом,
Пруд, как темное зеркало, неподвижен,
Будто нет вокруг пропыленных улиц,
Будто нет вокруг суеты базаров.

Посмотри, под легким дыханьем ветра
Гладь зеркальных вод подернулась рябью.
В глубине колышутся отраженья —
Стайка птиц на пруду играет, резвится.

В этой жизни все имеет пределы,
Нашей жизни срок отмеряет Время.
Только над искусством время не властно,
Над страной безмолвья, над Зазеркальем.

В той стране навечно застыли утки —
Никогда, никогда не нырнуть им в воду.
В той стране, взметнувшись, замерли волны —
Никогда им не выплеснуться на берег.

Разве к ясной луне в небесных далях
Не стремились извечно сердца людские?
Разве благоуханье цветов искусства
Не влекло испокон веков человека?

Неужели праздно сияет в небе
Ночь за ночью светоч неугасимый?
Ах, луна чиста, искусство бессмертно,
Но, увы, недолги дни нашей жизни...

Тяжко думать, что жизнь без следа уходит.
Счесть по пальцам можно мгновенья счастья.
Высоки мечты и пылки порывы —
Только пламя юности быстро гаснет.

Никому не дано избежать смерти —
Увядания, старенья, исчезновенья.
Жизнь цветка с душою трепетной, нежной
Сновиденью весенней ночи подобна.

Лунный свет так прекрасен и так печален!
Слышишь? Там, в горах, отдаваясь эхом,
На зеркальной глади пруда замирает
Дальний голос колокола из храма.

Из книги

«Опавшие цветы сливы»

Возле старого замка в Коморо *

Облака плывут над старым замком в Коморо.
Облака плывут, а странник глядит печально.
Не взошли еще подорожник и одуванчик,
Зелень вешних трав не колышется над лугами,
Вдалеке холмы укрыл серебристый полог,
И бегут ручьи — это снег растаял в долине.

Хоть земля уже весенним солнцем согрета,
Аромат ее еще не тревожит сердце.
Растеклась вокруг, распласталась легкая дымка.
Поднялись ростки на озимом ячменном поле.
К деревьям своим по большой дороге
Запоздавшие путники спешают.

Догорел закат. Из виду скрылась Асама *.
Прозвучал в тиши напев пастушьей свирели.
Я найду ночлег в той хижине над рекою.
Будет за стеной Тикума журчать невнятно.
Выпью я сакэ, мутной влагой хмельной утешусь,
Чтоб забыться вновь на травяном изголовье *...

Вечнозеленое дерево

Посмотри, как мужественно и как печально
Увяданья не знавшее вечнозеленое древо!
В этой вечной красе сокрыто не меньше скорби,
Чем в обличье иссохших трав зимнего луга.
Поутру на ветвях отдыхает солнце,
Ночью лунные блики на стволе играют —
Мимолетный луч, как молния вспыхнув,
Тает во мраке.
Танец бабочки, нежного цветка улыбка...
Почему так безмерно кратко их счастье?
Почему их грезы недолговечны?
Пригорюнится мошка на тонком стебле —
И погибнет, охваченная морозом.
Шумом волн заслушается пичуга —
И погибнет, застигнутая метелью.
Миновала осень — листва поблекла, опала.
Потускнели краски, все обнажилось в природе.
Только ты стоишь, небеса вершиной пронзая,
Слово ось земная — без страха и сожаленья.
Ты стоишь в зеленом своем убранстве
Вопреки зиме, вопреки морозам и бурям,
Ты стоишь, посрамив века и тысячелетья,
Но откуда силы в тебе для смертельной схватки?
Среди вьюжной мглы, среди белых взметенных хлопьев,
Все укрывших вокруг, словно вишенный цвет весною,
Льды сковали мир, стонут даже моря и реки,
Лишь зеленая крона твоя виситя одиноко.

Но откуда силы в тебе, чтобы спорить с небом?
Стой же здесь, пустынных равнин властитель!
Горделиво стой, о вечнозеленое древо!
До прихода весны еще состарятся горы...
Ты вздыхаешь — и все смолкает в долине.
Утром снег с дождем жестоко секут твои листья,
Вечерами град ветви твои ломает,
В зимние дни беду накликает буря.
Что ж, быть может, придет тот час —
Победят стихии,
И заплачет твоя листва,
На морозе застынут слезы,
И обломаются ветви,
Зеленая рухнет вершина...
Но до той поры, пока облака в поднебесье
Проплывают, как шлейфы платьев нерукотворных,
И пока играют ветра
На незримой арфе,
Не сдавайся!
Стой непоколебимо!
Посмотри же, как мужественно и печально
Увядания не знавшее вечнозеленое древо!
В этой вечной красе сокрыто не меньше скорби,
Чем в обличье иссохших трав зимнего луга.

Дои Бансуй

Из книги

«Вселенная, исполненная чувства»

Вечерняя звезда

Меж туч, блуждающих во мраке ночи,
Звезды неясный свет.
Что океан небесный нам пророчит?
Сокрыт во тьме ответ.

Бродил пастух под звездами Халдеи —
Века меж ним и мной.
Сиянье звезд с веками молодеет —
Старее мир земной.

Горит звезда, в слезах росы вечерней
Оплакивая нас.
В пучине распрей, горестей и скверны
Придет ли счастья час?

Поэт

О да, поэт, я назову, кто ты!
Подобно деве, страстью опьяненной,
Ты, урагана музыкой плененный,
В пустыне можешь отыскать цветы.

О да, поэт, я назову, кто ты!
Дитя невинное и ты — о, как вы схожи!
И на устах твоих слова — глас божий.
В глазах твоих небесные мечты.

О да, поэт, я назову, кто ты!
Волна в потоке мощного прилива,
Когда равнина водная гневлива,
Но жемчуга на дне ее чисты.

О да, поэт, я назову, кто ты!
Вулкан, что к тучам голову вздымает,
И на челе твоём звезда сияет,
Все недра сердца лавой залиты.

О да, поэт, я назову, кто ты!
Ты, как луна, что скрыта облаками,
В чертог небес возносишься над нами,
Лишь тень во прах низринув с высоты.

Рукава при прощанье *

Высохнут светлые слезы разлуки
На изголовье твоём.
Знаю, остынут восторги и муки
В сердце, объятном огнём.

В сумраке тленного мира, я знаю,
Все изменяют года.
Лишь в небесах, неизменно мерцающая,
Не угасает звезда.

Звезды и цветы

Подобно сестрам, вскормленным рукой
Единой нашей матери Природы,
Зовут цветами звезды тьмы земной
И звездами — соцветья небосвода.

Хотя цветы от звезд удалены,
Но сходства полно их очарованье.
Во мраке равной прелестью полны
Цветка улыбка и звезды мерцающие...

Когда же в белых облаках зари
Цветы небес увянут, исчезая,
Росинкою прозрачной — посмотри —
Слеза дрожит, под ней звезда земная.

Цветы и звезды

В сумерки, глядя из облачной дали,
Звезды рекли: «О цветы!
Вас тяготят эти капли печали.
К нам! На земле вы блаженства не знали.
Вечная радость — удел высоты».

Робко склонившись, цветы попросили:
«Звезды! Нам дайте ответ.
В небе, где нам вы блаженство сулили,
Разве вы горькие слезы не лили?»
И звезды ответили: «Нет!»

«Но ведь без слез и любви быть не может, —
Молвили звездам цветы, —
Пусть на земле нас сомненья тревожат.
Сладко блаженство на небе, и все же
Нам не прожить без любви и мечты».

Цветок на могиле

На могиле, хранящей немые следы
Чьей-то гибели, скорби, вражды,
Воплощение радости и красоты,
Воплощение жизни — цветы!

Взору явит цветок наступающий день,
Свет зари, упования тень.
А могила — лишь мрак пролетающих лет,
Тьму ночей и страдания след.

Что за смысл в безмолвной могиле сокрыт?
Что за голос в цветке говорит,
Если в каплях прозрачных от века дана
Им роса на рассвете одна?

Суждена человеку могила — а бог
Сотворяет для жизни цветок.
И со звезд отдаленных нисходят в ночи
На цветок и могилу лучи.

Цветущая ветвь

Собрав цветы на рейнском берегу *,
Послал бы другу их поэт, наверно.
Ведь я поэт, и, значит, я могу
Тебе послать ветвь сакуры вечерней.

Студеным ветром сакура пьяна.
В росе рассветной замерзает ива.
Весна в столице — ранняя весна
Как сон, проходит робко, молчаливо.

Все дальше рельсы, нет конца пути.
Весна в столице — здесь зима осталась.
Цветы уже успели отцвести,
Ты яшмовой рукой их не касалась.

Не бросишь ты с презрением, о нет!
Ветвь сакуры с увядшими цветами.
Окрась же сердце в их печальный цвет.
В ночи с улыбкой к ним прильни устами!

Луна над старым замком

Написано в 1898 г. по заказу Токийского музыкального училища на музыку нашего талантливого композитора Такэ Ринтаро, кончину которого я оплакиваю и поныне.

Пир под вишней вешнею в замке родовом.
Сосны, озаренные лунным серебром.
Ясный отблеск падает в чаши с высоты —
О сиянье дней былых,
 где же, где же ты?

Замок в пору осени инеем одет.
Блики на клинках мечей — отраженный свет.
Дальний клич гусиных стай, грустные мечты..
О, сиянье дней былых,
 где же, где же ты?

Для кого теперь луна серебро струит?
Старый замок на холме весь плющом увит.
Одинокая луна свет печальный льет,
Ветер в соснах о былом жалобно поет.

Неизменны небеса, но таков уж мир:
За рассветом — увяданье, смерть венчает пир.
Не о том ли рассказать хочет нам она,
В час ночной над старым замком полная луна?

Китахара Хакусю

Из книги
«Запретная вера» *

Сокровенная музыка запретной веры

Как будто оживают предо мной
 все ереси истерзанного века
И чудеса, что силой чар волшебных
 творит могучий христианский бог..
Вот капитаны черных кораблей *,
 приплывших из страны рыжеволосых *,
Багряное заморское стекло,
 манящий пряный аромат гвоздики,
Парча, отборный хлопок, ром и вина —
 товары южных варваров * в порту.
Мне слышатся хоралы литургии —
 голубоглазые доминиканцы

Поют о божестве запретной веры,
поют об окровавленном кресте.
Магический сосуд являет взору
зерно горчицы с яблоко размером, *
Всевидающая раздвижная трубка
для смертных открывает рай небесный *...
Из камня возведенные дома,
где белой кровью мрамор пламенеет —
Та кровь, молва гласит, в лучах заката
играет, как вино в хрустальных кубках.
В чудесных магнетических виденьях
дым благовоний стелется, как бархат.
Мир призрачного лунного сиянья,
хранящий силуэты птиц, животных *...
Молва гласит, из ядовитых трав
там добывают пудру и румяна...
О лик святой Марии, что написан
цветным пахучим маслом на холсте!
Слов литеры — латинских, португальских
в горизонтальных темно-синих строчках *.
Звук этих слов, неведомых, прекрасных
таит печальное очарованье...
О, снизойди же, преподобный падре,
сверши заклатье, властью чудотворной
Верни столетья вспять — не пожалею,
коль кровь моя прольется на кресте!
Лишь об одном молю —
мне сон заветный,
тот дивный сон багряный подари!
К тебе взываю, отче,
воспаряют,
Как дым, в мольбе душа моя и тело!

Красный епископ *

Христианский прелат, ревнитель запретной веры,
Взор вперив в темноту, под луной стоит одиноко
Меж лекарственных трав, красноватых, отраву таящих,
Чей неясный шелест отдается трепетом в сердце.
Все вокруг объято зловещей туманной мглой.
На воде, в тростниках играют лунные блики.
Фортепьяно во мраке * исходит синим рыданием.
Неподвижно стоит епископ с застывшим взором,
В долгополой мантии, рдеющей темным багрянцем,
Ароматом овечьих, в сумрачной, сладкой истоме,
Одурманив себя ядовитым дымом гашиша —
Может быть, в предчувствии близкого наслаждения,
Может быть, уже во власти видений смутных,
Колдовским оцепенением скован.
На руке у епископа черная сова-вещунья.
В темноте глаза совы мрачно сверкают.
На подоле мантии мерно сверчок стрекочет.

Пасмурный день

О, эта сквозящая в атмосфере пасмурного полдня
Сводящая с ума меланхолия почек на камфарном лавре!
Павлония, усыпанная цветами.
Брызги виски — пряный аромат сплина.

Откуда-то доносится сонное дыханье верблюда.
Взгляни: грязноватые пятна цвета свалявшейся овчины,
Тлетворные миазмы, исходящие от созревшей соломы.
Цветы рассыпались по топкой, жидкой трясине.
Бледно-лиловые цветы скорбят о чем-то —
Тяжко иго листвы, нависшей в небе над ними...

Сад в оранжерее

Поздней весной под сводами оранжереи
В сумрачной истоме, в сумеречной истоме
Выбивается струйка из маленького фонтана.
Под ним приглушенно рдеющий амарилис,
Причудливо разбросанные гелиотропы.
Тихий шепот, в далекую юность влекущий
неудержимо.

О неиссякаемая струя фонтана!
Этот куст со свисающими желтыми плодами,
Благоуханные диковинные деревья...
Вместо неба синева громадных стекол.
Пятна солнечного света, соловьиные трели.
Песня юных дней в полумраке льется
неудержимо.

Этот черный бархат, эти ароматы,
Смутные сновиденья, нежные касанья!
Цвет пожухлой влажной коричневой кожи
на старой шкатулке.
Тлетворное дыханье подернутого вечерней мглой неба,
Запах прели, струящийся от юношеских мечтаний
неудержимо.

Угол комнаты на третьем этаже дома.
Тиканье часов в потускневшем золоченом футляре.
Сладостное, мучительное томленье,
Сновиденья, напоенные теплом полей душистых,
Отзвук юных дней, из темноты летящий
неудержимо.

Поздней весной под сводами оранжереи
В сумрачной истоме, в сумеречной истоме
Выбивается струйка из маленького фонтана.

Под ним приглушенно рдеющий амарилис,
Сладко увядающие гелиотропы,
Сквозь туманную мглу мечты устремляются в юность
неудержимо.

Вечер

Ласково улыбается море.
Алый цветок за окном пламенеет в лучах заката.
Полон смутной тоской,
Сорвал я розу —
И услышал отдаленный шум городских кварталов,
Рокот моря, уходящего дня отзвук —
А быть может, лишь отзвук вчерашней печали.

Ласково улыбается море.
Где-нибудь на земле, далеко-далеко, я знаю,
Под таким же закатным солнцем
Или под багровыми звездами Юга,
С розой в руке,
В шелестящем на ветру серебристом
шелковом платье,
Вслушиваясь в ночь,
Грустит обо мне Незнакомка...

Бунт

Это было однажды в саду близ обители нашей.
В предзакатных лучах кроткого осеннего солнца
Под печальные вздохи бледно-желтой струи фонтана
Струны скрипки оплакивали чуть слышно
Все мечты свои, тяготы и невзгоды.

В отблесках свечей, в благовонном ладанном дыме
Череда монахинь, выходящих из галереи —

Белые чепцы в полумраке смутно мерцают.
Скрипка поет и плачет, пронзая болью,
Словно глоток обжигающего пряного рома.

Вновь и вновь в багряных лучах заката
Под печальные вздохи фонтана, что мечтой лучится,
Вторая песне без слов, лебединой тоске осенней,
Словно черное пламя порохового взрыва,
Из разверстой земли взметнувшееся клубами,
Обезумев, рыдает, рыдает скрипка.

Скрип и скрежет колес подъезжающего экипажа,
Свист отравленных пуль, сверканье мечей во мраке
И потоки дымящейся свежепролитой крови.
Как? Ужели все здесь обречено сожженью —
И фонтан, и обитель, и это синее небо?
Прозвучал последний,
трепетный, алый мгновенный вопль —
И ослепла скрипка...

У источника

Тихо падают капли.
На вечерней росе в саду отблеск
закатного солнца.

Желтое журчанье.
В этот час все вокруг
В грустные нежные тона окрашено зарею.

Томно падают капли.
Где-то плачет больное дитя... По капле
мечта сочится.

Всюду звук поцелуев.
В небе
Трепет уходящего лета.

Словно мед, тягуче вода сочится.
Как глаза божества, сверкают прозрачные капли.
Смятенье теней.
В прохладной унылой мгле
тусклый блеск серебра, пробивающийся
сквозь тучи.

Мрачно падают капли.
Горечь солнца в оправе молний.
Зов ушедшего лета.
Безнадежность мечты, влажной желтой мечты —
О, такой неясной!
Капля за каплей мечта сочится, сочится...

Белая дорога

В полдень одиноко неспешно бреду
По песчаной белой дороге.
Вдали виднеется город,
Осененный кумачовым флагом заката.
Ни ветерка над пустынной равниной.
Полуденным жаром
Пышут раскаленные камни развалин.
Сладковатый запах
Гниющих лежалых фруктов.

Через равнину в знойный летний полдень
Протянулась белая песчаная дорога.
Невыносимый, кошмарный полдень!
Безмолвие и безлюдье...

Руины

Рай или кладбище?
Древняя равнина сумерек
в золоте нежных лучей.
Листья вяза шуршат под ногами.
Огромное осеннее солнце,
Зардевшись, погружается в море.
Люди с желтыми сморщенными лицами
Выходят из ворот храма.
Отчего так печален твой взор,
О черный буйвол?..

Ветер утих

Ярко горит в небесах закатное солнце.
Сверчки стрекочут.
В этот день наконец-то улегся ветер,
Беспощадно листву с дерев осыпавший.
Ярко горит в небесах закатное солнце.
Сверчки стрекочут.

Осенний взор

Поздней осенью, свесившись через мокрые перила,
Над рекой горюет пожелтевшая плакучая ива.
Где-то вдалеке затихают звуки тромбона —
Похоронная тоска в воздухе повисает.

Посмотри, вон там, у висячего моста, в полумраке
Газовые фонари, сонных коней дыханье.
Балаган молчит — сквозь сизый занавес ночи
Цирковая наездница в зеркало вод глядится...

Whisky

Обагрённое зарей вечернее небо.
В небе — голос сорокопуга.
Выстроившиеся в ряд бутылки виски —
Равнодушно протирающая их девица.
Слышишь? В обагрённом зарею небе
Голос сорокопуга...

Поздняя весна

Хириа-хисуриа,
Шу-шу-шу...
Томный тёплый вечер опустился на берег.
Разлилось над гладью реки солнечное сиянье.

Отблески в окне офтальмологического кабинета.
За окном тополя вздыхают слабо, нестройно.

Ослепительны, нежны, жарки, безумны,
Припекают, парят лучи закатного солнца,
Желтизной пламенея и переливаясь.

Хириа-хисуриа,
Шу-шу-шу...

Вновь и вновь звучит с щемящей тоскою
Так пронзительно, жалобно, безнадежно
Тонкий писк пичуг —
Удивительных красноклювых пташек.

Хириа-хисуриа,
Шу-шу-шу...

Берег реки, усеянный всевозможным сором.
Болезненный скрип, наполняющий округу.

Желто-серые рыхлые клубы испарений
Непрестанно сонно, лениво сочатся влагой.

Хириа-хисуриа,
Шу-шу-шу...

У кирпичной стены на заднем дворе больницы
Затеняет окно душистый развесистый тополь.
Из окна, до боли в глазах шурясь,
Больной неотрывно смотрит на солнце.
Уносясь в мечтах к этому весеннему небу,
К этим звукам, к этой воде, к этому аромату...

Хириа-хисуриа,
Шу-шу-шу...

То темней, то ярче,
То тише, то громче,
Томно и нежно,
Снова и снова

Хириа-хисуриа,
Шу-шу-шу...

В небе багряные облака *

В небе багряные пляшут облака,
В наших бокалах багряное вино.
Что о жизни горевать, если все равно
В небе багряные пляшут облака!

Время уходит

Время уходит. Как уходит красный пароход в море.
Как уходит закатный отблеск со стены амбара,
Как довольное мурлыканье черной кошки...
Время уходит. Неизвестно как, неизвестно когда,
Уходит, отбрасывая легкие тени.
Время уходит. Как уходит красный пароход в море.

Зуёк

В эту ночь за окном кричал зуёк.
Кричал зуёк.
Ночь была холодна — я закрыл окно.
Закрыл окно.

Я фонарь задул, но голос зуйка,
Голос зуйка
В тишине ночной все еще звучит,
Еще звучит.

О зуёк! Ты, наверное, одинок!
Ты одинок?
Ты под ветром продрог на берегу?
На берегу...

О зуёк! Почему ты не уснешь?
Ты не уснешь?
Гаснут отблески звезд в рассветной мгле,
В рассветной мгле.

На синюю фетровую шляпу

Падает снег, на синюю шляпу ложится —
Легких пальцев касанье? Шепот невнятный?
Дух ли сакэ хмельной? Аромат ли мятный?
Слез мимолетных следы на милых лицах?..

Фешенебельный отель

В отеле фешенебельном из труб веселый дым,
Над крышей ветер мелкий снег взметает.
Лиловый светится фонарь, душе необходим,
И слезы сердца, как снежинки, тают...

Из книги

«Рисунки тушью»

Бамбук на снегу

Чистый белый покров земли — а над снежным полем
Необъятная ширь пасмурного зимнего неба.
То ли бледно-лиловым, то ли зеленоватым
Отливает холодный, прозрачный воздух.

На снегу один к одному стволы бамбука.
Выворнявшись в ряд, замерли стволы бамбука.
Стройные прямые стволы ввысь взметнулись —
Контурные очерчены четко, словно на картине.

На ветвях бамбука мелкие сухие листочки.
Между ними глазки набухших завтрашних почек.
В темно-синих тучах, роняющих мрачные тени,
Затаилась горошина платинового солнца.

Полдневная тишь.
Гармония света и тени.
Влажная, нежная отрада —
Ранней весны даханье.

Чистый белый покров земли — а над снежным полем
Необъятная ширь пасмурного зимнего неба.
На снегу один к одному стволы бамбука
В зеленоватых бликах.

Летний луг

На глаза попадают скромные цветики ромашки
Да поблекшие белые головки полевого мака.
Под палящим солнцем иду —
Шляпа осталась дома.

О цикады в траве! Неумолчно звенящие цикады!
Уж не дальний ли ропот волн, не шум ли приборя
Этот неугомонный хор?..
(И трубка тоже забыта.)

На глаза попадают скромные цветики ромашки
Да поблекшие белые головки полевого мака.

Ночь в пору ранней осени

Полная луна шестнадцатой ночи
чуть пошла на убыль.
Сполохи во мраке.
Отдаленных звезд влажное мерцанье.
Туч лиловых вата.
Сполохи во мраке.

Моря мерный плеск, приглушенный рокот.
Отголоски бури.
Сполохи во мраке.
Все светлей луна — на холме вздыхают
Заросли бамбука.
Сполохи во мраке.
Всюду на лугах звонкие цикады,
Блеск росы осенней.
Сполохи во мраке.

Лунный свет — неясные созвучья

*

Лунной ночью
табачного дыма не видно —
один лишь запах.

*

Улыбка младенца —
едва народившийся месяц —
как звезда, тускло мерцает.

*

Роса окропила
листья мака в лунную ночь
у корней бамбука.

*

В лунную ночь
все предметы кажутся ближе,
тени скользят —
И с дубов как будто не листья,
а большие цветы облетают.

*

В сумраке ночи

по волнам, освещенным луной,

движется лодка.

*

Но и лунные блики

Таят неизбывную боль,

Словно красный пестик

В белом лотосе, что поутру

Распустился, встречая солнце...

Лиственницы

1

Проходя через лиственничную рошу,

Я внимательно вглядывался в деревья.

Так грустны были лиственницы в роше,

Так невесел был мой путь одинокий...

2

Миновав одну лиственничную рошу,

Незаметно перешел я в другую.

Все по той же тропинке шагая,

Углубился я в сумрачную чашу.

3

В самом сердце лиственничной роши

Меж стволов вьется узкая тропинка.

Сквозь туман и дождь по тропинке

Столько лет бродили горные бури...

4

Больше не было ни души на тропинке,
На тропинке в лиственничной роше.
И вилась, и петляла тропинка,
Уводя в неизведанные дали.

5

Проходя через лиственничную рошу,
Я шаги отчего-то замедлил.
Лиственницы были так печальны —
Мы немного пошептались с ними.

6

Выходя из лиственничной роши,
Я увидел дым над кратером Асама.
Я увидел дым над кратером Асама
Сквозь развилку лиственницы на опушке.

7

Ливень начался в лиственничной роше.
Прошумел уныло и утихнул.
Только где-то куковала кукушка.
Только лиственницы влагой сочились.

8

О наш мир! Он печален и прекрасен!
Жизнь не вечна, но так щедра на радость:
У реки в горах слушать плеск потока,
Слушать ветра шум в лиственничной роше...

Из книги

«Тюлени и облака»

Празднуем ветер

Празднуем ветер.
Празднуем в солнечном сиянье.

Празднуем ветер.
Празднуем в зелени деревьев.

Празднуем ветер.
Празднуем в лазурных чертогах.

Празднуем ветер.
Празднуем в грохоте прилива.

Празднуют ветер.
Празднуют реки и долины.

Празднуют ветер.
Празднуют сады, огороды.

Празднуют ветер.
Празднуют бакены на рейде.

Празднуют ветер.
Празднуют ручьи ледяные.

Хоригути Даигаку

Из книги
«Луна и Пьеро»

Пьеро

Как мучительно бледен
 бедняга Пьеро!
Щеки его — как мел.
В этом лунном сиянье,
 в струящейся мгле
Он весь
 так призрачно бел!
О Пьеро,
 растворившийся в лунных лучах,
 превратившийся в лунный свет!

Он так ясен и чист,
а в глазах — лишь печаль
и ни тени радости нет...

Лунная ночь

На перекрестке под ясной луной
Одиноко стоит Пьеро.
В белом, печальном наряде своем,
Призрачным светом залит.
Смотрит тоскливо по сторонам —
Коломбины все нет и нет.
От огорчения по белым щекам
Слезы текут и текут...

Ноябрьские дожди

Ноябрьский серый дождь,
Туманный полог мира,
Ноябрьский серый дождь
На утренней заре.

Прохладная печаль!
Как холодно и сыро
И телу и душе
В унылом ноябре.

Под струями дождя
Листва с дерев слетает,
Дрожат перепела,
Наохлились дрозды.
День наступил — а дождь
Все не ослабевает,
Земля взята в полон
Потоками воды.

К отверженным судьба
Сейчас вдвойне жестока.
Бездомному скамья
Ночлега не сулит.
Ноябрьские дожди
Без отдыха и срока,
Лачуги и дворцы —
Весь мир завесой скрыт.

Ноябрьский серый дождь
Все яростнее к ночи.
Влюбленным от него
Спасенья не найти.
Как будто потопить
Саму любовь он хочет,
Льет ливень, все и вся
Сметая на пути!

Листопад

Эта осень!
Вечер.
Скорбная дрожь ветвей.
Опадающих листьев шорох:
«Скорей! Скорей!»

Музыкальные инструменты

О ночи!
Осенние ночи —
они для певучей гитары.
Для весенних ночей —
кастаньет неразлучная пара.
О ночи!

Перелетная птица

Осень жестока!
Перелетной птице уставшей,
На закате от стаи отставшей
Так одиноко!..

Перевал

Долго вверх я шагал,
И вот с высоты перевала
Вижу море внизу —
Синева без конца, без начала...

Фонтан

Бьющий фонтан под небом густо-багровым,
Извергающим жаркие угли.

Круглая луна плыла в небе.
Ожидая тебя, я думал:
На что больше всего эта луна похожа? —
На солнце!
А фонтан высекал серебряные искры.
Ожидая тебя, я думал:
На что больше всего похожи струи фонтана? —
На пламя!

Круглая луна плыла в небе.
Фонтан высекал серебряные искры.
Ожидая тебя, я думал...

Снег

Снег идет! Снег идет! Снег идет!
Нынче на небесах карнавал.

Все бессмертные боги в волшебный дворец
Собрались на праздник зимы.

Снег идет, снег идет без конца —
Вьются стайки белых дроздов.

Скрыт завесой колышущейся белизны,
Хиёдори громко кричит.

Снег, белейший, чистейший, искристый снег —
Будто кружат опавших цветов лепестки.

Грациозно танцуя, нисходит с небес
И на землю ложится сугробами снег.

Снег идет! Снег идет! Снег идет!
Будто ангелы крыльями машут вокруг!

Час за часом все падает, падает снег,
Колыбельную шепчет в дремотном саду.

Хлопья манны небесной кружат в вышине,
Сотни маленьких беленьких ножек спешат!

И на черной земле, и на скатах крыш
Непорочно белеет снег.

На чудесный праздник земной детворы —
Мириады белых зимних цветов!

Из книги

«Песчаное изголовье»

Что есть жизнь человеческая?

Что есть жизнь человеческая?

Для меня человеческая жизнь — это уходящие дни,
Улетающие далеко-далеко дни,
Исчезающие безвозвратно дни.

Ведь сегодня всегда похоже на вчера,
А вчера так похоже на завтра...
Для меня человеческая жизнь —
Один-единственный скучный день.

Прошлое скапливается в воспоминаниях

единственного дня.

Воспоминания болью отзываются в сердце.

Будущее — ночь, а точнее, цепь тянувшихся в пустоте
Бесконечных темных ночей.

День моего рождения есть день моей смерти.

День моей смерти и есть день моего рождения...

На мосту

Я вспоминаю, да, я и сейчас вспоминаю:

В сумерках мост через реку, пятна подтаявшего снега,
Словно цепочка муравьев, приютских сирот цепочка...
Сколько же на свете сирот, подкидышей, безродных!

Жизнь им не мила, как и мне,

Смерть для них отрада.

Там внизу река течет, холодная, немая.

Человеческим страданиям воистину нет предела.

Я вспоминаю, да, я и сейчас вспоминаю:

Сумерки, тот мост, пятна подтаявшего снега...

Тростниковая заводь.
Луч, сверкнувший на краткий миг.
Обнаженное тело
Белеет в вечерней мгле.

Тростниковая заводь.
Луны замутненный лик.
Золотистая рябь.
Светляки очнулись от сна.

Эта тихая заводь.
Колышущийся тростник.
Белый стан под луною
И черных волос волна...

Шпенек

Море вдали — огромный раскрытый веер.
Я тот шпенек, что скрепляет синие створки.
Лишь случайный парус белеет на горизонте.
Он похож на меня —
Так одинок и печален!

Климат

Климат Парижа,
Климат Токио...
О вы, женщины, ушедшие в неизвестность!
У кого спросить ваши адреса, я не знаю.

Меркнущая радуга, улетающая птица...
И поныне живете вы в моем сердце,
Но куда вы скрылись, увы, я не знаю.
На какую почту послать вам письма?

Что ж, угасай, радуга в небе!
Что ж, улетай, прекрасная птица!
Женщины, которых я любил, где вы?
Незабвенные, ушедшие безвозвратно,
Где искать вас теперь, увы, я не знаю.

Климат Парижа,
Климат Токио...
О вы, женщины, ушедшие в неизвестность!
У кого спросить ваши адреса, я не знаю.

Я помню женщину

Птица в саду моем живет.
Днем и ночью печальны песни ее.
Женщина в сердце моем живет.
Холодны ее слезы всегда, всегда.

Женщина! Птица!
Довольно грустить!
К чему напрасные слезы?
Любовь коротка,
а жизнь длинна —
Уж так устроено в мире.

Разве слезами можно вернуть
Утраченную мечту?
Ушла любовь — и она мертва.
Не надо напрасных слез!

Женщина в сердце, птица в саду,
И ты само, мое сердце!
Быть может, довольно скорбеть о былом?
К чему напрасные слезы!

Мышь с рисового поля

Чумазая мышь с полей заливных —
Дом ее в топкой грязи.
Я сам виноват, во всем виноват —
И жизнь мне не мила!

Солнце, о солнце!
Но розовое солнце
не отвечает на зов,
Невежливое,
Как грубая телефонистка.

Ах, линия занята... Разговаривают.
Что ж, такова жизнь!

Над вершинами гор встала луна,
Посеребрив ночь.
Чумазая мышь с полей заливных
В объятиях милой спит.

Сердце

Сердце мое печально,
Тяжко скорбит душа,
Привкус горечи на устах.

Что же делать?
Куда идти?
Чего хочешь ты, о мое сердце?
А ты, душа моя,
Почему меня не утетишь?
Разве мало тебе стихов и любви?

У меня есть молодость и здоровье,
Есть богатство, талант... Мир прекрасен!
И все же, и все же, ах, и все же...

Сердце мое печально,
Тяжко скорбит душа,
Привкус горечи на устах...

Фейерверк чувства

Пламя костра догорает, и остается пепел.
День грядущий сегодня станет вчерашним днем.
Что ж, пусть так, дорогая!
День придет — мы разлюбим друг друга,
И угаснет яркое пламя,
Обратится в пепел любовь.
Этот день придет, а сегодня,
Этот день придет, а сегодня
Я люблю тебя, дорогая,
Я люблю тебя, дорогая,
И тобою страстно любим.
Что ж, пусть телу дано ошибаться,
Да, пусть телу дано ошибаться,
Но голос сердца непогрешим.
И пока не угасло пламя,
Обращаясь в холодный пепел,
Пока не настало завтра,
Вытесняя нынешний день,
Будем вместе, моя дорогая!
Насладившись на пиршестве плоти,
Мы подарим счастье друг другу —
Чувства красочный фейерверк!

Дни без любви

Есть дни без любви,
Бесконечные дни,
Есть дни, когда в сердце обиды одни,
Есть дни, когда в край запредельный
душа улетает.

Есть дни без любви,
Бесконечные дни,
Есть дни, когда в сердце укоры одни,
Есть дни, когда, словно цветок, душа увядает.

Есть дни без любви,
Бесконечные дни,
И хоть по часам истекают они,
Но время, как в озере сонном вода, застывает.

Довольно

Довольно для иных,
а мне все мало, мало!
Вкусив сполна, опять хочу начать сначала.

Любимая, пойми,
уже не в нашей власти
Остановить, унять порывы жгучей страсти.
Любовью опьянен,
я вдруг утратил разом
Спокойствие души и ясный трезвый разум.

Но сетовать о том
влюбленным не пристало.
Довольно для иных,
а мне все мало, мало!

Осеннее небо

Вспоминаю тебя.
По-осеннему хмурится небо.
Грустный аромат
Источают поздние розы.

Вспоминаю тебя
В тенистых аллеях парка.
Мой веселый пес
Тревожно прислушивается к ветру...

Шум моря

На песчаном пляже,
Где когда-то мы прощались с тобою,
Подобрал я раковину,
Оставленную приливом, —
И услышал в ней дальний отзвук прибоя...

Такамура Котаро

Из книги

«Дорожная даль»

Утраченная Мона Лиза

Ушла навсегда Мона Лиза
со своей неразгаданной улыбкой,
серебристым голоском сказав на прощанье:

«Живи достойно!»

Голос был далекий, слабый, печальный,
мелодичный, чуть-чуть дрожащий,
холодноватый, но затем потеплевший,
словно взор супруги полководца,
вернувшегося с победой.

Так скромно, тихо и незаметно

Она ушла, Мона Лиза.

Ушла навсегда Мона Лиза,
освободившись от толстого слоя
потемневшего бурого лака,
наконец-то выпущенная из узилища рамы,
где она так долго томилась
на стене музейного зала.
Взор к холсту обратив,
со слезами благоговенья
в замешательстве стоит
грустный предатель-художник.
Ах, ведь он-то, художник, смертен...
Ушла навсегда Мона Лиза.

Ушла навсегда Мона Лиза.
Слабогрудая, болезненная,
но при этом на удивленье коварная,
неуловимая, изменчивая,
словно драгоценный александрит,
зеленоватый при дневном свете,
густо-багровый во мраке ночи.
Она ушла, Мона Лиза.

Ушла навсегда Мона Лиза.
Губы ее, тронутые улыбкой,
грозившие погубить мою душу,
подливавшие масла в светильник жизни...
О досада! О горечь!
Мона Лиза не пролила ни слезинки.
Обнажив в улыбке влажные матовые зубы,
покинув привычный багет рамы,
она ушла, Мона Лиза.

Ушла навсегда Мона Лиза.
Да, когда-то сердце мое трепетало пред чудом —
Мне хотелось бежать от него, сгинуть навеки.
Странно! Ведь сейчас

одержимое сердце стремится за тающей тенью.
Когда же вовсе исчезнет она, словно призрак,
словно тонкая струйка опиумного дыма,
будет невыносимо грустно!

О, тот памятный день в конце ноября,
когда ушла Мона Лиза!..

Одиночество

Стройность похоронной процессии
В ряду красных словарей на книжной полке.
Остывающие угли в печке
Внемлют кличу кукушки с горы Канаяма.
Тяжкое кряхтенье борца сумо Оногава
Затихает в грязных цветах коврового узора.

Кто-то пришел.
К матовому стеклу припадает,
Подносит вплотную к окну зажженную спичку.
Сумерки в этот час пролили красные чернила...

Знаю, мне надо бежать куда-то,
Но куда — не знаю.
Знаю, мне что-то необходимо сделать,
Но что — не знаю.

Невыносимо сидеть вот так, без дела.
Над землей нависла неведомая опасность.

Я же, в белый байковый халат запахнувшись,
После бани распаренный, предаюсь сладкой истоме,
Сны смотрю лишь о свойствах электромагнетизма...

Киноварно-красное мясо побелело от пыли,
Насмехаясь над черной звездой злополучной даты.
Барометр предсказывает бурю.
Невесомая луна плавает в море.

Безмолвствуют в конверте сухие духи «Цуру» *.
Откуда-то доносятся плач и крики —
Верно, в винной лавке колотят служанку...

По какой дороге бежать?
Скажите! Скажите!
Научите меня! Объясните, что делать!

О! Дно замерзшей реки,
Как огонь, обжигает
До боли! До боли! До боли!

Живое существо

В шутку все обратить... Но если это не шутка?
Скажешь: «Не шутка!» — прозвучит
по-детски наивно.
«Шутка», — скажешь, и самому станет грустно.

Я ведь тоже живое существо, не так ли?
Как листок газетный, брошенный в парке,
Я бреду, неприкаянный и убогий.

Дайте же живому жить, как сам он мечтает,
Пока не хлынули осенние ливни!..

Presentation

Ветер, взметающийся из бокалов,
Раскачивает бумажные фонарики Пана, *
Пестрые огни мечутся, мелькают...
Запах миндаля и груш Бергамо.
Цветы — гелиотропы, помпеи.
Четыре молоденькие гейши
Мерно притопывают, в лад напевают
И пляшут, пляшут!
Эй, эй, эй-я-са!
Хисагику и Горомару,
Бонкоцу и Саруноскэ,
Раскрасневшиеся, потные, хмельные!
Демоны разгула,
Цветные татуировки,
Приказчик из лавки Каваути,
Неразменная стойеновая кредитка,
Местный колорит,
Семена жизни...
Словно вытканная на шелку картина,
Словно сценка на старинном гобелене.
Пир горой, дым коромыслом!
Бородатый Пан, увенчанный гроздьями винограда,
В пламенеющих руках протягивает огромную чашу.
Кто-то подходит, поджигает пунш в чаше.
«Permettez-moi de vous presenter...» *
Лицо друга, будто увиденное впервые.
Лицо друга, разгадавшего тайну Джоконды.
И в тот же миг,
Словно кадры киноленты,
Перед взором скользят:
Той дамы загадочный профиль,
Лица многих и многих
из прошлого пришедших знакомых...
Слезы наворачиваются на глаза от досады.

В вышине над нами просветы синего неба.
Мама молчит, я тоже молча шагаю.
И в этот миг, пронесшись над водной гладью,
Крикнула птица — прокатилось звонкое эхо.

Не пойму никак, откуда же слышится голос.
Поворачиваюсь во сне направо, потом налево...

Вдруг — но как же могло такое случиться? —
В миг единый пропала из виду мама.
Рвется крик из груди, но уста внезапно закрыла
Благоуханная легкая чья-то ручка.
Поднимаю глаза — и вижу перед собою
Тень из прошлого, чистый девичий образ.

Я лежу на траве. Ничего не знаю, не помню.
Запах опиума плывет над землею.
В полусне, в забытии различаю над ухом
Чье-то теплое, взволнованное дыханье.
Неумолчно звучит голос прошлого, жалобный, тихий,
Вопрошая меня со слезами: «Зачем, о, зачем же
Ты уплыл за моря, уехал в край чужедальный?
Что хотел обрести? Для чего пустился в скитанья?»

«Бом-бом! Бом-бом!» — в нижней комнате
глухо и мерно
Бьют большие часы шесть раз — наступает утро.

Страна нэцкэ

Широкие скулы, толстые губы, треугольные
шелочки-глазки —
Так похожи на нэцкэ работы мастера Сагоро...
Безучастные,
Будто неодоушевленные лица.

Сами себя толком не знающие,
Суетливые, легко, без проблем живущие,
С виду всегда аккуратные, гладко прилизанные,
Маленькие, крепенькие, ко всему равнодушные,
Похожие кто на обезьяну, кто на лисицу,
Кто на белку-летягу, кто на бычка с усами,
Похожие кто на оризию, кто на горгулью,
Кто на осколок чайной чашки — японцы...

Зима пришла

Воочию вижу — на землю пришла зима.
Увяли, погасли аралий белых цветы.
На дереве гингко, как метлы, ветви торчат.

Вломившись без спроса, на землю пришла зима,
Ненавистная людям губительная зима,
Бич для трав, деревьев и мошек, пришла зима!

О зима!
Иди же ко мне скорей!
Сам я — сила зимы, зима же — пожива моя!

Так пронзи меня, проникни во плоть мою!
Раздувай пожары! Под снегом все схорони!
Словно меч беспощадна, пришла на землю зима!

Гэта

На узкой улочке из окна трамвая
Я увидел клочок земли, порог да короб с сэмбэем —
Подсолненным печеньем торгуют в этой лавчонке...
Три пары оставленных гэта у порога,
И между ними две крошечных сандальки
С красными тесемочками для пальцев

Стоят так чинно, опрятно
Под ласковыми лучами утреннего зимнего солнца...

Дорожная даль

Нет дорог впереди —
Позади пролегла дорога.
Мир Природы!
Отец мой!
Родитель, меня взрастивший,
Не спускай же и впредь с меня недреманного ока,
Наполняй же меня животворным могучим духом,
Дай мне сил для дальней дороги!
Дай мне сил для дальней дороги!

***Из стихов,* написанных после «Дорожной дали»**

Стою под дождем опадающих листьев

О этот чудный день, погожий, безоблачный, ясный
В пору, когда наконец осенила Японию осень!
Словно куренья из дерева кара *, ароматен воздух.
Всюду носятся птицы, мельтешат, мелькают,
Суетой своей оживляя теплый ноябрьский полдень.
Колокол пробил неожиданно гулко.
Проревел, разносясь по округе эхом,
В небе расходясь кругами безмятежного счастья,
Громкий гудок деревенской мануфактуры.
Такое время...
Перед знаком «Вход воспрещен», явно излишним,
Замедляю шаг, чтобы сказать «Здравствуй!»
Маленькой красной стрекозе на опушке.

И вот стою под дождем опадающих листьев,
Углубившись в заброшенный парк площадью
не меньше гектара,
В рощу дикорастущих вишневых деревьев.

О благостыня величия, изобильная щедрость Природы!
О эта буйная радость бессмысленного транжирства!
С шелестом сухим падают и слоями
Оседают на земле мертвые бурые листья.
Опьяните же меня зрелищем вселенского листопада!
Жалость не нужна вам, легко сменившим обличье.
Я устал от страданий в этом изменчивом мире
И всего себя вам отдаю, о листья!
Перед тем, как навеки погрузиться в зимнюю спячку,
В день осенний, когда струйки дыма тянутся к солнцу,
Плоть и душу мою обдайте буйной, обильной
И такой живой красотой, безвозмездно отданной миру!
Безыскусные, кряжистые, толстые стволы вишен
Вдруг простерли ввысь изящные, нежные руки,
Деревья покачивают изогнутыми ветвями,
К небу устремив их затейливое сплетенье —
И громада вишневой рощи в осенний полдень
Вся колыхается в такт, вторя дыханью ветра.
Из ветвистых крон, где темных, густых,
где — с просветом,

Во все стороны машут маленькие ладошки.
Врассыпную листья летят — золото и бериллы...
Контурны четки, будто на картине,
Будто выписаны кистью из нежной барсучьей шерсти.
Как чиста и сердечна в щедротах своих Природа!
Опадают, льются дождем желтые листья,
В роще шелестя,
Укрывая пластами землю.
Чувствую, как сам становлюсь духом-стражем рощи,
По лесу кружу, в душе клокочат волны,
Словно в горной реке на крутых порогах.

То трясую стволы молодых деревьев,
То потолще ствол хочу обхватить, раскинув руки,
То прильну к теплой плоти раскидистой
старой вишни...

Хорошо вот так стоять, по сторонам глядя,
Хорошо на себе ощущать благодатную щедрость мира,
Хорошо под сенью ветвей причащаться
пяти стихиям! *

О палые листья! Палые листья! Палые листья!
Лес души моей устлавшие толстым слоем,
Вы, слезавшиеся, обреченные тленью,
Ну же, сердце мое скорее согрейте,
Превращаясь во влажную, пахучую, гниющую массу!

Свет нисходит с небес...
Так ли радостно возвращенье в землю?
Что ж, когда на земле сады одичают, заглохнут,
Много раз этой юной, неспешно растущей роще
Доведется в печальной тени дать приют
птицам, зверям, людям.

Воздух напитать чистейшим озоном,
Став источником вечно текущей жизни...
Там, за рощей, за лугом с травой
сухой и поникшей, —

На большое лицо похожая крыша родного дома.
Отражая сиянье прозрачной небесной сини,
По-человечьи подмигивает, зазывает —
Крыша манит меня, на солнце ярко сверкая,
Но я не спешу с возвращеньем.
Сколько их? Впереди, позади, сверху и снизу!
До чего же радушно меня принимают листья!
Право, это ли не улыбка солнца!
Право, это ли не японская осень!

Еще что-то перевернулось

В руки беру отяжелевший утренний выпуск газеты,
Слегка подмоченный весенним ливнем.

Перелистываю заметки о событиях в мире.

На планете железо, порох и вся стоящая за ними
громада

Снова двигаются заданным курсом —

Вот о чем вещает чуть расплывшийся шрифт сообщений.

Неотвратимое перемещение континентов...

Сбрасываю шелчком прилипший к газете лепесток вишни.

Еще один континент во мне перевернулся...

Из стихов

поры «Бестиария»

Слова зимы

Вот и снова настала зима, украсив небо и землю,
Обелив и омыв лесистый покров мироздания.

Небо так высоко и бескрайне,
Деревья так четко очерчены, так опрятны!

Цикады, сверчки тихо приняли смерть,
свой путь окончив.

Ударил мороз — трава на лугах засохла.

Весь запас мишуры, все показное величье
В беспощадном движении своем зима растоптала.

Возглашает зима в трубном реве первого вихря:
«Вы сужденья и мерки свои отриньте, о люди!
Вы отриньте гордыню, ничтожное ваше тщеславье!
О призванье, о деле своем ревностно радейте!»

Вот и снова настала зима, украсив небо и землю,
Обнажив и омыв лесистый покров мироздания.

По наковальне молотом бьет зима и вновь взывает:
«Без оглядки жизнь отдавай, хвалу воспевая жизни!»

Из книги

«Ваяние»

Вырезаю цикаду

Усевшись у южного окна под лучами зимнего солнца,
Вырезаю из дерева цикаду.
Иссохшая, почти невесомая цикада,
Избавленная от тягот и треволнений жизни, —
Ей неведомы заботы о пище и крове.
В уголке, по краешку стола ползет цикада,
Словно по небосклону.
Я смотрю на ее крылья,
Мутные матовые осколки неба.
Крылья насекомого...
Призрачные крылышки легонько подрагивают.
Черная с зеленым скорлупка цикады загнута книзу.
От обструганного бруска кипариса
В комнатушке веет свежим древесным духом.
Забываю, где я теперь, забываю, в какой я эпохе,
Забываю о людях вокруг, дышать забываю...
Чудится, будто маленькая мастерская
В четыре с половиной татами
Парит в небесных просторах...

Глаза карпа смотрят на меня не мигая.
Не разжимая ладонь, я затаил дыханье.
Летней ночью слушаю, как земля и песок бьют в стены.
Кажется, будто я далеко-далеко отсюда,
Будто весь этот мир не совсем реален...

Люблю железо

Обернись и возьми железный светильник
С выгравированным именем мастера Эйкаку.
Он стоит на очаге, вон там, у тебя за спиной.
Вещь, которой место в старинной кузне...
Вытри пыль, поставь на массивную подставку

из дзельквы.

Выплавленный из той же руды, что шла на мечи и копья,
В пору расцвета Камакуры *, тому назад много столетий —
На славу закаленный в огне тонкий железный стержень
длиною в сяку.

Сверху помести плоску в виде чаши,
Снизу большой поднос, тоже из железа.
Какие солидные, надежные, основательные предметы!
Таящие глубину, будто замершие в молчании на вдохе,
От времени покрывшиеся темным налетом,
Из-под которого проступает текстура железа.
Остроконечный рог, грубый и весомый,
Он излучает сияние нежности, внутренней гармонии
и покоя.

В нем живет душа древнего умельца.
Что ж, зажжем в светильнике огонь, пожалуй.
Протяни еще раз руку и открой большое окно настезь.
Вечер поздней весной. Незаметно улегся ветер.
«Сливовый дождь» * сеет в саду росую,
Кропит дорожки меж вишен в зеленом убранстве.
В атмосфере сумерек, прозрачной, зеленоватой,
Испещренной тенями ветвей,

Из «Книги Тиэко» *

Загородный домик *

Сердце мое сейчас рвется к тебе с силой тайфуна.
О любимая!
Над землей разлилась полночная мгла, источая холод,
Проникая сквозь синюю чешую рыб, в море спящих.
Спи спокойно там, у себя, в загородном доме!
Правда младенца сейчас существо твое составляет.
Все в тебе так чисто, светло, прозрачно —
Видя это, люди оставляют дурные мысли.
Пред тобой проявляется без утайки все хорошее
и все плохое.
Ты поистине стала судьей моим,
беспристрастным и строгим,
Привнесла во все мои низменные ипостаси
Правдивость младенца,
Выявила мою подлинную сущность.
Раньше я и не знал о том сокровенном Ego,
Но когда тебя судьей над собою поставил,
Ты и одарила радостью душу,
Душу ранее никому неведомого Ego.
Я поверил в скрытое под оболочкой немощной плоти!
Наступила зима, облетели все листья с дзельквы.
Ночь пришла — во тьме ни звука не слышно.
Сердце мое сейчас рвется к тебе с силой тайфуна.
Это чувство мое, как ключ, из земли бьющий,
Оросит твое тело горячей целебной влагой.
Сердце мое сейчас, подражая твоим движениям,
Скачет, пляшет, бездумно и шумно резвится,
Но всегда при тебе несет неусыпную стражу.
О любимая!
Для меня ты теперь призрачный несравненный
источник жизни!

Спи же спокойно.
По земле холодная зимняя ночь, как вор, крадется.
Спи же спокойно в маленьком загородном доме,
Спи сном младенца!

Наивные речи

Тиэко говорит, что в Токио нет неба,
Говорит, что хочет видеть настоящее небо.
С удивлением смотрю вверх,
Туда, где в редких просветах
Меж зеленых ветвей развесистых вешних вишен
Открывается знакомое с детства
Необъятное прекрасное небо.
Над землей висит пасмурная дымка
От сырости розового утра,
Плотная вблизи, прозрачная в отдаленье.
Тиэко говорит, куда-то за горизонт глядя,
Она говорит: «Синее небо, что каждый день
на рассвете
Открывается над горами Адатара —
Вот настоящее небо Тиэко».
Наивные речи о небе...

Тиэко катается верхом на ветре

Потерявшая разум Тиэко не слышит слов уговоров.
Она общается лишь с фазанами да тидори.
Вдоль лесозащитной полосы с высоких сосен
Желтую пыльцу осыпает на дюны ветер.
Девяносто девять ри песчаного побережья
В этот майский день взметено, затуманено ветром.
В соснах мелькает домашний халатик Тиэко.
На белом песке сгустки смолы темнеют.

Подбирая смолу в застывших прозрачных слитках,
Неторопливо иду вслед за Тиэко.
Фазаны и тидори — друзья бедняжки Тиэко.
Для Тиэко, переставшей быть человеком,
Это жутко-прекрасное утреннее небо —
Излюбленное место прогулок.
Тиэко летит...

Не поддающаяся оценке Тиэко

Тиэко видит невидимое,
Слышит неслышимое.

Тиэко достигает недостижимых пределов,
Творит невозможное.

Тиэко не видит моего земного тела,
Она тянется к другому моему «Я» под оболочкой плоти.

Тиэко теперь избавилась от тяжких мук и навеки
Отправилась блуждать в бескрайней дали
прекрасных видений.

Я все время слышу зовущий меня голос Тиэко —

Но в мир людей у нее уже нет билета.

Покойной Тиэко

Воробей на рассвете, как ты, проснувшись,
в окно стучится.

Глоксиния у изголовья постели, как ты,
цветет безмолвно.

Утренний ветер, как ты, тело мое нежно гладит.

В пять часов утра твоим ароматом веет
в прохладной спальне.

Отбросив простыню, я протягиваю руки —
Встречаю улыбку твою в лучах летнего рассвета.

«А сегодня что у нас?..» — ты шепчешь
С таким важным, многозначительным видом...

Я стал твоим взрослым ребенком,
Ты юной матерью моей стала.

Ты ведь все еще здесь, со мною,
Ты живешь во всем и меня собой наполняешь.

Вряд ли я смогу любовь твою оценить по заслугам —
Но она, все на свете презрев, меня объемлет...

Если бы Тиэко

Если бы Тиэко была сейчас здесь со мною,
Окруженная первозданным дыханием гор Иватэ *,
Посреди июньского буйного многотравья,
В эту пору она бы как раз застала начало лета,
Когда прилетает к колодцу горная трясогузка
И садится, будто бы сняв соломенную шляпку.
Если бы в эту благодатную пору Тиэко
Была поутру здесь, со мною,
И проснулась бы в маленькой хижине нашей,
Она бы раскинула руки, вдохнула всей грудью,
Легкие омывая чистым озоном,
Она рассмеялась бы голосом звонким,
как у двадцатилетней,
Над тем, что извела уже дюжину спичек.
В очаге зажгла бы сухие ветки криптомерий,
Сварила бы котелок аппетитной рисовой каши,
Залила бы чаем *,
Нарвала бы на грядке сладкого горошка,
Порадовалась бы завтраку цвета сапфира...

Если бы Тиэко была здесь, со мною,
Одинокая хижина в горах Иватэ
Тотчас превратилась бы в ускоритель
с вакуумной трубкой,
Где летают во множестве живчики-электроны...

Из книги

«Классический образец»

Белый снег на землю ложится

Белый снег на землю ложится, ложится,
Толстым слоем укрывает лесные тропы.
Я иду, увязая в снегу по колено.
Снег загадочно отсвечивает под тусклым солнцем —
Голубые фосфоресцентные блики.
Поперек тропы заячьих следов цепочка.
Легкая дымка повисла в сосновой роще.
Снег скрипит в тишине да чуть слышно ветер
в вершинах
Беспредельность природы стремится выразить
в песне.
Пик Хаяти, пронзив облака, стал белым далеким
кристаллом.
Что же делать, коль чувства свои
я облечь в стихи не умею?
Соберу-ка немного сухой хвои криптомерий.
Вечерком на огне приготовлю ужин.
Отступают печали, невзгоды, заботы —
покой на сердце.
И в душе у меня как будто светится что-то,
Излучая фосфоресцентные блики —
Так красиво, таинственно, неуловимо...

Руки, орошенные луной

Руки мои тяжелы,
Приподнять их, сдвинуть непросто.
Повернешь ладонями вверх — дождь на ладонях,
Но руки мои дождя не боятся.
Под луной в горах серебрятся заросли мисканта.
Нынче ночью снова опадают каштаны.
Как положено, падая, лопаются с треском.
Эти звуки пронизывают мирозданье.
Нет, я не из тех, кто луну величает
«царицей неба»...

Лунные лучи сочатся влагой,
Растекаясь вдаль от глыбы спящего вулкана.
Все предметы сами по себе прекрасны.
Это чувствуется и без посредства мысли.
Красота исподволь проявляется в предметах,
Душа живет в самой сути ваянья...
Снова лиса пробегает полем.
Середина осени. В небе на юге
Маленькая яркая луна сияет.
Я еще раз
Смотрю на руки свои, орошенные луною.

Поселок Ямагути

Треугольная пирамида горы Ямагути, поросшая
всевозможными видами деревьев.
В зелени листвы склон будто в зеленом шелке.
Бук, дуб, каштан, конский каштан, багряник.
Вдалеке деревянные домишки.
Северный край чудес замер в трепетном ожиданье,
Словно ждет, что вскоре, пройдя через горы,
Здесь появится сам Амида-Будда*.
Полускрыты зеленью гор, внизу маячат
Черепичные крыши маленького селенья.

Жители поселка добывают древесный уголь,
Пашут и мотыжат рисовые чеки,
Ни на кого не надеясь.
Вскапывают скупую кислую почву,
Поднимают каменистые земли — табак сажают.
Там, где кончаются возделанные участки,
Среди трав, среди нор лисьих и змеиных,
В окружении нескольких старых каштанов
Хижина моя приютилась.
Позади треугольная пирамида Ямагути,
К югу на семь ри — равнина, заросли мисканта.
Летнее солнце над Иватэ ярко сияет,
В землю бьет и бьет лучами, как в барабанчик,
В сторону Акита * уходит неторопливо...

Иная Вселенная

Горная цикада, пристроившись у человека на шляпе,
Неожиданно запела.
Эту цикаду мог бы, наверное, поймать и младенец.
На глазах у человека полевые мыши
Кувыркаются и резвятся.
Белохвостая лиса в лучах вечернего солнца,
Золотистой шерстью горделиво сверкая,
С птичкой в зубах трусит по лугу.
(Людам из деревни не хватит ни птиц, ни зайцев!)
В тесном доме вместе со всей семьей
Жеребенок ночует.
Я живу здесь бесцельно, бездумно, празднично,
Я живу втуне...

Хагивара Сакутаро

Из книги

«Вою на луну»

Лик недужный, унылый

Лик недужный, унылый
проглянул из самой глуби земли.
В почве, во мраке крошечном
проклюнулась первая зелень —
зазеленели проросшие мышьи гнезда,
колыхаясь бесчисленными спутанными волосками.
На унылом, недужном
зимнем лике земли
пробиваются нежные побеги бамбука.
Проросли —
до чего же жалкая картина!

Словно редкая, рваная зеленоватая дымка —
до чего же жалкая картина!

Лик недужный, унылый проглянул во мраке
из самой глубины земли...

Семена на ладони

Щедро земли на ладонь насыпал.
Землю густо засеял семенами.
Поливаю землю из белой лейки —
вода льется с журчаньем.
Прохлада земли разливается по ладони.
В майский день, распахнув окошко настезь,
солнечным лучам подставляю руку.
В ландшафт вписавшись,
кожа на руке благоуханным теплом согрелась —
и семена на ладони дышат...

Бамбук

На земле глянцевиной пробились всходы бамбука.
Корешки бамбука прорастают в почве,
к кончикам утончаясь.
Вниз от корешков
тянутся, как дым,
пробиваются усики-ворсинки,
колышутся бесплотны.

Сквозь земную твердь бамбук, бамбук прорастает.
Острые побеги пробивают кору земную
и растут все выше буйно, неудержимо.
«Динь-динь, дзинь-дзинь» — коленца звенят,
как льдинки.

Под синим небом бамбук, бамбук прорастает.
Бамбук, бамбук, бамбук прорастает.

Вид издали

В сумерки
весь Токио заполняется рабочим людом.
Потертые шапки маячат
на улицах, в переулках,
и в том квартале, и в этом, и в этом —
словно взрыхленная твердая почва.
А копнуть поглубже —
добудешь фольгу от сигаретных пачек
весом не меньше пяти моммэ
да иссохшие останки фиалок.
От окрестностей квартала Фукагава
простирается вдаль вечерний город.
В печальном полумраке
отблески поблекшего сердца
падают на лопату...

Унылая лунная ночь

Воришка-собака
воет на луну, что висит над зловонным молотом.
Душа внимает настороженно.
Мрачными голосами
хор желтых дев
поет
на темном парапете.

Почему всегда
мне кажется — сам я вою?
О собака!
Белая несчастная собака!..

Смерть лягушки

Лягушку убили.
Дети, став в кружок,
вскинули вверх ручонки,
вскинули милые ручки,
перепачканные кровью.
Вышла луна.
Человек стоит на пригорке.
У него под шляпой лицо человечесь.

Пловец

Тело пловца вытягивается чуть наклонно.
Руки, смыкаясь впереди, загребают воду.
Сердце пловца прозрачно, словно медуза.
Глаза пловца слушают колокол дальний.
Душа пловца луну в воде созерцает.

Кошки

Две черные кошки
в тоскливую, мрачную ночь повстречались на крыше.
Хвосты трубой — прямо над хвостами
ниточкой в тумане повисший месяц.

«Мяу, прекрасный вечер!»
«Мяу, чудесный вечер!»
«Мур-р мяу, мур-р мяу, мур-р мяу».
«Мяу, хозяин этого дома болен».

Печальная личность

Печальная личность призывает друга.
Незнакомый друг, приходи скорее!
Сядем вместе на эту старую скамейку,
тихонько потолкуем.
Проведем чудесный денек, ни о чем не печалься,
под журчанье и плеск фонтана в соседнем парке.
Так и будем уютно сидеть обнявшись.
Вдалеке от матерей и отцов, сестер и братьев
соединятся наши души-сироты, о которых
родителям ничего неизвестно.
В мире, где снуют толпы муравьев и людишек,
будем говорить только о наших судьбах,
о секретах нашей несчастной неприкаянной жизни.
Право, эти слова — разве они не ложатся,
как осенние листья, с легким шелестом на колени?

Слабая грудь моя — словно грудь ребенка.
Сердце мое от страха сжимается, бьется,
будто объято туманным пламенем страсти...

Я всегда любил уходить высоко в горы
по крутой тропе, глядя в поднебесье —
как ничтожный червь, что стремится к самой вершине.
И когда, жалкий червь, я стоял на обрыве
над бездной,
слезы, горькие слезы падали наземь,
а вдали над привольными горными лугами
облака нависали, белы и огромны.
Природа всегда причиняет мне лишь страдания.
Сочувствие людей в хандру меня повергает.
Нет, уж лучше бродить по шумному парку,
а утомившись,
В уединенном месте под деревом присесть
на скамейку.

Люблю с беззаботным сердцем смотреть на небо,
На дым от труб городских, уныло плывущий,
на полет ласточек, издали едва различимых
над крышами столицы.

Моя печальная, одинокая личность
громко призывает незнакомого друга.
Моя странная, робкая, застенчивая личность,
похожая на облезлую ворону,
посреди зимнего холода и безлюдья
дрожит на краешке скамейки.

Неизвестная собака

Эта незнакомая собака за мной по пятам плетется.
Жалкая, увечная, хромая — задняя нога перебита.

Куда иду, я и сам не знаю.
Ветер свищет по чердакам бараков.
На пустыре у обочины дороги
сухие стебли травы колышутся с шуршаньем.

Куда иду, я и сам не знаю.
Огромная луна, будто живая, впереди плывет
неторопливо,
а сзади, замыкая шествие, влачится
кончик длинного тонкого хвоста собаки.
О, повсюду, повсюду, повсюду
незнакомая собака плетется за мною следом.
За спиной у меня крадется тихонько,
к сырой и грязной земле припадая,
подволакивает ногу больная собака.
Долго, протяжно, страшно, истошно воет
на грустную луну одинокая несчастная собака.

Ах, лягушка!

Ах, лягушка!

В зарослях зеленого тростника и мисканта

Лягушка раздувает белое брюшко.

В сумраке посреди заполненного дождем сада

«Ква-ква-ква-ква!» — выкликает звонко лягушка.

Темная земля иссечена струями ливня.

В этот вечер неистовы дождь и ветер,

а в холодной траве,

довольная жизнью, дух переводит лягушка,

«Ква-ква-ква-ква!» — выкликающая лягушка.

Ах, лягушка!

Не тебе ли отдал я сердце?

С фонарем в руке

я смотрел на темные лики сада,

с усталой душой

смотрел на дождь, траву и деревья...

Одиночество

У белесой обочины проселочной дороги

душа, как усталая лошадь, взирает

на травинку, высохшую под солнцем,

на травинку, что так одиноко, печально

колышется, дрожит и клонится долу.

О ты, стоящая на солнцепеке

посреди пустынного проселка

одиночества моего душа живая,

что высматриваешь? чего взыскуешь?

По физиономии пыльного унылого ландшафта

скупо стекают слезы...

Синяя кошка

Как хорошо — любить этот прекрасный город!
Как хорошо — любить его архитектуру!
Как хорошо, в этот город приехав,
идти по людной панели
в жажде обладать всеми его прелестными женщинами,
всеми заманчивыми постами и должностями!
Аллеи вишен вдоль улиц —
разве бесчисленные воробьи не щебечут
в ветвях деревьев?

Ах, в эту ночь во всем огромном городе
спит одна лишь тень синей кошки,
тень кошки, повествующая печальную историю
человечества,
синяя тень счастья, к которому я всегда
так стремился...

Одержимый этим виденьем,
я, наверное, люблю Токио и сегодня,
когда с неба падают хлопья мокрого снега,
но интересно, какие сны видит сегодня нищий,
тот, что мерзнет, прикорнув у стены на задворках?..

Печальные вишни

Смутная печаль!
Словно пряный аромат цветущей вишни,
она подсвечивает изнутри
пыльный белесый воздух вокруг дома...

Отчаянный побег

Мы, беглецы, отчаяньем гонимы.
Сделав пролом в неприступной стене, бежали мы
из темницы.

Когда в кровавом ослеплении бунта
мы вырвались наконец на волю,
наши стражи трепетали, как листья под ветром.

И вот мы бежим куда-то
из далеких краев, где бушует вьюга,
где небо озарено полярным сияньем,
пробираемся крадучись, как лисы.
Повсюду встречают нас невзгоды,
мглистое небо, ревущий ветер...

В этом бегстве мелькали перед нами
обширные луга, моря и озера,
горные хребты, города, селенья,
заводы, казармы, рудники, больницы.

В этом бегстве ждали нас неласковые стихии,
неприветливые, озлобленные взгляды.

Мы бежим.
Наш отчаянный побег безнадежен —
все равно нам не уйти от закона.

Мы, отпетые, не веруем в бога,
не во что нам верить!

Мы, беглецы, отчаяньем гонимы.
Мы бежим,
бежим
из дикого холодного края,
от городов,

от заводов,
от жизни
и от самой судьбы.
Да! От судьбы убегаем...

Солнце меркнет.
Сжимает тиски погоня.
Мы обессиленные бунтари, загнанные в угол.
Нам осталась лишь скверна мрачного пессимизма,
нигилизма и позорного унынья.

Нам спасенья нигде не найти — повсюду
мы, беглецы, отчаяньем гонимы!

Унылая синяя кошка

Вот она, одинокая синяя кошка.
Ива склонилась под ветром.
Над кладбищем месяц восходит...

Тайна увиденного во сне
сада при заброшенном доме

В саду опустевшего дома растут во множестве сосны,
мушмула, персик, подокарп, камелия *, вишня.
Пышные деревья простирают густые ветви,
а под сенью тесно сплетенных ветвей ютятся
буйно проросшие здесь цветы и травы —
папоротник, орляк *, щитовник, росянка
стелятся по земле, ползут и теснят друг друга.
О, бытие этой зелени!
Кипучая жизнь растений!
Сад опустевшего дома всегда затенен листвою,
сокрыт в полумраке.

Слышно лишь, как тихонько ручей бормочет,
ночью и днем журчит однозвучно, печально.
Близ заваленного плетня бессмысленно копошатся
слизняки, змеи, ящерицы, лягушки.
И над этим таинственным уединенным миром
месяц разливает бледное сиянье,
сквозь толщу ветвей тускло мерцает.
Сердце в думах о наступающей ночи
охвачено неуловимой грустью.
Сердце мое, к плетню прислонившись,
неистово наигрывает на флейте.
О, эта загадочная жизнь, хранящая столько секретов!
Мир нагромождения причудливых форм,
бесконечно прекрасных теней!
В лунном свете всплывают папоротник, орляк,
сосновые лапы.
Эта жизнь слизняков, ящериц, змей
и прочих бесчувственных тварей.
О неразрешимая загадка, томительная тайна
призрачного сада, снов моих наважденья!..

Мрачный берег

На берегу реки
тростник и камыш шелестят чуть слышно.
Унылая трава —
дикорастущие острые маленькие листочки.
Закрываю глаза,
жую корешок травинки,
горький сок ее на языке ощущая,
тоскливую горечь...
Нет, и вправду, здесь не место надежде.
Жизнь — бессмысленных горестей череда, и только...

Сезон дождей,
бесконечная вереница набухших капель.
Но вот снова дождь! Дождь! Дождь!
О, эти причудливые травы,
эти печальные насекомые —
они ползают вокруг, ползают по берегу,
такие угрюмые...
Что там на берегу, мокром от ливня?
Может быть, это похороны сияющей жизни?
Или то блуждает недужная тень лучезарного Духа?
Заросли прибрежной травы, гниенье в плавнях,
резкий запах блестящей от дождя древесины...

Несчастный уличный фонарь

Хлещет ливень.
Одинокий фонарь на улице мокнет.
Убогая конструкция покосилась и завалилась набок.
В этой воющей мгле, стенающей, дымной, туманной
белый призрак чьей-то судьбы блуждает
в наглухо запахнутом макинтоше.
Словно жалкий, облезлый коршун,
смотрит он на сизые деревья, сочащиеся влагой,
дрожащие под дождем и ветром
напротив окон какого-то дома.

Листья деревьев поманили его бесчисленными пальцами
и открыли перед ним в грустном дождливом ландшафте
нечто непристойное, ледящее душу.
Он до нитки промок —
тень, плоть, жизнь насквозь пропитались уныньем.

Круговорот бытия, переселение душ

Словно адские жернова, что вертят
со скрежетом черти,
зимние дни тоскливо катятся друг за другом.
Птицы переселившихся душ в тени песчаных равнин
погибли.

Что ж, пока длится угрюмая эта пора,
попробую взгромоздиться на призрачного верблюда
и отправиться в грустное странствие, покачиваясь
меж горбами.

Есть ли еще где на свете край столь убогий и дикий?
Толпы престарелых нищих
плетутся за караваном,
словно стервятники, поджидающие добычу.
Грязные черви в этом мире скверны
на выжженной земле копошатся.

О жалкое зрелище!

Повсюду цветы на вытянутых шейках
колышутся чуть заметно.

Не о чем думать... Вот так и вечер настанет...

Ушедшие из жизни от любви и одиночества,

Угасают отчетливые образы,

остаются смутные видения.

Куда смотрит петух на флюгере?

На земляном отвале, по которому зимние дни

катятся со скрипом и скрежетом,

ветер кружит опавшие листья сорго.

В коляске

По дороге в коляске
я задремал незаметно.

О прекрасная!

Не тревожь моего забвенья.

Сердца собак сжимаются и бледнеют.
Долго воют они в ночных тенях на дороге:
«У-оо-у, у-аа-у, у-уу!»

- Мама, собаки больные?
- Нет, сынок, собаки голодные.

Песня для мух

Далеко ли уже шагнула весна?
По округе плывет аромат расцветающей вишни.
Детские голоса звенят на холмах и в долинах.
Белые облака висят над горным кряжем.

И вот в сердце моем закипают слезы.
Сердце мое скорбит.
Сердце мое ловит солнечные блики,
сиянье детства, озарившее сумрак жизни.
Одиночество растет — разгорается все ярче
заревом страшной тоски и отчаянья.

В уединенной комнате сидя,
любуюсь догорающим в душе закатом —
и мне становится грустно жить на свете.
Я немощен, как сонная зимняя муха.
Жизнь моя бессильно, бесцельно влечется.
В угасающих отсветах весеннего солнца
жизнь моя, притулившись на оконном переплете,
слушает плач сирот, хор несчастных созданий...

Из цикла

«Дорогой персика и сливы»

Дорогой персика и сливы

*Из воображаемых диалогов с Лаоцзы **

О премудрый святой! Твоему Пути я хочу причаститься!
Далеко еще до цветущих садов селенья,
но в тумане уже слышны голоса петухов,
телят мычание.

О премудрый святой! Поведай мне свою Правду!
Абрикосы в цвету. Пасмурная погода.
Из дому уйдя, какую науку познал я?
Юность растрочена впустую.
Любовь, слава, мечты на ивовом плетне высохли
и увяли.

О премудрый святой!
Солнце еще высоко стоит над проселком.
Издаലെка от деревни к деревне несется
песня девушек, сидящих за ткацким станом.
О премудрый святой!
Почему мне Путь не укажешь?
Может быть, ты молчишь средь призрачных
смутных видений

в этом щедром краю цветущего персика и сливы
оттого, что всегда устремлен к сокровенной сути,
в глубину сознания, что не передать словами.
В полдень ты, должно быть, приходишь в деревню,
присаживаешься на кухне в крестьянском доме...
О премудрый святой! Твой путь одинок и печален.
Мы расстались — никогда уж, наверно,
мне шагов твоих вдалеке не услышать.
Скорбь моя велика, но в горькую эту годину
мне из жизни уйти еще не дано, о Учитель!

У почтового окошка

У почтового окошка примостившись,
я письмо на родину сочиняю.
В своих отрепьях похожий на облезлую ворону,
в башмаках, стоптанных, как загубленная доля.
Трубы дымят в небе...
Вот и сегодня опять не найти работы.
Отец,
что осталось от человеческой жизни?!
Безо всякой надежды, тоскливо
нищенский свой кошелек открываю.
Жизнь, разменянная на медяки,
звякает о камни.
Ах, родные края,
мой старый, добрый отец,
простите!

Что ж, знакомой унылой дорогой вдоль мола,
спотыкаясь, в порт побреду,
свободный, как ветер...

Жизнь!

Издалека вдруг донесся
протяжный рев отплывающего парохода...

Из книги

«Сентиментальные лирические миниатюры»

В путешествии

Хорошо бы во Францию поехать,
Только Франция — это далековато.
Что ж, раз так, надену новую куртку,
Выберу маршрут по душе — и в дорогу!

Поезд будет медленно ползти через горы,
А я, прислонившись к водянистому окошку,
В одиночестве помечтаю о приятном,
Сердцем погружаясь в майские рассветы,
В вешние травы...

Цветы и птицы *

Дни цветов и птиц пришли наконец-то.
Щедро сияет на небосводе солнце.
В городе на деревьях набухли почки.
Сердце мое — рыбачья лодка,
что скользит по волнам, удаляясь от побережья,
залитая полуденными лучами.
Руку окуни — прохладная влага
ласкова, как объятия ребенка.

В пору вешнего пробужденья природы
отправляюсь бродить по городским кварталам.
Всюду на деревьях — цветы и птицы.

Из цикла

«Стихи, написанные при созерцании пейзажей родного края»

Река Хиросэ

Текут и текут светлые воды Хиросэ.
Время течет, растворяются в нем виденья.
На удочку жизнь поймать напрасно стараюсь,
С берега реки промчавшихся дней забрасываю леску,
но счастье мое давно унесло теченьем —
даже мелкой рыбешки, увы, не видно...

Поселок Саикава

Горные кряжи, сверкающие под небом.
Белые снега, буйные метели.
На дорогах оседающие, влажные сугробы —
ни пройти, ни проехать.
Будто бы с пожарной каланчи вижу
сумрачный родной мой поселок.
Над воротами домов к Новому году
раньше времени подвешены сосновые ветви *.
Вдалеке за поселком — городок Акаги.
Окна домов, обращенные на север,
занавешены слоем копоти и сажи.
Солнце тихо клонится к закату.
Груженные телеги разъезжаются на перекрестке.

Миядзава Кэндзи

Из книги

«Весна и Асура *»

Весна и Асура

Из серой стали фантазии прорастая,
побеги акэбии тянутся к небу,
облака обвивают.

Дикие розы, торфяные болота, топи...

Повсюду, о да, повсюду признаки надменности
и гордыни.

(К вечеру под шум ветра в соснах
сгустки янтарной смолы сыплются градом,
чаще и яростнее, чем прежде.)

О, как горек гнев, как иссиня-черна ярость!

В воздухе апреля, в прозрачных слоях атмосферы
я мечусь, я плююсь, я скрежещу зубами —
воплощенный Асура!

(Вижу сквозь слезы колышущиеся ландшафты.)
Взвихренные облака протянулись до горизонта.
В изобильном бескрайнем небесном океане
веет хрустальный священный ветер.
Темные стволы апрельских кипарисов
впитывают волны эфира.
У подножья их белеют снегами
маленькие вершины Тяньшаня.

(Белые полюса, прозрачные волны.)
Слово Истины * утрачено безвозвратно.
Рваные облака плывут по небу,
И под этим ясным небом апреля
я мечусь, я горю, я скрежещу зубами —
воплощенный Асура.

(Халцедоновые облака в вышине проплывают.
Весенняя птица поет — где ты?..)
Солнце отсвечивает лазурью.
Асура и лес — музыка их едина.
Из нависшего ослепительно прозрачного небосвода
стаи облаков исходят знаменьем бедствий.

Печально простертые к небу ветви,
раздвоившиеся пейзажи,
замершее в беспамятстве дерево — с макушки
вспорхнула ворона.

(Все прозрачней, все чище воздух.
Кипарисы безмолвно тянутся к небу.)
Что-то движется на золотистом лугу в отдаленье,
постепенно принимая человеческий облик —
крестьянин в одежде рваной на меня смотрит,
но видит ли он меня, я не знаю.

В ослепительном океане земной атмосферы
(все мрачнее скорбь, унынье все глубже)

кипарисы вершинами тихо качают.

Снова птица рассекает синее небо.

(Слово Истины утрачено безвозвратно.

Слезы Асуры падают на землю.)

Вновь вдыхаю низко нависшее небо —

немного белизны остается в легких.

(Плоть моя, на мириады частиц в небе развейся!)

Вдалеке блестит листва дерева гинкго.

Темнеют ряды кипарисов.

Проливаются зарницами тучи.

Облачный сигнал

Ах, хорошо! Право, даже дух захватило!

Ветер дует.

Сверкают в полях мотыги.

И отвесный утес,

и старый храм на утесе,

и колокол в храме —

все застыло во времени, оцепенело,

погрузилось в дрему.

В этот час

высоко в весеннем небе

облака уже вывесили сигнальные флаги —

бело-синий сигнал,

запрет на влечения и соблазны.

Горы задумчивы.

Нынче вечером, конечно же, прилетят гуси

ночевать на ветвях вон тех четырех криптомерий.

О танцоры деревни Харатаи!

Выплесните все, что волнами вздымает молодую грудь,
распирает сердце!

Выплесните на лишения и беды этой маленькой горной
деревушки!

Подставляйте смелее ваши крепкие, лоснящиеся щеки
Ветру и солнцу высокогорья!

О друзья мои, воздушные потоки,
Влекущие кору смоковницы и священную веревку *,
Порождение витающего в синеве влажного эфира,
Соберите же в себе всю скорбь дубов и буков,
На горе Дзямон вспыхните кострами,
Всколыхните локоны ветвистых кипарисов! *
В небе, пахнущем цветами айвы,
Новую галактику зажгите!

Да-да-ско-да-да!

Вы, премудрые старцы, копившие годы в трудах
и заботах,

С тела, как сгнившую кору, соскабливая кожу,
Мышцы и кости обжигавшие углекислотой,
Жившие в вечной тревоге из-за солнца и ветра!
В эту ночь праздник Серебряной реки * и леса.
Бейте же сильнее в барабаны,
Оглушая тусклую луну за облаками,
Так, чтоб слышно было на другом конце долины.

Хо! Хо! Хо!

«Давным-давно князь Дурных дорог,
Грозный повелитель скалистых гор,
Бог сновидений и темных ночей,
Головы отрубал тем, кто хотел
Пробраться через черную пещеру в два ри длиной,
Головы отрубал и в бочке солил...» *

Эй, раскачивайте кострами туманность Андромеды!

О, это красочное шествие синих масок!

Блеск обнаженных мечей над головами!

Пляска пауков в недрах ночного ветра!
Всем нутром откликаются они на дробь барабанов:

Да-да-да-да-да-ско-да-да!

Скрещивайте клинки!

Богов и демонов ночи созывайте сюда!

Эй, люди! Гляньте, как дрожат от топота дерева,
С ветвей роняя росные капли.

Землю овейте красными воинскими плащами!

Вознесите моления туче, град приносящей!

Да-да-да-дахх!

Налетает ветер ночной на кипарисы.

Луна — колчан, извергающий серебряные стрелы.

Звон скрещенных мечей — жизнь вспыхивает, как искра.

Мечи развели — искра угасла.

Да-да-да-да-да-ско-да-да!

Сшибаются мечи, как метелки мисканта

Сталкиваются при вспышках молний.

Огненный дождь, в созвездии Льва опадая,

Без следа исчезает в небесных просторах.

Ударить, высечь искру клинком и вновь отпрянуть —

Вот смысл жизни!

Да-да-да-да-да-ско-да-да!

Дым

В верховьях реки
стоит кирпичный заводик.

Дым из трубы
тянется к облачному небу.

У подножья трубы река распростерла
пересохшее белое каменистое ложе,
где два лета подряд со своими учениками
я отлично проводил время,
отыскивая окаменевшие стволы грецкого ореха,
извлекая из мутного шумного потока

камни с отпечатками следов ископаемых животных.
А сейчас со всех сторон нависли темные горы.
Как-то раз заводик сгорел до основания...
А сейчас над трубой вьется черная струйка дыма
и вливается в облака, заполнившие небо.
Небо стального цвета на горизонте,
постепенно сжимаясь, становится меньше и меньше...

Лошадь

День-деньской лошадь работала в поле,
понемногу загнивая, как картофельный клубень.
В голове у нее шумело,
на гриве, переливаясь в закатном сиянье,
повисли соляные кристаллики пота.
«Хруп-хруп-хруп-хруп», — она устало жевала
листочки мелкого бамбука на краю поля.
А потом пришел синий вечер.
Лошадь наконец вернулась в стойло
и там, будто бы наткнувшись
на высоковольтный провод,
вдруг заржала отчаянно, дико...
На следующий день лошадь уже остыла.
Люди выкопали большую яму
за сосновой рощей,
подогнули четыре лошадиных ноги,
опустили тушу,
на бессильно упавшую лошадиную голову
бросили по горсти земли,
всплакнули...

Бык

Азиатский бык
играет, поддевая рогами
траву, белые клочья испарений.
Позади него целлюлозная фабрика, залитая светом.
Пышут огнем тучи в вечернем небе.
За невысокой полоской дюн
рокошет море.
Медно-желтый отблеск луны заполнил округу —
хочется вычерпать до дна и выпить.
Быку явно не нравятся машины,
он бодает фабричную ограду.

Лепестки кармы *

Теплый воздух ночи печально смешался с ветром.
Лес чернеет — застывшие сосны, ивы.
Небо полнится черными лепестками кармы.
По порядку занес имена богов в список —
и от лютого холода не могу унять дрожь...

Призрачные картины путешествия

По следам неудачных уловов и кораблекрушений
я шел вдоль берега моря...
В одиночку одолев горные перевалы
и равнины, поросшие буйным мискантом,
наконец я добрался до этих мест
и прилег отдохнуть у речки
на песке, озаренном бледными лучами солнца.
Спина и плечи страшно озябли.
В глубине души смутная тревога —
то же странное чувство, что вдруг появилось
там, на Кэйханган, на последнем перевале.

Вот и выгон за деревянной оградой.
Дубовые створки ворот
распахиваю пошире —
они, оказывается, не были закрыты
с самого моего ухода.
Позабыл — видно, слишком торопился.
О студеное небо в солнечном сиянье!
Перед взором встает каштан,
приютивший меня прошлой ночью,
и не только это...
Над рекой плывут облака — слоистые громады.
Громкий крик
большой неведомой птицы,
что скрывается в кружеве листвы,
озаренной холодным светом...

Сосновые иглы *

Как красива эта сосновая ветка!
Только что я стряхнул с нее хлопья мокрого снега —
и вот ты порывисто ее схватила,
горячими щеками прижалась к зеленым иглам,
не боясь уколотся, жадно, до боли
зарываешься лицом в вечнозеленую хвою.
Удивительно и прекрасно!

Ты ведь так давно хотела в лесную чашу,
когда сгорала в жару,
когда от боли стонала, обливаясь потом...

Я и раньше, на славу поработав в солнечный полдень,
иногда в раздумье забредал под сень сосновой рощи.

(Благодарить! Откровенно говоря, я прошелся
из конца в конец по всему нашему лесу.)

Словно белка, словно вольная птица,
ты томилась, о лесах тоскуя.

Ты мне так завидовала, должно быть!

Ах, сестричка! Ты в далекий край сегодня
уйдешь навеки.
Неужели и впрямь ты уйдешь одна,
без родных и близких?
Попроси же меня: «Пойдем со мною!»
О, скажи мне так, попроси меня так сквозь слезы!

Но как прелестны сегодня твои щеки, сестричка!
Эту свежую сосновую ветвь положу я
на зеленоватую москитную сетку.
Вот сейчас начнут с нее падать капли.
Погляди!
Какая пышная ветка!
От нее чуть-чуть пахнет скипидаром...

Opus № 1004 *

Целый день сегодня шел снег, жизнерадостный, светлый,
а после полудня
я увидел глубокие следы вокруг дома.
Следы были необычайно большие.
Я говорил себе: это пришел меня проведать
ты, от которого так давно не было писем.
Но затем я услышал шаги,
грузные и тяжелые,
совершенно не похожие на твои шаги,
и на наши с тобою шаги тоже.
Снег, густо облепивший кроны деревьев,
падал рыхлыми комьями на снег, устилавший землю...

Opus № 1008

Да, я знаю, вам приходится копать землю
и приходится порой голодать подолгу.
Оттого-то, наверное, вы — это вы, а мы —
это мы, не так ли?

...Тусклое мерцание метели над горами...
Сколько раз такие слова я слышал,
и вот слышу снова.
Что ж, ведь так оно и есть на самом деле,
и никак иначе быть не может.
...Лес в огненном вьюжном ореоле...
С этими простыми словами
соглашаться я не устану,
даже канув на самое дно безумия и болезни!

Opus № 1071

С этой женщиной
мы год прожили вместе.
Щеки ее покрывала матовая бледность,
а глаза смотрели так, будто постоянно
созерцали неведомые загадочные виденья.
Однажды утром в то памятное лето
на мосту в предместье мне повстречалась девчущка.
Из деревни она несла корзину цветов на продажу —
цветы были необычайно красивы.
Уплатив двадцать сэн, я купил весь букет
и домой вернулся.
Жена поместила цветы в аквариум из-под рыбок
и снесла их в лавку — авось кто-нибудь купит.
Вечером, когда я пришел с работы,
жена взглянула на меня со странной улыбкой.
На столе я увидел всевозможные фрукты
и праздничные белые фарфоровые тарелки.
На вопрос, по какому случаю праздник,
она ответила, что после полудня
те цветы купили за целых две йены.
 ...И была синяя ночь
 со звездами и ветром,
 с бамбуковой шторой,
 с огнем в очаге, завораживающим душу...

В ту же зиму жена,
будто сама собою,
будто вовсе не от забот и житейских тягот,
разом сникла, увяла, точно надломилась —
захворала вдруг и умерла в одночасье...

Дорога через огороды

Тающий иней
щедро украсил метелки травы у дороги,
дочиста отмыл тележные колеса.

«Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь», — позванивают кусты
и деревья.

Падают, падают с ветвей тяжелые холодные капли.
Застывая в крупных ледяных сгустках,
роса растекается по солнечной равнине,
будто следы от гигантского столба пара,
что, как пламя, из реки взметнулся.

В горле сильно хрипит.
От этого натужного хрипа
хочется выпить чего-нибудь покрепче,
хочется поесть пареной картошки...
Сердца стариков
еще там, в городских кварталах —
овощи распродав,
они вернулись
к огородам своим на косогоре.

Заметки для памяти

Обогнул угол дома, за околицу вышел —
два тополя в цвету стоят одиноко.
Несколько пушистых гроздей

с ветвей безмолвно свисают,
в синеве небес покачиваясь под облачными льдами.
Увядшая трава на редкость темна, уныла.
Ручеек цвета ртути —
словно картинка на лакированном подносе.
Кустарник в излучинах затуманен дымкой.
Сейчас где-то там, за сизыми полями,
директор школы, наверное,
закончил подстригать бородку
и улегся в постель, вытянув ноги.
Проповедник господин Сирафудзи *,
от вечерней проповеди уставший,
должно быть, перед сном сидит с чашкой чаю.
А может быть, все это было вчера вечером?
Может быть, сейчас директор встает с важным видом
и садится писать отчет по школе,
а преподобный Симадзи Тайто,
знаменитый законоучитель,
идет через луг, торопясь на первый утренний поезд.
А может быть, дело происходит ночью,
что можно предположить, взглянув на тень моей шляпы.
Серп луны будто острым грифелем прорисован на небе.
Бледный ветер доносит аромат периллы *.
Месяц — словно клубничный усик.
Серебряный серп, в воде и в моем глазу сверкая,
перемещается по небосклону.
В излучине ручья мой сосед Такити
весь день косил сено
и, наверно, на обратном пути обронил охапку —
то-то небо так поблекло и выцвело в середине.
Странный кисловатый вкус ветра...
Ветер... Иудино дерево со спутанными ветвями.
Перистые облака над пустынным полем,
загадочные белые полосы.
Я роняю карандаш, как слива спелый свой плод роняет,
и безмолвно сливаюсь с ветром.

Дуновенье ветра, пахнушего укропом...
Чьи-то останки... синева... колокол в отдаленье...
Долго ли я проспал?
Синяя звезда одинока, прекрасна, прозрачна.
Облака словно плавают в растопленном воске.
Палые листья — как перья из хвостов птичьих.
Я отчего-то дрожу, будто лист тополиный...

Заповеди, запрещающие алчность и похоть

Как было бы хорошо
нацепить плащ из промасленной бумаги,
вскарabкаться на мокрую лошаденку
и медленно двинуться через холодную равнину,
через темный лес, через пологие бугристые холмы
по неровной дороге меж высоких метелок мисканта.
Неплохая идея —
раскрыв над собой черный зонтик,
поехать в город купить сахарного песку.

(Пищат, гомонят синицы, пищат, гомонят!)

Поросль жесткой остроконечной травы — всходы риса,
такого сочного салатого цвета,
что ему позавидовал бы сам Тёрнер *.
Если верить преподобному Дзиуну *,
эти ростки суть воплощение благих заповедей Будды.

(Пищат, гомонят синицы, пищат, гомонят!)

В прошлом праздные аристократы,
ныне достойные доверия управители.

Сероватые отсветы огней
над черной горой, извергающей унылое одиночество.
И они тоже, если верить преподобному Дзиуну,
суть воплощение благих заповедей Будды...

Уборка проса

Некоторое время, шурясь, они смотрят на закатное солнце,
затем вновь деловито склоняются и вяжут —
вяжут в снопы скошенное просо.

Рядом смеются ребятишки.

Женщины, усердствуя, как и мужчины,

появляются и вновь исчезают

в поле цвета старинного золотого слитка.

...Склон горы в белом пламени цветущего мисканта.

Затем они неожиданно приседают

и, будто перебирая струны огромной цитры,

начинают серпами жать рыжие стебли проса,

потемневшие, забрызганные грязью.

(Кабэиин-и! Нарайин-и!)

...Так красивы метелки мисканта —

не нарадуются ребятишки!

По краям поля, поросшего грязновато-бурым просом,

ладно и споро трудятся люди.

Цветы спорыша колышутся на ветру.

Завиваются плывущие с запада облака.

Женщины тоже старательно плавают, гребут руками,

в этом темном закатном потоке.

...Выводок сорокопутов нырнул в мискант,

выводок сорокопутов вынырнул из мисканта.

Будто обнимая кого-то, будто перебирая струны,

они жнут и жнут, продвигаясь все дальше.

Бурые, рыжие, золотистые стебли проса...

...вдали по кромке поля

маслянистая полоска конопли отсвечивает глянец.

(Ге-генно-но! Ге-генно-но!)

...а вот еще стайка ребятишек —

притащили на улицу доску

и прыгают через нее, припевая.

На другом конце поля детвора уже скрылась из виду,
исчезла где-то в вечерней заре и ветре...

Хозяин поля

Через прибитые дождем рисовые всходы,
через заросли мисканта,
через заливные поля, отливающие белизною,
под темным скопищем туч, что чревато громом,
я пришел к тебе, о Хозяин!

Чинно ноги поджав, ты сидишь на веранде,
слушая движение земли и неба.
Семьдесят лет изо дня в день
на рассвете и на закате
ты косил траву (накошены, верно, горы).
Даже зимой ты носил простое домотканое платье,
И вот теперь,
как ствол корявой сосны, спина твоя согбенна,
загрубевшие пальцы будто скрючены морозом.
Лоб твой бороздами морщин прочерчен —
их оставили вёдро и дождь,

заботы крестьянской жизни.

Глубоко запавшие глаза — словно две пещеры.
Никаких изменений, будь то на земле или в небе,
ты не пропустишь, я знаю.
Перемещение воздушных волн,
для знаков необходимых,
в горле твоём клокочет неясной речью,
будто заветные слова самого ветра.

Всё судили, рядили, составляли тысячи планов,
как добиться богатого урожая —
и вот настало время цветенья риса,
но жестокий ливень, хлеставший четверо суток,
да еще гроза, разразившаяся сегодня утром,
повалили, прибили к земле тонкие стебли.

Думаю, что завтра или послезавтра,
если только солнце хорошенько пригреет,
рис поднимется, и мы непременно
соберем урожай, которого ожидали,

а если нет, то всем деревням в округе
предстоит пережить еще одну суровую зиму.
Я знаю, слова бессильны против дождя и грома —
потому и стою в безмолвье.
Над ивняком, над сосновой рошей
вьются обрывки грозовой тучи.
Серая вода переполнила узкую речушку,
берега которой столько раз укрепляли крестьяне.
При всем том на лице твоём,
просветленном и безмятежном,
не найти и следа той бездонной страшной тревоги,
что увидел я в позапрошлом году летом,
когда ты глядел в дышащее засухой небо...
У тебя запасшись уверенностью, я снова
отправлюсь навестить обитателей деревни,
и уже уходя, на челе твоём подмечаю
миглетное облачко сомнения, беспокойства,
облачко, растаявшее в то же мгновенье —
я не знаю, что оно означает,
но поверь, почтенный Хозяин поля,
что во мне сомневаться нет у тебя причины.
Пусть подчас слишком скудны мои познания,
пусть тебе я кажусь беспечным, как птица,
приглядишься ко мне, посмотри мне в глаза, Хозяин,
ко всему моему существу прислушайся получше!
На мне белый полотняный пиджак и брюки,
в руках прохудившийся шелковый зонтик,
но душой я тверд и свято чту веру предков.
Будду и бодхисаттв моля о благословенье,
до конца моих дней сутре Лотоса * верен буду —
тем благим заветам главы «О продленье жизни»,
что ты сам повторяешь каждое божье утро.
О, внимли же, дорогой мой Хозяин поля!
Слышишь дальний гром небесного барабана?
Чистый свет струится с лазурных высей.
Я безмолвно кланяюсь на пороге, с тобой прощаясь.

Ветер пришел, наполняя долину

Чу! С юга, с юго-запада нынче
ветер пришел, наполняя долину,
осушив мою рубашку, мокрую от пота,
охлаждая глаза и лоб мой горячий,
взволновав поле колосящегося риса,
с колосков стряхнув темные дождевые капли,
ветер пришел, наполняя долину.

Крестьяне потрудились на славу,
вырастили рис, предвещавший щедрую осень,
но в августе со второй декады
двенадцать раз вставали багровые зори,
шесть дней держалась девяностопроцентная влажность.
Стебли риса ослабли, истончились,
и, хотя цветы все же появились на всходах,
их легко прибил жестокий вчерашний ливень.
Вот над этим полем вчера висела
траурная холодная пелена ливня.

Но сегодня уже позади все невзгоды,
наши неожиданные беды и злключения.
Несмотря ни на что колосья риса
благодаря небольшим хитростям в обработке рассады,
благодаря использованию фосфатных удобрений
сегодня снова поднялись рядами на поле.

Я знал, что так будет.
Я искал тебя, хотел сказать,
что все в порядке,
но ты куда-то исчезла.

Ливень хлестал и хлестал все сильнее,
затопив поля, наводняя землю.

Не осталось вокруг ни клочка суши.
Под дождем я побежал к телефону,
дозвонился в бюро прогнозов,
потом ходил от деревни к деревне,
все искал тебя — но напрасно.

Домой вернулся уже поздно ночью
при ужасных раскатах грома
и вспышках молний.

Так и не уснул...

А сейчас — погляди, какое дивное утро!

На востоке будто цветет золотая роза.

Как сигнальные флажки, облака колышутся в небе.

Высоковольтные провода гудят ровно и мощно.

Улетучиваются клубы тумана.

Выпрямились рисовые стебли —

точно живые

или, может быть, как точнейшие механизмы.

Вот они стоят, так прямо и гордо,

истомившиеся от долгого ожидания,

и сверкают маленькими белыми цветами.

Над застывшими янтарными лугами,

отражающими солнце,

скользят стрекозы.

Всем нам сейчас в пору плясать, как детям,

да-да, плясать, но и этого мало!

Если рис опять под дождем поляжет,

он поднимется снова, я знаю,

коли уж поднялся после такого потопа!

Все крестьяне окрестных деревень получат

верных полтора центнера с акра.

Из-за леса, с далекого горизонта,

из-за синих вершин давно погасших вулканов

на заливные поля приходит ветер,

и, под солнцем сверкая, трепещет листва каштана.

О влажная свежесть испарений!

О невидимый ток соков в стеблях!

Посреди рисового поля на равнине,

где шуршат распрямившиеся колосья,

мы должны танцевать, как невинные древние боги,

мы должны танцевать, танцевать,

но и этого мало!

Гравюры укиё-э *

Клей и немного квасцов...

микроскопически точная
тончайшая работа.

Соединить нежные белые фибры,
кое-что прибавить, убавить, подуть тихонько,
обязательно учесть температуру и влажность.

Вот он, хрупкий, расцвеченный красками
прямоугольник.

Условные контуры полуобнаженных красавиц,
их тела, белоснежные, матовые,
цвета слоновой кости.

Девять цветов,
перенесенных с клише на бумагу.

Смещается цвет —
фигуры блекнут, постепенно тают.

Взгляните на эти лица — им уже несколько столетий.

Щеки, тронутые нетленной улыбкой,
Глаза, отразившие преходящие страсти.

В квадратном зале,
в доме под бурой черепичной крышей
на стенах, затянутых коричневой тканью,
гравюры — словно множество окон,
словно глаза в огромных четырехмерных орбитах.

Цвет Японской империи, элегантные дамы и кавалеры,
с утонченными обычаями, изысканными суевериями,
они прогуливаются так сдержанно и несмело
на листках бумаги не более квадратного метра.

Очистительные Время и Пространство
погасили тот пожар вожделья,
что пылал в сердцах прелестных натурщиц.

Появившись на миг, они вновь уходят,
грациозные, с изящно подведенными бровями.
Преодолев разрыв во Времени и Пространстве,

мгновенье спустя возвращаются они на бумагу,
где, овеянные ароматом былых желаний,
снова будут гулять с равнодушным и гордым видом.
Зеленеет сочная трава на лужайках.
В полноводных реках отражаются легкие тучки.
Маленькие тории вдали краснеют.
Замерли ряды ветвистых криптомерий.

О, создатели божественной нации,
бессмертного народа!

Величайшие авторы повестей для подростков! *

Знойный воздух густ и тяжел.
Духоту навевает ветер.
Чувственная красавица с маленького пригорка
бросает фарфоровые чашечки в прудик:
одна, две, три — по воде, тягучей и желтой,
легкая рябь разбегается кругами.

Каждый круг на воде —
событие в этом маленьком мире.
Ослепительно-белое
облако отвечает воде и тихонько
проплывает над желтым холмом, испещренным
черными пятнами сосен.

О создатели этой необычайной атмосферы,
невинного, безгрешного мира...
Там тоже обмолачивают рис, ячмень и просо,
мелят муку ручными жерновами,
только там вода замерзает при — 50° по Фаренгейту,
снег там — хлопок, нанесенный ветром,
и пласты его оседают на ивах,
влекомые иной силой притяженья.
Летом дождь
льет и там с черного неба,
но скорлупки-лодочки движет не столько ветер,
сколько безудержное любопытство.
На воде колышутся лотосы, и под вечер

от движенья их лепестков дрожит потревоженный воздух —
словно слышится отзвук дальнего барабана.

Детство там очень скоро переходит
в озаренную рассветным сиянием юность.

Томные очи сверкают страстью,
в жилах струится пламя...

Алый фейерверк зажигается над рекою.

Алчущие уста — будто красная тунцовая мякоть.

Легкая бледность —
стыдливость ли ей причиной?

А может быть, просто тень или фактура бумаги?

Под дугой трехдневного месяца
в глазах, затуманенных наслаждением,
отражаются серые городские крыши.

Ветер налетает с черного неба.

Изгибаясь, трепещет под ветром ива —
трепет желанья...

Такахаси Синкити

Из книги

«Пропитание»

Ливень

Я видел, как ливень был ветром сбит и повержен.

Ноги дождя от робости заплетались.

Слабо искрились, мерцали светлые капли.

Дождь был застенчив — он стеснялся, как дева,
непорочная, чуждая скверны.

Я же блуждал меж зыбучих песков, от людей скрываясь,
намереваясь счета покончить с жизнью.

Дождь стучал по зонту, будто пробить пытался.

Автомобили в столице ночной мне казались
мыслящими одушевленными существами.

О ливень! О дева, чьи груди еще так незрелы!

Если огни в этом городе не погаснут,
в очи ее смотреть я буду не в силах...

Есть ли вообще какой-нибудь смысл в пушках?
В убийстве людей никакого смысла быть не может.
Однако можно ли это назвать фактом?
Да, это факт, потому-то в нем и нет смысла.
Факт есть происходящее на самом деле.
Нечто, подобное синему пламени углей.
Факт — это нечто, уже исчезнувшее. Так что же?
Какой смысл в исчезающем, преходящем?
Что может быть глупее попыток
докопаться до корней в поисках исчезнувших фактов?
Для чего живет лошадь?
Разве не бессмысленно, что лошадь рождает жеребенка?
Все относительно. Может быть, следует назвать это
случайностью?
Что ж, пожалуй, так оно и есть. Случайность!
Оттого, что так оно и есть, это можно выразить
в слове.
Но нет никакой необходимости в предметах
и действиях,
выраженных словом.
Вся их предметность — лишь случайные сгустки.
Эти феномены наделять смыслом так же нелепо и глупо,
как и сами слова наделять смыслом.
Какой смысл в том, что ночь наступила?
Какой смысл в том, что человек умирает?
Какой смысл в том, что идет снег?
Какой смысл в том, что цветы красивы?
Какой смысл в том, чтобы эти слова произнести
и записать?
Тем не менее все это реальные факты.
Есть ли здесь что-нибудь, не относящееся к фактам?
Всё только факты!
Из того факта, что все это факты, и проистекает
бессмысленность.
Бессмысленность неоспорима.
Бессмысленно то, что курица квохчет.

Бессмысленно то, что она высиживает яйца.
Бессмысленно летать на самолете.
Бессмысленно пытаться влиять на политику.
Какой во всем этом смысл для мертвеца?
А кто говорит, что есть смысл в живущих?
Все факты бессмысленны.
И жить также бессмысленно.
Бессмысленно, но, вы полагаете, любопытно?
То, что любопытно, — факт,
а ведь все факты бессмысленны...

Меня нет дома

Скажи, что меня нет дома.
Скажи, что здесь никого нет.
Я вернусь через полмиллиона лет.

Ракушки

Поскольку ничего нет,
то, если бы не было рожденья,
не было бы и смерти.

Раковины пусты.
Пахучую плоть моллюсков унесли волны.

Раковины
мокнут в лунном свете,
потом сохнут на солнце,
в песке дремлют.

Больше они не забеременеют морем.
Ни к чему они отношения не имеют.

Волны накатываются и отступают.
Вместе с ними исчезают ракушки...

Процессия душ

Сегодня на Токийском вокзале я видел отряд —
несколько десятков демобилизованных военных.
Они шли, взвалив на плечи свои нехитрые пожитки.
У них были бледные, бескровные, осунувшиеся лица.
«Не сон ли? Мы снова на родной земле!» —
должно быть, думали они.
«Какое счастье!» — должно быть, шептали они.
А может быть, они шептали что-то
о печали, ненависти
или о мечтах далекого прошлого...

Из книги

«Праздник Гион» *

Киёсиро

Половина моего лица обратилась в море.
Слушаю барабанчик, на котором играет гейша.

Я сижу на рогожной циновке —
на лбу инкрустация из лунного света.

Что же это такое?
Обливается потом шаровая молния цветка саса.

Прямо передо мной три старших офицера
лихо отплясывают чудной бесшабашный танец.

Солнце

На склоне горы жила змея.
Греясь на солнцепеке,
она нежилась в скалах.

Ветер подул,
всколыхнул воздух,
остудил то место, где было солнце.
Змея поудобней развернула свое длинное тело.
Это было пятьдесят тысяч лет назад.

Солнце светило
над камнями египетских пирамид.

Лучи того же самого солнца
сейчас припекают мою грудь.

Выщербленный ветрами камень
разрушается и гибнет.

Змея, высунув голову из-под каменного навеса,
хочет пожрать и уничтожить мои мысли.

Пурпурные палые листья устлали гравий.

Твое лицо на треугольники разделено солнцем.
Вы порождаете змей...
Зеленая листва над дорогой сочится влагой...

Бык и ледяной дождь

Когда я был быком,
на рогах у меня повисали нити ледяного дождя.
На кончике языка у быка выростала скала —
словно птица садилась на телевизионную антенну.

Ветер обволакивает своим дыханием земной шар —
что же тогда обволакивает космос?

Монахиня-католичка в белом чепце,
напоминающем бычье копыто.
Космос, пропущенный через бычьи ноздри...

Когда я был оленем,
икры мои обрастали осенней листвою.

Есть ли, нет ли — все едино.

Вещи не горизонтальны
и не вертикальны.

От дыхания приходит в движение космос.
В момент между входом и выходом бык исчезает,
превращаясь в оленя...

Каштан

Может быть, каштан это Будда?
А может быть, Бог?
Каштан — это и Будда, и Бог, и просто каштан.
Печально, что мы, люди, воспринимаем каштан,
чья сущность столь сложна и неоднозначна,
как самый обыкновенный каштан.
Вот откуда и возникает трагедия...

Из книги

«Воробей»

Позиция воробья

Воробей разделил день на две половины.
На той белой стене
отпечатались дрожащие тени многих полдней —
и полдень дня вчерашнего, и полдень
дня послезавтрашнего,
наслаиваясь, откладываяются на стене.
Полдни будущего года и года минувшего
впитались в нее неизгладимым изображением.

Космос понемногу движется
и роль воробья сводится к тому,
что он понемногу двигает космос.

Из книги

«Отец и мать»

Родные края

В конце концов, подобно сухому листу, что истлевает
у корней старого полусгнившего дерева,
хочу я вернуться в родные края.
Только там, на родине, хочу я умереть.
Предчувствую, что жить мне осталось совсем немного.
Женщина плачет, зовет меня во весь голос.
Какое лицо у нее? Не помню.
Ей, наверное, очень грустно. Она кричит снова и снова,
кричит, будто бы вся обратившись в голос.
О чем она? В этом протяжном крике
слышится укор земле, упрек небу. Тоскливый призыв
грудь женщины разрывает.
Эту женщину я хорошо знаю — единственную женщину,
которая все еще меня любит. Она зовет,
кричит изо всех сил, чтобы я услышал.
Нет, голоса ее я не слышу, но зато ощущаю зов сердца.
Призрачный смутный образ не исчезает,
стоит перед взором.

В моем родном городке, удаленном от моря,
вспоминая меня, женщина плачет.
Я надеюсь, она не умрет до моего возвращения.
Я бы очень хотел застать ее там, вернувшись.
Остаток дней своих я хочу провести с этой женщиной
в тихом провинциальном городке,

где даже колебание воздуха не потревожит
моего больного, немощного старческого тела.
Я хочу жить в мире и покое, днем и ночью раздумывая
о делах минувших, оплакивая пережитое.
К той забытой женщине я хочу вернуться.
Городок раскинулся на привольном лугу,
в четырех ри от моря.

Там течет большая река. Женщина плачет.
Днем работает, ночью из-за меня проливает слезы.
По моей вине эта женщина безутешна.
Год за годом проводит она в тоске и печали.
Не знаю, право, стою ли я ее слез,
пролитых в смертной муке.
Если я умру раньше, женщина та, должно быть,
тоже не сможет больше жить на свете.
Я не хочу умирать, на земле оставив
это скорбящее, любящее создание —
но пережив ее, в одиночестве скорбь лелеять
для меня еще страшней, еще горше.

Я готов завопить, от ужаса разрыдаться,
с отвращением думая о себе — о человеке,
который дожил до старости, не сделал
никому ничего хорошего в мире.
С этой женщиной хочу я доживать свои дни,
словно сухой лист, истлевающий под деревом, у корня...

Дождь и туман

Тихий дождь моросит туманным утром.
Подвывая, как призрак, проходит собака.

Чаю заварю, в одиночестве выпью.
На коленях клубочком свернулась кошка.

На земле, окропленной росой былых грез,
Посадил бамбук, камни расставил — и слушаю ветер.

А когда набегут облака и вечер настанет,
Я окно, что распахнуто в явь, закрою
и уйду в спальню...

Накахара Тюя

Из книги **«Песни Козерога»**

Снежная ночь

Падает снег, на синюю шляпу ложится.
Легких пальцев касанье? Шепот невнятный?
Кигахара Хакусю

Падает снег, на крышу отеля ложится.
Легких пальцев касанье? Шепот невнятный?
Дым над кирпичной трубой клубится, клубится,
Искры летят — в небе багровые пятна.

Мглой беспросветной затянута зимнее небо.
Кружатся хлопья, во мраке смутно белея.
О, как давно я с этой женщиной не был,
А кажется — снова я с нею...

Время нас разлучило с женщиной этой.
Уж не она ли? Будто скрипнула дверца?
Горечь сакэ — от чарки, в ладони согретой,
Тяжесть на сердце.

Горечь сакэ. Былое не возвратится.
Нет для любви, увы, дороги обратной.
Падает снег, на крышу отеля ложится.
Легких пальцев касанье? Шепот невнятный?
Дым над кирпичной трубой клубится, клубится.
Искры летят — в небе багровые пятна.

Смутная печаль

Смутную печаль мою, мутную печаль
Мелкий снег сегодня снова чуть припорошит.
Смутная печаль моя, мутная печаль —
Ветер вновь над ней сегодня тихо ворожит.

Смутная печаль моя, мутная печаль,
Словно шкурка чернобурки, хороша на вид.
Смутная печаль моя, мутная печаль
Снежной ночью замерзает, на ветру дрожит.

Смутная печаль моя, мутная печаль
Ничего не бережет, ничем не дорожит.
Смутная печаль моя, мутная печаль
Только смертью одержима, радостей бежит.

Смутная печаль моя, мутная печаль!
Страх меня не покидает, душу берedit.
Смутную печаль мою, мутную печаль
Киноварью на закате солнце озарит.

Годы детства

Солнце озаряло иссиня-черные камни.
Сад наш дремал в киноварном закатном сиянье.

Там, вдалеке, на равнине испаренья клубились,
Словно знаменье близкого конца света.

Ветер пшеницу низко клонил в поле.
Пепельным цветом отливали колосья.

По полю брели древние исполины —
От облаков плывущих ложились тени.

И в летний день, в пору после полудня,
Пренебрегая сном, уходил я в поле,
Бегал, резвился в лугах привольных, зеленых.

Я в надежду свою впивался губами, зубами,
Мир озирая доверчивым, жадным взором.
Жил я! О да, воистину жил я!

Хмельной ночлег

Утро. Светит опостылевшее солнце.
Дует ветер.
Тысячи ангелов играют в баскетбол.

Я глаза протираю. Тоскливое похмелье.
Ненужная жаровня покрыта белесым пеплом.

Утро. Светит опостылевшее солнце.
Дует ветер.
Тысячи ангелов играют в баскетбол...

Зимний рассвет

На черепичной крыше
остатки снега в слежавшихся комьях.
Пыльной дремой объятые ветви деревьев.
Зима, шесть часов утра.
Я тоже во власти дремы.

С чириканьем пролетела птица.
Пыльной дремой объят весь сад.
Растворился лес, исчезли дома в деревне.
Тоскливое запустение неба.
Сердце полно печалью...

Вот пробивается тусклое солнце.
Открывается синий краешек неба.
Там, в заоблачных далях
Стреляет из пушки Юпитер.
Тонут в дымке окрестные горы.
Деревенские дворы сладко зевают.
Улица приветствует небо.
Сердце полно печалью...

Песнь возмужания

I

Младенчество

Снег, осыпавший меня,
был подобен шелку.

Детство

Снег, осыпавший меня,
был сплошная мокрядь.

17—19 лет

Снег, осыпавший меня,
был крупе ледяной подобен.

20—22 года

Снег, осыпавший меня,
был подобен граду.

23 года

Снег, осыпавший меня,
был яростной вьюге подобен.

24 года

Снег, осыпавший меня,
стал тих и печален.

II

Снег, осыпавший меня,
был сродни лепесткам облетевшим.
Мирно трещали дрова.
Леденело хмурое небо.

Снег, осыпавший меня,
навевая воспоминанья,
таял на ладони.

Снег, осыпавший меня,
горячего лба касаясь,
стекал по щекам слезами.

Снег, осыпавший меня,
я благодарил и молился,
уповая дорасти до бога.

Снег, осыпавший меня,
белел чистотой первозданной...

Из книги

«Песни былых дней»

*Посвящается памяти моего покойного
сына Буня*

Июньский дождь

Мелкий дождь поутру опять зарядил надолго.
Цвета ирисов дождь — сизый, зеленоватый,
С женским вытянутым лицом, с влажными глазами.
То придет, то уйдет, то появится, то исчезнет.

Начинаясь затем, чтобы вновь прекратиться вскоре,
Все вокруг повергая в тоску и унынье,
То утихнет, а то опять над полями сеет,
Безнадежно, безрадостно, бесконечно сеет.

Барабаны бьют, звучат на улице флейты.
В воскресенье малыш на циновке мирно играет.

Барабаны бьют, звучат в отдаленье флейты.
На циновке играет малыш, а дождь все сеет,
мелкий дождь за окном все сеет и сеет...

Воспоминания о зимнем дне

Днем малыш на холодном ветру играл с воробышкой.
Ночью вдруг стал метаться в жару и скоро умер.

На рассвете ударил мороз и выпал иней.
Старший брат малыша пошел давать телеграмму.

Мать одна проплакала ночь над маленьким тельцем
(А отец в дальнем плаванье был и не мог приехать.)

Что случилось потом с воробьем, никто не знает.
Принося поземку, взметался северный ветер.

Опустилась с грохотом цепь в глубину колодца.
От отца пришла ответная телеграмма...

Путру опять подморозило, выпал иней.
А отец сообщал, что пока не может вернуться.

И еще он просил написать, как мама...
Старший брат за прогул получил нагоняй в школе.

Колокол в новогоднюю ночь

Где-то во мраке предвечных небес
 колокол бьет в новогоднюю ночь.
Вот уже десять миллионов лет
 сотрясает пространство далекий гул.
Где-то во мраке предвечных небес
 колокол бьет в новогоднюю ночь.

Оглашая над храмом туманную мглу,
 колокольный звон плывет в облаках,
оглашая над храмом туманную мглу.

В это самое время рядом с матерью на циновке
малышка уплетает гречневую лапшу.
В это самое время радостные толпы
запрудили Асакусу, запрудили Гинзу *.
В это самое время узники в тюрьмах
о чем-то своем задумались, наверно.
В это самое время радостные толпы
запрудили Асакусу, запрудили Гинзу.
Где-то во мраке предвечных небес
колокол бьет в новогоднюю ночь.
Вот уже десять миллионов лет
сотрясает пространство далекий гул.
Где-то во мраке предвечных небес
колокол бьет в новогоднюю ночь.

Разлука

Прощай, прощай!
Спасибо за всё,
спасибо тебе за всё...
Прощай, прощай!
В этот ясный день
горько думать, что ты ушла навсегда,
в этот ясный солнечный день...
Прощай, прощай!
Я проснулся днем
и увидел, что дом совсем опустел.
Пробужденья того не забыть...
Прощай, прощай!
Завтра в этот час
будешь ты далеко, в родном краю.
Сколько лет на чужбине прошло...

Прощай, прощай!

Солнце взор слепит.

Ты идешь под зонтом, идешь под зонтом,
ты уходишь в светлую даль...

Прощай, прощай!

Навеки прощай!

Северное море

В море

не видно русалок.

В море

одни лишь волны.

Мглистое небо нависло

над холодным северным морем.

А волны показывают зубы,

ворожат, заклиная небо

бесконечным древним заклатьем.

В море

не видно русалок.

В море

одни лишь волны...

Песчаный берег моря

в лунную ночь

В тот лунный вечер цветок пиона

вынес на берег прибой.

Я подобрал его, хоть и подумал,
что мне цветок ни к чему.

Я подобрал его, не удержался —
спрятал в рукав кимоно.

В тот лунный вечер цветок пиона
вынес на берег прибой.

Я подобрал его, хоть и подумал,
что мне цветок ни к чему.

Я не бросил его, обратившись к луне,
я не бросил его, обратившись к волнам,
я его положил в рукав.

В тот лунный вечер цветок пиона,
найденный на песке,
мне пропитал ароматом пальцы,
в сердце мое проник.

Для чего в тот вечер цветок пиона
подобрал я на берегу?!..

Пустыня *

Посреди пустыни
виден огонь!

Посреди пустыни
виден огонь!

Что же это такое?
Быть не может!
Что же это такое?
Быть не может!

Над стеной песка всколыхнулось
солнечное пламя.

Над стеной песка всколыхнулось
солнечное пламя.

В небе пустыни
виден огонь!
В небе пустыни
виден огонь!

Что же это такое?
Быть не может!
Что же это такое?
Быть не может!

О изнуренные верблюды!
О безмолвные усталые голландцы!

Что же это такое?
Быть не может!
Что же это такое?
Быть не может!

Изнуренные верблюды
уоставились в собственные тени.
Безмолвные голландцы
жадно вперились в небо:

Там, за барханами,
вспыхнул огонь небесный!
Там, за барханами,
вспыхнул огонь небесный!

Станция Кувана

Было темно на станции Кувана.
«Коро-коро», — курлыкали лягушки.
Начальник станции, такой одинокий,
С фонарем в руке дежурил на платформе.
Ночью на усыпанной гравием платформе
Начальник станции, такой одинокий...

Было темно на станции Кувана.
«Коро-коро», — плакали лягушки.
А мне вдруг вспомнилось: не эта ли Кувана
Славится печеными хамагури?
Начальник станции, такой одинокий,
«Верно!» — ответил мне и ухмыльнулся.

Было темно на станции Кувана.
«Коро-коро», — курлыкали лягушки.
Только прояснилось небо после ливня.
Было так безветренно, темно и тихо...

Ущелье Нагато

Там, в ущелье Нагато, текла вода.
Был холодный, промозглый день.

Я сидел на веранде, с обрыва глядел,
Понемногу тянул сакэ.

Посетителей не было никого,
Я в корчме остался один.

А вода внизу все текла и текла,
Все журчал ручей вдалеке.

На веранду под вечер солнце пришло —
Пламенеющий мандарин.

Так давным-давно я сидел в корчме.
Был холодный, промозглый день...

Небо в тучах

Однажды утром высоко в небе
Я увидел зловещие черные флаги.
На ветру флаги трепетали, бились,
Но ни звука издали не было слышно.

В это утро я хотел порыбачить,
Но найти не мог ни сетей, ни вершей,
А черные флаги трепетали, бились,
Будто в пляс пустились на небосводе.

В это утро, глядя на хмурое небо,
Я вспоминал, как когда-то в детстве
Те же флаги вились над сжатым полем,
Что теперь над крышами города вьются.

На «тогда» и «теперь» поделено время.
Между «здесь» и «там» пролегла граница,
Но по-прежнему в небе надо мною
Развеваются, бьются черные флаги.

Покой отрешенности

Сердце мое, не ведая соблазнов,
Отрешенно покой вкушает.

В воскресный день прохожу по коридору.
Обитатели дома давно уже в поле.

Лакированные доски пола прохладны.
В саду распевают птицы.

Падают капли из крана —
Блестят на солнце.

Розовая земля. Жаворонок в небе.
Дивное небо апреля...

Сердце мое, не ведая соблазнов,
Отрешенно покой вкушает.

Ночь храмового праздника

Икэгами, Хоммондзи *, двенадцатое октября.
Вторят звону последних трамваев стекла витрин.
И на будущий год я приду, я снова приду
Барабаны слушать, до рассвета бродить без сна.

Год спустя в эту ночь будут так же гореть огни,
Будет пар от дыханья белеть серебром седин.
То вблизи, то вдали барабаны будут звучать,
В вышине из-за туч высвечивать будет луна.

Сам не свой в эту пору двенадцатого октября
Я близ храма Хоммондзи угрюмо брожу один.
Вспоминаю лишенья и беды минувших лет.
Дует северный ветер, луна почти не видна.

Год за годом проходят чередой поражений, невзгод,
И мучительно жить в этом мире мерзких личин.
Прежде чем на рассвете вернусь в свой холодный дом,
Чашу воспоминаний суждено мне испить до дна.

Икэгами, Хоммондзи, двенадцатое октября.
Вторят звону токийских трамваев стекла витрин.
И на будущий год я приду, я снова приду
Барабаны слушать, до рассвета бродить без сна.

Падает снег

Падает снег
повсюду, до горизонта
падает снег
повсюду, до горизонта,
словно стадо белых овец разбрелось по равнине
повсюду, до горизонта
падает снег
повсюду, до горизонта
падает с неба
повсюду, до горизонта,
повсюду, до горизонта,
повсюду, до горизонта,
на кровлю храма
и еще
на деревья в храмовой роще,
и еще, и еще,
ни на миг не переставая,
падает с неба,
падает снег —
и еще на дорогу,
по которой шагают солдаты,
и еще
слышатся звуки горна,
и еще
падает снег,
все еще падает снег...

О колыбельная песня!

Мать весь вечер тихонько поет колыбельную песню.
Мать весь вечер тихонько поет колыбельную песню.
Что же у нее за голос?

Кто сейчас в целом мире слышит негромкий голос
темного моря, усеянного кораблями,
и этот материнский голос?
Кто-то все же, наверное, слышит напев колыбельной,
только голос звучит так слабо, неясно...
Не бушуют волны, ветер не слишком ярится,
но во тьме теряется, глухнет одинокий голос.

Мать весь вечер тихонько поет колыбельную песню.
Мать весь вечер тихонько поет колыбельную песню.
Но в печальном мире людей кто ее услышит?
Кто ее услышит?

Нисиваки Дзюндзабуро

Из книги

«Ambarvalia» *

Глаза

В июле, когда белогривые волны

пленут в лицо мне пеной,

С палубы смотрю на южный прекрасный город.

Тихие сады в ожиданье путников дремлют.

Розы и песок, розы и песок за водной гладью,

Розами туманится сердце.

Волосы, изваянные в камне,

Звуки, изваянные в камне,

Глаза, изваянные в камне, открыты в вечность.

Дождь

Сонмы нежных нимф южный ветер примчал на крыльях
Редкие капли окропили бронзу изваяний,
камни фонтанов,
окропили золото волос и ласточкины крылья,
окропили песок, окропили озеро со всей его рыбой,
окропили безмолвные храмы, термы, театры.
Нежные нимфы
по языку моему растекаются влагой...

Погода

Утро похоже на драгоценный камень.
Кто-то шепчется с кем-то за дверью.
У бога, наверное, день рожденья...

Из книги

«Скитальцу нет возврата» *

Листья каштана

Зацвел на грядках горох
смежились веки,
настала ночь
рыбы заснули и я задремал
под шелест листвы каштана
смутно доносится голос Мод
поет соловей
начинается ночь
голова моя тенью розы ложится на мрамор

◆ ◆ ◆

В окне, осененная тусклым мерцаньем,
брезжит печаль бытия...

Помедли, путник!

Не спеши к родникам сокровенным
припасть устами.

Вспомни, скиталец:

ты и сам вошел в эту жизнь одушевленной влагой,
чистым ключом, из расселины в скалах бьющим.

Мыслящая вода —

не дано ей течь бесконечно.

Время пройдет, и в вечности ключ иссякнет.

Сойка поет, назойливо свищет, свищет.

Знаешь ли ты, как порой из воды бегущей
призрачный отрок в венке на берег выходит?

«К вечной жизни стремленье —

всего лишь бесплодные грезы.

Вам осталось одно — отрешиться

от праздных раздумий

о текущей воде, о мутном потоке жизни,
и с обрыва шагнуть, в пучину вечности кануть,
возжелав забвенья...»

Вот о чем говорит тот дивный призрачный отрок,
от струящихся вод идя в города и селенья
в час, когда речные водоросли ласкают
тьнь от облака, лежащую на темной глади.

Только что было светло — и вдруг стемнело.

На сердце весна.

♦

Гаснут лучи осеннего солнца
на коралловых рифах.

•

В чаше раскрылись цветы —
но сумрачно сердце.

• • •

В садике весной
ущуги пышно цветет.
Осенью каштан
роняет наземь плоды.
На маленькой запруде
крутится колесо.
Скачут трясогузки,
а люди тут не живут.
Старая слива
подгнила и упала в мох —
не успев расцвести,
погрузилась в вечную тьму.

•

Выщербленный валун.
Безрадостные думы.
Ясность осеннего солнца...

•

Луг осенний —
думы мои над ним вьются, трепещут.
Там аралии цвет,
к которому тщетно стремятся
помыслы мои —
цвет, неведомый горожанам...

Древо индийской сирени.
Изогнутый ствол навис над билетным окошком.
Кто просверлил в нем дыру?
Для чего здесь дыра зияет?

Окно распахнул — мне грустно и одиноко...

Желуди в горсти — так гладки, нежны на ощупь...

Печаль одинокой скалы...

В чашу зашел — на кустарнике серебрятся
нити паутины...

Бреду наугад —
вдоль тропинки цветет саикати...

На склоне горы у дороги
слышу голос фазана...

Выйдя в поле, я оглянулся —
уныло ветер свистел,
колесо водяное шумело...

✱

Дерево на утесе причудливо изогнулось.
Не поют цикады в ветвях — только дятел
долбит, долбит трухлявый ствол, ищет поживу.

✱

«Вечерний лик» * —
за веерком зеленым спрятались глазки.
Волны в осенний день глухо рокочут
за рощей китайской сливы...

✱ ✱ ✱

Дело было давно. Как-то в осенний день
на равнине Мусаси шел я через деревню.
Грянула гроза — и я от дождя укрылся
под навесом ворот одного крестьянского дома.
Рядом на живой изгороди сердито шептались ягоды —
красные, с белыми пятнышками,
похожие на конфеты «Олененок».

«Какая находка!» — подумал я.
Это были растения, о которых так часто
упоминается в древних книгах:
простая лиана-кадзура и кадзура-красотка.
Я спросил разрешения у хозяйки дома
и сорвал отросток.

Женщина засмеялась:
«Вот уж безделица, право!»
Пусть — но сердце мое
и в прошлом, и в настоящем,
далеко и близко...

У переправы
женщина на корточки присела
в грустном ожиданье...

Одна знакомая
принесла мне картину Гогена
и букет колокольчиков.
Осенний день.

Неожиданно ветер пронесся по саду,
всколыхнул пожелтевшие ветви корявой груши,
через оконце влетел
и погасил фонарь в доме...

Печаль гобелена.
Унылый вид
вытканной
обнаженной женской фигуры.

Грусть весны,
подступившей
к ограде дома.

Тоскливо в саду —
после летней ночи
наутро
всюду скорлупки цикад.

Голоса людей
и отголоски оркестра —
вдруг в какой-то миг
всколыхнулась осень.

В вечерней мгле
над влюбленными пролетают
летучие мыши.

Неизвестной породы камень — призрачное виденье
ромашками украшаю.

Осенний сѐдум * —
вместе с удочкою в траве
скрывается рыбак.

Напротив места, где стайкой гуляют кошки,
на ходу торопливо сорвал марену *.
Все никак не дойду до поселка Сакито.
Вдоль дороги изгороди живые — чайные кусты,
заросли бамбука.

Наконец
дорогу спросил у первой встречной,
что выглянула из зелени подокарпа.
Оказалось, шел не в ту сторону, заблудился.
«Поворачивайте обратно!»

◆

Туманятся взоры людей
при виде опавших плодов в расщелине горной —
но брэнность для них уж не то,
что печалило некогда древних.

◆

Ночью дождя осеннего капли
скапливаются в выбоинах плит на дорожке.
Пахнет хризантемами дождь —
милый запах дней позабытых...

◆

Вешней листвою
обрамлено селенье.
Мир багрянца
поблек,
потускнел.
Прелестны
розовые мысли.
Призрачный человек
опечален.

◆ ◆ ◆

Прикоснувшись к корням Вечности необозримой,
Перейдя через луг, где так буйно цветет шиповник,
где куропатки крик отзывается в сердце,
миновав деревню, где бьют вальками о камень,
и селенье, куда приходят с гор лесорубы,
и городок с белизною стен обветшалых,
подойдя затем к придорожному старому храму,
поклонившись Мандале *, вытканной на шелке,

буреломы и осыпи преодолев на кручах,
переправившись вброд через реки с осокой дремотной,
через чашу пройдя, сквозь сплетение трав пробившись,
призрачный человек наконец исчезает —
вечному скитальцу из Вечности нет возврата...

Поэтика

Сочинять стихи сегодня уже невозможно.
Поэзия там, где поэзии не было прежде.
Обрывки реальности становятся стихами.
Реальность печальна.
Я печалюсь — и, следовательно, существую.
Печаль — бытия единственная основа,
Печаль — красоты первейшая предпосылка,
Красота же — Вечности символ...

Из книги

«Современные притчи»

Дуб

Сравните одиночество Руссо и одиночество Ницше...

Все уже забыли
маленькие пейзажи
с водяными мельницами у запруды...

Деревянная скульптура — «Женщина» работы Майоля.

Почему в моей стране женское тело
привлекало ваятелей только бюстом?
А ведь подлинно великое искусство природы
выявляется в припухлых округлостях сзади.

День цветения ликориса —
день раздумий о полотнах Гогена.
Мне нравятся обнаженные таитянки Гогена,
похожие на буддийские иконы.
Почему бы такую картину не выткать на гобелене?
Ах, хорошо бы поехать в Понтабуан!

Из ствола боярышника
скульптор вырезает высокого троянца.

Сакральный ультрарозовый персиковый цвет —
окраска выцветшей розовой фланели женского трико.
Сочетание последних красок,
оставшихся в красильне.

Вязы, буки.
Корзинка с цветами.
Любовные излияния римского поэта.

Над ячменным полем меркнувшее солнце.
Перепелки кличут — а чудится голос флейты.
Будто кто-то играет там, близ речного устья.

Огромное железное дерево дотла сгорело.
Обугленный пень торчит на косогоре.
Буйно разросся вокруг горный лопушник.
Ягоды его перезрели и опадают —
словно каплю за каплей пот роняет бедняга.

На горе, где птицы поют,
несколько ученых
пьют розоватое молоко из кружек.

«Истина в страданиях!» —
некогда изрек один лирик...

Соловей

Слива цветет.

По дорожке шагаю вдоль каменной стены сада
и грушу о том, что зима уже на исходе.

Я блаженствую в райских куцах.

Даль вечности меня не тревожит.

Бреду один по пепельно-серой пустыне
цвета крыльев соловья, что уселся на пне дубовом.

Пейзаж с киноварно-красной пагодой храма —
словно на старинной шпалере.

Старик на улочке, укрывшись в тени тележки,
овощами с лотка торгует.

В своем пальто кунжутного цвета
куда глаза глядят неторопливо шагаю.

«Похоже, вскоре должна разыграться
кошмарная непредвиденная драма», —
думаю про себя, избегая
сверкающей параболы предсказаний.

Разглядывая одуванчики в грязи,
я свернул на дорожку к пекарне —
за булочками с бобовой пастой.

Нежданная судьба

была в джемпере цвета бурой фасоли.

Человек, взъерошив волосы,
выбежал из кабинета с криком

«Эврика!»

Вот он гонится за кем-то —
может быть, убийца?

А я-то из дому вышел
только, чтобы купить капусты.

Вот ужас, право!

Из книги
«Славословия»

Вечерний сумрак на холме

Так значит, снова
мне вернуться дано в уединенную башню,
полную обнаженных грустных воспоминаний...
Снова буду внимать торопливым шагам прохожих,
что спешат к обрыву в бескрайнюю Вечность,
под пальцами лучей, золотистыми, словно розы,
на закате опускающиеся в море?..

Снова нужно, голову поднимая,
размышлять о трепете листьев дзельквы?
Снова нужно, голову опуская,
окунаться в гомон родной деревни,
слушать, как у ворот под вечер судачат соседки?
Запасать провизию снова нужно?
На фиалковой тропинке острова Ава
от надкушенной хурмы вяжет нёбо
и на языке остается терпкая горечь
бесконечного непостоянства...

Миёси Тацудзи

Из книги

«Травы на тысячу ри»

Запасайся дровами!

Промелькнула весна,
За ней пролетело лето.
Только осень пришла —
и уж минула половина.
Слушай! Слушай!
Доносится издалёка
Леденящий душу суровый и властный голос.

И хотя на окнах задвинуты плотно шторы,
Голос гостьи уже в саду раздается,
Под шагами ее шуршат опавшие листья.

Запасайся дровами,
Сноси и складывай хворост!

Осень. Хмурые дни.
День приходит и день уходит.
Ты, живущий в лесу!
Не теряй же времени даром.
Не согреет мудрость зимой
Запасайся дровами!

Запасайся дровами!
Зима все ближе и ближе.
Приглядишься — и увидишь
Зиму в дымке на горизонте.

Скоро выпадет снег.
Белый полог землю укроет.
До прихода зимы
Проверь очаг хорошенько,
Подготовь к холодам
Свой дом, затерянный в чаще.

Запасайся дровами,
Сноси и складывай хворост!

Пусть осенней порой
Солнце ласково пригревает,
Пусть пока на лугах
Цветы еще не увяли, —
Ты, живущий в лесу,
Сноси и складывай хворост,
Запасайся дровами,
К зиме своей скорой готовься!

Ностальгия

О моя ностальгия, схожая с бабочкой!
Перепорхнув через изгороди и заборы,
за углом последнего в селении дома
бабочка в послеполуденный час видит море...
Я слышу, как море шумит за стеною.
Закрываю книгу. К стене прислоняюсь.
В соседней комнате часы бьют два.
«Море, далекое море!» — записываю на бумаге.
Ах, море! Недаром в иероглифе «море»
есть часть, означающая «мама».
Ах, мама! Недаром на французском
слово «мама» звучит как «море» *...

Венера

В небе вечернем, бескрайнем, синем, как море,
Золотая пчела
с протяжным гуденьем вьется.

Передо мною горы, поросшие лесом.
С высоты глядит
в прозрачный ручей Венера.

Вот она ушла за скалистый гребень.
На утес взойду — вновь ее увижу.
Буду любоваться звездой далекой.
Но немного спустя вновь она уходит,
Исчезает, тает за горизонтом.
Разом сжалась земля, накренились горы...

Что за птица...

Что за птица в плавнях «чир-чир» проверешала?
Над водою ива плакучая склонилась.
Ветви ивы я в колючку заплетала,
Вспоминала я того, с кем разлучилась...

Никто не приходит

Дверца потайная, соломенная дверца.
Пышный куст сирени дверцу заслоняет.
Не приходит милый — тяжело на сердце.
Так и лето кончится — сирень облетает.

Совка

Совка кричит,
Это совка опять кричит.
Старая песня
Незабвенных далеких лет...

Не для того ли
Вернулся я в город родной,
Чтобы услышать
Голос совки в ночной тиши?
Не для того ли?
Сердце знает ответ.

С чем я вернулся?
Десять долгих лет позади.
Что я свершил? Кем стал?
Добился чего?
Что приобрел,
растеряв надежды, мечты?

Совка кричит,
Это совка опять кричит.
Голос знакомый
Выводит старый напев.

Вот так и я —
На свете, как совка, живу.
Старюсь с годами,
А песни пою об одном...

Из книги **«Четверостишия»**

Сверчок

Зашуршав газетой, выпрыгнул сверчок —
как виноградинка, круглое брюшко.
Завтра Рождество. Я сижу один...
«Верно, испугался, мой сверчок?
Я не злой волшебник, не гляди так,
прыгай на колени ко мне скорей!»
«Ах, извините, я страшно замерз.
Очень уж сегодня холодная ночь!»

Желтые листья

Утро сегодня на диво ясно.
Над ущельем безмолвье, бездонность неба.
А в ушах звенит и звенит не смолкая:
«Отчего, отчего ты один остался?»
Яркость листвы на ветвях каштана.
Ранний снег сверкает на пике Татэ.
Время их пришло — собрались в дорогу
горные ласточки из ущелья.

Родной квартал

Снова грохочет по мосту товарный поезд.
Две козы у речки.
Вдоль берегов мальчишки стоят с шестами —
промышляют раков.
Там, за рекой, над прокопченным кварталом
восходит месяц.
В устье реки, в порту и дальше, на рейде
огни зажигают.

Снежный ландшафт

На пригорке сушат влажные бока коровы.
Из-под розовых сосцов видны ручей и поселок.
Через мост переезжает санная упряжка.
На пожарной каланче маячит флюгер.

Шум мушиных крыльшек

Два-три цветка на вьюнке,
обвившем глинобитную стену...
Во дворе крестьянской усадьбы
я услышал, как жужжит муха.
Ах, унылая музыка утра, прибой воспоминаний!
Invitation an voyage * —
этот шум все манит куда-то...

Из книги
«Бьет час»

Цветы гороха

Сизые, лиловые цветы гороха.
Бурное, бескрайнее зеленое море.

Даже в зимний день плодородные взгорья Идзу *
Отдыхают, ласковым солнцем пригреты.

Где-то на холме воркуют голубь с голубкой.
Днем луна видна сквозь голые ветви.

С тленной плотью мертвых, опавших листьев
Плоть живой листвы и стеблей смешалась.

Вслушайся в неясный прерывистый шелест —
Это прошлое шепчет, напоминает...

Смутный аромат блуждает над полем.
Старая печаль просыпается в сердце.

Сизые, лиловые цветы гороха.
Бурное, бескрайнее зеленое море.

Из книги
«Корзинка цветов»

Персик расцветает

У плетня весною
персик расцветает.
Ласточки дорогу
к старым гнездам знают.

Слушай голос моря
 до самого рассвета:
«Я вернусь, я вернусь —
 только верь в это!»

Из книги
«Крепость из песка»

Пустынный берег

Птица в небе летит одиноко.
Птица товарищей догоняет.
Пустынный берег.

Птица в небе летит одиноко.
Птица с мучительно вытянутой шеей,
Птица с телом отяжелевшим.

Птица в небе летит одиноко.
На исходе дня летит одиноко.
Каменистый берег.

Что принесла зима

Что принесла зима?
Весну принесла.
Мы на траве,
На зеленой траве разлеглись.

Что принесло море?
Белый песок со дна.
И на песке
В хороводе сосны сошлись.

Где-то в устье реки
маячит дальний мысок.
Там замирает
Времени долгий бег.

Ветер с моря принес
Два паруса, два челнока.
Вот исчезает один,
А за ним и другой челнок.

Мира земного частица
Наши слова,
Что с облаками и ветром
Слились навек...

Это зовется Весна

Это зовется Весна,
Зовется Весна.
Кто так зовет?
Восходит луна.
Солнце скоро зайдет.
Восходит луна.
Ночи завеса
Пала над лесом
Прохладна, тиха.
Плывут облака.
«Куоро-куара»,—
Курлычут лягушки,
Ах, первые лягушки,
Далекие лягушки!
«Странник,
На родину возвращайся!»

Печали полна,
Сияет луна.
Аромат долетает
С цветущего луга.
Тревожа округу,
«Куоро-куара», —
Выводят лягушки.
Ах, первые лягушки,
Далекие лягушки!
Это зовется Весна,
Зовется Весна.
Кто так зовет?
«Куоро-куара,
«Куара-куоро», —
Лягушачьего хора
Отзвук плывет...

Комментарий

К с. 23. Гион — район увеселительных заведений в Киото, примыкавший к знаменитому храму Гион.

К с. 29. ...*супруг мой в семи рожденьях* — по буддийским представлениям, связь любящих сердец могла продлиться в нескольких рожденьях, через которые проходит человек согласно закону кармы в бесконечном потоке времени.

К с. 31. Сао — богиня (фея) весны в синтоистском пантеоне.

К с. 33. Фенхель — трава семейства зонтичных, цветет желтыми цветами.

Померанец — вечнозеленое цитрусовое дерево с горькими плодами.

К с. 35. Тобэра — травянистое растение, встречающееся в сырых местах.

К с. 40. ...*неумолчно поет кукушка...* — в Японии «пение» кукушки (традиционная поэтическая примета лета) ценилось наряду с пением соловья.

К с. 46. ...«долгий месяц», девятый по счету — в японском лунном календаре «долгий месяц» (*нагацуки*) — поэтическое название девятой луны.

К с. 49. *Сев на корабль...* — стихотворение в оригинале имеет лишнюю строку, выделяясь среди прочих танка.

К с. 53. Восточное море — поэтическое название Тихого океана.

К с. 55. Павлония — листопадное дерево с крупными листьями, цветет пышными фиолетово-розовыми цветами.

Вторая луна — календарной весны начало... — по лунному календарю второй месяц считался первым месяцем весны.

К с. 56. Кацусика — местность на востоке острова Хонсю, в старой провинции Симоуса.

К с. 57. Вишня — имеется в виду неплодоносящая дикорастущая японская вишня (сакура). Стихотворение посвящено Масаока Сики, прикованному к постели недугом.

Уэно — в начале XX в. лесопарк в окрестностях Токио. Ныне городской парк.

Ёсино — славившаяся красотой видов горная местность в центральной Японии. В прошлом традиционное место отдыха императорского двора.

К с. 60. Большой (Великий) Будда в Камакура — бронзовая статуя Будды высотой 15 м, отлитая в 1252 г. и установленная под открытым небом.

К с. 61. *Поминаю Сики...* — имеется в виду поэт Масаока Сики, учитель и друг Ито Сатио.

К с. 65. Луноцвет (*цукими-со*), — энотера, ослинник, в японском звучании — «любующийся луной».

К с. 66. Ямато — древнее название Японии.

К с. 67. «Цветы картофеля» — сборник написан Симаки Акахико совместно с Накамура Кэнкити.

К с. 71. Мусаси — большая равнина на востоке о-ва Хонсю. На ней расположен и город Токио.

К с. 74. *Густую листву раздвигая на тутовом поле...* — в Японии низкорослые тутовые деревца растут на небольших полях-плантациях.

К с. 75. «Цветы картофеля» — см. примеч. к с. 69.

К с. 78. Великий Будда — см. примеч. к с. 62.

К с. 81. ...*цветы мимозы...* — имеются в виду пурпурные метелки мимозы (а не грозди с круглыми желтыми цветочками).

К с. 82. Небесная Река — традиционное название Млечного пути у японцев и китайцев.

К с. 85. Цикл «Хижина в Нэгиси» посвящен Масаока

Сики, учителю и другу поэта, чей дом находился в окрестностях тогдашнего Токио, в Нэгиси.

Обитатель Бамбукового селенья — литературный псевдоним Масаока Сики.

К с. 86. Стекланные сёдзи — в доме прикованного к постели Сики были сделаны стекланные сдвижные двери, чтобы большой мог любоваться садом.

К с. 87. *У края поля, где, выглядывая из воды...* — имеется в виду заливное рисовое поле.

К с. 88. Подмаренник — трава с ярко-желтыми цветами и медовым запахом.

Бадьян — священное дерево буддистов.

К с. 93. Бунго — провинция на восточной оконечности острова Кюсю (в старом административном делении).

Внутреннее море располагается между островами Хонсю и Сикоку.

К с. 94. *...от приземистого бамбука...* — имеется в виду низкорослый бамбук саса.

К с. 96. Софора — декоративное парковое дерево.

К с. 98. Хижина «Ни пылинки» — так называл свою обитель поэт Ито Сатио.

К с. 100. *...в Восточном море...* — см. примеч. к с. 55.

К с. 101. Паломничество к горе Фудзи было популярно как среди поэтов и художников, так и среди простого народа с глубокой древности.

К с. 103. Книга «В сумерки» написана под влиянием демократических идей Исикава Такубоку, друга и наставника Дзэммаро.

К с. 104. *...токийский выпуск...* — выпуск газеты «Асахи», где Токи Дзэммаро работал наборщиком.

...Как давно мы с тобой не встречались! — стихотворение адресовано Исикава Такубоку.

К с. 105. *Друга проведать пришел...* и т. д. — стихотворение обращено к Такубоку, который в то время умирал от туберкулеза.

Живя в Японии... и т. д. — намек на полицейские репрессии.

...читает запрещенную книгу... — известно, что речь идет о сочинениях Кропоткина.

К с. 107. *...покойного друга...* — имеется в виду Исикава Такубоку.

К с. 111. Стихотворения Сики сгруппированы по принципу «четырех времен года»: «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима».

К с. 112. ...в бутылки из-под микстуры...— цветущая ветка стоит возле постели тяжело больного Сики.

К с. 114. Речь идет о декоративных куклах к Празднику кукол (иначе Праздник девочек), который отмечается 3 марта (в прошлом — 3-го дня 3-й луны).

Дарума — игрушка в виде неваляшки, изображающая основателя дзэн-буддизма Бодхидхарму (Дарума) в позе медитации.

К с. 116. Боги или будды — имеются в виду божества синтоистского и буддийского пантеонов.

К с. 117. Итинотани — место решающей исторической битвы между самурайскими кланами Тайра и Минамото (XII в.), в которой Тайра были разгромлены.

К с. 119. Ночь на 14-е число 9-го месяца — традиционная дата любования осенней луной («середина осени»).

Басё (1644—1694) — прославленный поэт жанра хайку.

К с. 120. Уэно — см. примеч. к с. 59.

Месяц «малой весны» — поэтическое название 11-го лунного месяца.

К с. 121. Нэгиси — см. примеч. к с. 87.

К с. 122. Рукописное собрание хайку Сики было опубликовано посмертно его учениками.

К с. 123. Красная слива — слива, цветущая алыми (не белыми) цветами.

К с. 125. ...тушь и кисти так и остались лежать на блюде...— набор принадлежностей для рисования тушью обычно помещали на неглубокое прямоугольное блюдо.

К с. 126. Куклы из хризантем...— имеются в виду большие, иногда в рост человека, куклы из живых цветов, которые изготавливают умельцы к празднику хризантем (9-го числа 9-го месяца).

Где-то в пятом месяце, знаю, день моей смерти...— Сики ошибся. Он умер в сентябре 1902 г.

К с. 127. ...с присланными рукописями хайку.— Сики выступал в качестве арбитра и составителя многих антологий хайку.

День кончины Басё — 12-е число 10-го лунного месяца.

К с. 131. У Великого Будды...— имеется в виду Большой Будда в Камакура (см. примеч. к с. 62).

К с. 132. Слово черный корабль...— «черными кораблями» японцы называли вплоть до конца XIX в. большие суда европейцев. Впервые к берегам Японии пристали португальские корабли в XVI в.

К с. 133. ...посадка риса...— заливное рисовое поле заполняется водой обычно при помощи колеса, которое перекачи-

вает воду из шлюза отводного канала. Колесо крутят ногами.

К с. 134. Летний кипарис — низкорослая садовая разновидность кипариса, напоминающая кустарник.

...затерялось святилище Сума... — в Японии синтоистские святилища, посвященные богам-прародителям и местным богествам, соседствуют с буддийскими храмами.

К с. 135. День Науки (Какидзомэ) — государственный праздник, отмечается на второй день Нового года.

К с. 136. Нара — в VIII в. столица японской империи. Славится древними храмами и уникальными произведениями изобразительного искусства.

Подбел — вечнозеленый низкорослый кустарник, цветет розовыми цветами.

Уезжал любоваться цветами... — обычай отправляться весной на любование цветами (*ханами*) в освященные традицией загородные места сохранился в Японии до наших дней.

К с. 140. Луффа — губчатый огурец.

К с. 141. *Первый карп на шесте...* — на праздник мальчиков (5 мая) во дворах домов принято вывешивать на шестах цветных матерчатых карпов, символы мужества и упорства, по числу имеющихся в семье мальчиков.

К с. 145. «Дневник в Тоса» — лирический путевой дневник знаменитого поэта X в. Ки-но Цураюки.

Молодые травы — семь первых весенних полевых трав, которым приписывались магические свойства.

К с. 150. Тёкодо — поэтический псевдоним Акутагава.

К с. 152. «Чайными домиками» обычно назывались в Японии увеселительные заведения с девушками для «обслуживания» гостей.

Ветер в соснах шумит... и т. д. — трехстишие отражает переживания автора после страшного кантоского землетрясения 1923 г., унесшего более ста тысяч жизней и разрушившего большую часть Токио.

К с. 153. *Дни «малой весны»* — см. примеч. к с. 122.

Утренняя звезда — Венера.

К с. 154. Симоносэки — рыболовецкий порт в юго-западной части о-ва Хонсю, на побережье Внутреннего моря.

Пузырник — растение, известное у нас как «китайские фонарики».

К с. 156. *Как я выгляжу сзади...* и т. д. — здесь, как и во всех хайку Сантока, каноническая форма трехстишия не выдерживается.

К с. 157. *В плошке железной...* — имеется в виду монашеская плошка для подаяния (*хати*).

К с. 169. Правление Мэйдзи — 1868—1912 гг.

...над старым замком в Коморо...— исторический замок в Коморо воспет в знаменитом стихотворении Симадзакитосона (см. с. 188).

К с. 181. Стихотворение «О-Кумэ», по признанию японской критики, явилось гимном любви, своего рода манифестом романтической школы.

К с. 186. Коморо — город в нынешней преф. Нагано (о-в Хонсю) с живописным средневековым замком.

К с. 187. Гора Асама — действующий вулкан.

...на травяном изголовье...— в классической поэтике изголовье из трав служит символом странствий.

К с. 191. Рукава при прощанье — в классической поэтике рукава, постеленные в изголовье, служат символом любовного союза, рукава же, увлажненные слезами, символизируют печаль разлуки.

К с. 193. ...на рейнском берегу... — намек на поэзию немецкого романтизма.

К с. 195. Запретная вера — имеется в виду христианство, занесенное в Японию в XVI в. португальскими миссионерами и подвергнувшееся жестоким преследованиям после прихода к власти сёгуна Токугава Иэясу. Окончательно запрещено указом от 1611 г. С той поры вплоть до конца XIX в. христианство оставалось таинственной «запретной верой», которую простой народ не без подсказки властей отождествлял с черной магией и всяческими «бесовскими» науками. Увлечение Хакусю «христианской» тематикой объясняется его глубоким интересом к экзотической странице национальной истории.

...черных кораблей...— см. примеч. к с. 134.

...из страны рыжеволосых...— японцы называли «рыжеволосыми варварами» всех европейцев.

Южные варвары — португальцы, а затем и голландцы, базировавшиеся преимущественно в портах о-ва Кюсю, на юге страны и часто приплывавшие из стран «южных морей».

К с. 196. ...зерно горчицы с яблоко размером... — имеется в виду микроскоп.

Всевидящая раздвижная трубка... и т. д.— имеется в виду подзорная труба, возможно, разновидность телескопа.

...хранящий силуэты... — имеется в виду так называемый «волшебный фонарь» (*laterna magica*).

...в горизонтальных темно-синих строчках... — европейцы писали темно-синими или фиолетовыми чернилами, латинскими буквами, слева направо, в строку, между тем как японцы писали черной тушью, иероглифами, справа налево, по вертикали.

К с. 197. В стихотворении «Красный епископ» хрести-

анский прелат, в соответствии с распространенным суеверием, выступает в роли злого мага, чернокнижника.

...*Фортепьяно во мраке*... — поэт смещает реалии, видимо, забыв, что в конце XVI — начале XVII в. у миссионеров не могло быть фортепьяно (появилось в начале XVIII в.).

К с. 205. Стихотворение «В небе багряные облака», положенное на музыку, стало гимном токийской богемы начала 1910-х годов, группировавшейся в эстетском «Обществе Пана».

К с. 231. ...*сухие духи «Цуру»* — в Японии женщины с древности пользовались сухими духами. Мешочки с ароматными порошками закладывались в рукава и за пазуху.

К с. 232. *Presentation* (франц.) — представление (при знакомстве).

...*фонарики Пана*... — греческий бог Пан был своего рода тотемным покровителем «Общества Пана», объединявшего многочисленных представителей токийской богемы (1908—1912).

Permettez-moi de vous presenter... (франц.) — «позвольте вам представить...»

К с. 236. *Ка ра* (инд. tagara) — дерево с ароматной древесиной.

К с. 238. ...*причащаться пяти стихиям*... — в даосско-буддийской натурфилософии мир строится из взаимодействия пяти стихий: дерева, огня, земли, металла, воды.

К с. 239. Стихотворение «Сом», как и прочие стихи, вошедшие позже в книгу «Ваяние», описывает творческий процесс резьбы по дереву — любимое занятие Такамура Котаро. К сожалению, большинство скульптур, признанных шедевров изобразительного искусства, погибли во время второй мировой войны вместе с мастерской Такамура.

Тиэко — жена поэта.

К с. 243. «Головной цех» — метафорическое название стихотворения дано как бы по аналогии с «кузнечным» цехом, «башмачным» цехом и т. п.

О ты, собрат мой... — обращение к Творцу, богу.

К с. 244. ...*в пору расцвета Камакуры*... — правление военных диктаторов (сёгунов) династии Минамото со столицей в городе Камакура привело к подъему культуры самурайского сословия (1192—1333).

«*Сливовый дождь*» — сезонные «сливовые дожди» идут в июне — начале июля.

К с. 246. «Книга Тиэко» посвящена любимой жене поэта, Тиэко, талантливой художнице, которая в сравнительно молодом возрасте заболела шизофренией и вскоре стала абсолютно невменяема. Долгие годы Такамура сам ухаживал за Тиэко и впоследствии, когда ее пришлось изолировать и по-

местить в лечебницу, до последнего дня продолжал заботиться о ней. Книга была опубликована в 1941 г. вскоре после кончины Тиэко.

«Загородный домик» — речь идет о загородном домике, где содержалась под присмотром больная Тиэко.

К с. 249. Иватэ — префектура на северо-востоке о-ва Хонсю.

...залила бы чаем... — рис, залитый чаем, — традиционное национальное блюдо.

К с. 251. Амида-Будда — верховное божество распространенного в Японии амидаистского культа.

К с. 252. Акита — префектура на севере о-ва Хонсю.

К с. 253. Камелия — здесь вечнозеленое дерево, цветущее белыми или красными цветами.

Орляк — вид папоротника.

К с. 269. Лаоцзы (VI—V вв. до н. э.) — великий китайский философ, один из основоположников даосизма, автор трактата «О Пути и его манифестации».

К с. 271. «Цветы и птицы» — название направления в дальневосточном искусстве (живописи, графике, поэзии), развивавшегося со средних веков до начала XX в.

К с. 272. Под Новый год японцы украшают вход в жилище ветвями сосны.

К с. 273. Асура — демон, персонаж индуистско-буддийской мифологии. По буддийским представлениям, смертным, в зависимости от их кармы, дано возродиться в одном из шести миров: божеств, людей, демонов, зверей, голодных духов и обитателей ада. Мир демонов воплощает такие категории, как гнев, упрямство, строптивость, подозрительность, вздорность.

К с. 274. Слово Истины — символическое понятие, от которого происходит название буддийской секты Сингон, основанной подвижником Нитирэном. Сам Миядзава был ревностным adeptом Сингон.

К с. 276. *Mental sketch modified* (англ.) — «вариация умозрительного наброска».

К с. 277. *Кора смоковницы и священная веревка* — священные талисманы в синтоистском ритуале праздника, который так красочно описывает поэт.

локоны ветвистых кипарисов... — как известно, кипарисы изначально имели раскидистую крону, и в дикой природе сохраняют в основном такую форму. Пирамидальные кипарисы явились плодом селекции.

...праздник *Серебряной реки и леса...* — вероятно, имеется в виду праздник Встречи влюбленных (Танабата), который отмечается в ночь на 7-е число 7-го лунного месяца. В эту

ночь, согласно китайской легенде, разлученные звезды Волопас и Ткачиха (Вега и Алтаир) переправляются через Небесную реку (Млечный путь) по мосту, построенному сороками.

Давным-давно князь Дурных дорог... и т. д. — фрагмент старинного сказа, который зачитывался на празднике речитативом под аккомпанемент барабанов.

К с. 280. Карма — закон причинно-следственных связей, воздаяния за дела в предшествующих рождениях, основной принцип буддийской философии.

К с. 281. Стихотворение «Сосновые иглы» посвящено любимой сестре поэта, Тосико, безвременно умершей от туберкулеза. Ее смерть Миядзава оплакивал во многих стихах.

К с. 282. «Opus № 1004» — огромное количество произведений из литературного наследия Миядзава остались безымянными, поэтому при позднейших изданиях они просто нумеровались и значились под определенным номером.

К с. 285. Проповедник господин Сирафудзи — реальное лицо, священник, приобщавший Миядзава Кэндзи к таинствам буддизма Сингон.

Перилла — вид водорослей.

К с. 286. Тёрнер Уильям (1775—1851) — английский художник, представитель романтической школы.

Дзиун (1718—1804) — известный проповедник буддизма Сингон.

К с. 289. ...*сутре Лотоса верен буду...* — сутра Лотоса святого Закона — одна из магистральных сутр, определявших религиозно-философскую проблематику буддизма, на ней, в частности, строится учение секты Сингон.

К с. 292. Жанр гравюры *укиё-э* получил распространение в XVIII — начале XIX в., в период господства городской культуры «изменчивого мира» (*укиё*), и оказал большое влияние на творчество французских художников второй половины XIX в.

К с. 293. *Величайшие авторы повестей для подростков* — имеются в виду авторы развлекательной литературы, популярной в XVII—XIX вв.

К с. 299. Праздник Гион — буддийский летний праздник, отмечавшийся в знаменитом киотоском храме Гион.

К с. 313. Асакуса — традиционный район увеселительных заведений в Токио. Гинза — центральная улица Токио.

К с. 315. В стихотворении «Пустыня» обыгрывается экзотическая для Японии тематика: пустыня, белые первооткрыватели и т. п. Отсюда и смысловая накладка: как известно, голландцы не путешествовали по пустыням, разве что в Южной Африке.

К с. 319. Икэгами — район Токио. Хоммондзи — крупный буддийский храм в районе Икэгами.

К с. 322. «Ambarvalia» — название сборника заимствовано от названия языческого галльского праздника урожая. Символика стихов навеяна впечатлениями от путешествия по Европе и связана главным образом с греко-римской античностью.

К с. 323. В названии «Скитальцу нет возврата» заложена аллюзия на строки из монолога Гамлета:

...Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти —
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам,— волю не смущал...

перевод М. Лозинского

К с. 327. «Вечерний лик» — образное название вьюнка.

К с. 329. Седум — высокая трава.

Марена — невысокий кустарник.

К с. 330. Мандала — условная картина мира в буддийской космогонии, часто встречающаяся в иконографическом варианте.

К с. 337. ...на французском слово «мама» звучит как «море»...— франц. *mère* («мать») звучит так же, как *mer* («море»).

К с. 340. *Invitation au voyage* (франц.) — приглашение к путешествию.

К с. 341. Идзу — полуостров в восточной части о-ва Хонсю.

Краткие сведения об авторах

Ёсано Акико (1878—1942)

Родилась в Осака в богатой купеческой семье, получила прекрасное классическое образование. Рано начала писать танка и в 1900 г. опубликовала большой цикл стихов в журнале «Мёдзё» («Утренняя звезда»). Страстно полюбив молодого поэта Ёсано Тэкана, главного редактора «Мёдзё» и руководителя Общества новой поэзии, Акико бежала из дома к любимому в Токио. Тэкан, расторгнув первый брак, женился на Акико. Нежную привязанность друг к другу они пронесли через всю жизнь. Романтическая история поэтов-любowników запечатлена в книге стихов Акико «Спутанные волосы», которая по праву считается жемчужиной новой японской литературы, и во многих последующих сборниках поэтессы. Творчество Акико, возглавившей вместе с Тэканом группу романтиков «Мёдзё», определило новое направление в лирике традиционных жан-

ров, разбив оковы условности, наполнив поэзию могучим пафосом, одухотворив ее силой подлинного чувства.

Вакаяма Бокусуй (1885—1928)

Настоящее имя Вакаяма Сигэру. Родился в преф. Миядзаки. В 1904 г. поступил в токийский университет Васэда, где подружился с поэтами Китахара Хакусю и Токи Аика. Учился сложению танка под руководством Оноэ Сайсю. Первый же сборник стихов «Голос моря» (1908) принес ему славу романтического певца юности и любви. Опубликовал пятнадцать книг танка. Некоторое время работал репортером, затем полностью переключился на поэтическую деятельность. Многие стихи навеяны путешествиями по Японии. Эпикурейские мотивы в лирике Бокусуй окрашены в элегические тона, что и придает его поэзии неповторимое очарование.

Ито Сатио (1864—1913)

Известен не только как поэт, но и как автор новелл, повестей, романов. Родился в преф. Тиба. Поступив на юридический факультет университета Мэйдзи, вынужден был оставить учебу из-за болезни глаз. Позже занялся торговлей молочными товарами. С 1900 г. вошел в поэтический кружок Сики, став впоследствии другом и любимым учеником этого крупнейшего реформатора поэзии. Был одним из создателей основанного Сики общества танка «Нэгиси», редактором поэтического журнала «Асиби», энтузиастом мощного объединения поэтов танка «Арааги». Читал лекции по поэтике классической антологии VIII в. «Манъёсю». Оставаясь верен выдвинутому Сики принципу «отражения жизни», Ито Сатио привнес в поэзию мотивы философской умиротворенности и слегка ироничной созерцательности.

Симаки Акахико (1876—1926)

Родился в преф. Нагано. Окончив Высшую «нормальную» школу, некоторое время работал учителем, затем директором школы. Став членом общества танка «Нэгиси», проникся влиянием школы Сики и формально числился учеником Ито Сатио. Ратовал за реализм поэзии, простоту и конкретность формы, эмоциональную насыщенность образа. С 1914 г. воз-

главил сообщество поэтов танка, группировавшихся вокруг журнала «Арараги». Оставил большое литературное наследие в виде стихов, эссе, литературоведческих и критических статей, очерков, манифестов.

Накамура Кэнкити (1889—1934)

Родился в преф. Хиросима. Со школьных лет увлекся поэзией. Обучался сложению танка у Ито Сатио, следуя провозглашенному Сики принципу «отражения жизни». В период учебы на экономическом факультете Токийского университета активно публиковал стихи в журнале «Арараги» и добился известности публикацией совместного с Симаки Акахико сборника «Цветы картофеля» (1913). С 1925 г. безвыездно жил в окрестностях Хиросимы, занимаясь преподаванием и сложением стихов. Опубликовал пять больших книг танка. Расцвет его творчества приходится на 10-е — начало 20-х годов.

Нагацука Такаси (1879—1915)

Поэт и прозаик. Родился в преф. Ибараки в семье помещика. Учился в высшей школе Мито, но бросил учебу. Увлёкшись реформаторскими призывами Сики, уехал в Токио и поступил к Сики учеником. Затем участвовал в создании журнала танка «Асиби». В 1910 г. опубликовал знаменитый роман «Земля», затем почти полностью переключился на поэзию. Многие пятистишия навеяны впечатлениями от путешествий. Особенно любовно переданы сцены сельского быта. Нагацука оставил несколько сборников стихов, среди которых выделяются шемящим лиризмом «Песни, сложенные во время болезни». Безвременно умер от туберкулеза.

Коидзуми Тикаси (1886—1927)

Настоящее имя Коидзуми Икутаро. Родился в преф. Тиба в семье зажиточного земледельца. С ранних лет увлекся классической поэзией «Манъёсю» и «Кокинсю». Примкнув к обществу танка «Нэгиси», стал учеником Ито Сатио. Активно участвовал в деятельности журналов «Асиби» и «Арараги», поддерживая дружеские отношения с Сайто Мокити, Исикава Такубоку, Токи Аика и другими ведущими поэтами эпохи.

В реалистическую лирику своего первого крупного сборника «У реки» (1925) и последующих книг Коидзуми вносит характерный романтический колорит.

Токи Дзэммаро (1885—1980)

Литературный псевдоним Аика. Родился в Токио в семье священника, признанного мастера традиционного поэтического жанра рэнга. Учился на факультете английской литературы университета Васэда вместе с Китахара Хакусю и Вакаяма Бокусуй. В 1910 г. опубликовал экспериментальный сборник танка на латинице «Смех сквозь слезы» и в дальнейшем ратовал за переход на латинский алфавит. Стремясь к разрушению канонической формы танка, отказался от установленной метрики и в ранних своих книгах вводил запись танка в три строки. Тесная дружба связывала Аика с Такубоку, от которого он позаимствовал прогрессивные демократические взгляды. Поэзия Аика времен расцвета его творчества, в 1910-е годы, проникнута гражданским пафосом и духом социального протеста. С 1918 г. Аика занимает ответственные посты в газетной корпорации «Асахи» и публикует ряд историко-литературных исследований, почти полностью прекратив поэтическую деятельность.

Масаока Сики (1867—1902)

Настоящее имя Масаока Цунэнори. Родился в Мацуяма, преф. Эхимэ. Писать начал с ранних лет. В 1890 г. поступил на литературный факультет Токийского университета. В возрасте 22 лет заболел туберкулезом, что и побудило его взять псевдоним Сики (Кукушка) — птица, у которой, согласно поверью, при пении идет горлом кровь. В 1892 г., поселившись в Нэгиси, под Токио, целиком посвятил себя преобразованию поэзии хайку и танка. Выдвинул принцип «отражения жизни» (*сясэй*) как основополагающий компонент поэтики объективного реализма. Произвел переоценку ценностей в области поэзии традиционных жанров, по-новому охарактеризовав творчество Басё, Бусона и поэтов танка первой половины XIX в. Возглавил общество танка «Нэгиси» и кружок поэтов хайку, впоследствии основавший журнал «Хототогису» («Кукушка»). В последние годы жизни Сики, парализованный и прикованный к постели, продолжал слагать стихи, диктовать литературно-критические статьи и рисовать с натуры. Его

личность и творчество оказали огромное влияние на поэтов танка и хайку XX в.

Кавахигаси Хэкигодо (1873—1937)

Настоящее имя Кавахигаси Хэйгоро. Родился, как и Сики, в Мацуяма, преф. Эхимэ. Вместе с Такахама Кёси стал любимым учеником и преемником Сики в мире хайку. Заведовал редакцией хайку в журналах «Синсэй» («Новая жизнь»), «Хототогису», «Нихон» («Япония»). После смерти Сики возглавил общество хайку «Хайдзаммай-кукай» и выступил с пропагандой так называемых «хайку нового направления». Заимствуя некоторые идеи натурализма, призывал к бытовизации тематики хайку и усилению авторского начала. Добившись всеобщего признания, Хэкигодо после 1915 г. обратился к таким формальным экспериментам, которые вскоре привели его и все движение «хайку нового направления» в тупик. Претерпев творческий кризис, Хэкигодо официально заявил о своем отходе от поэзии и всецело посвятил себя изучению великого мастера хайку Бусона.

Найто Мэйсэцу (1847—1926)

Настоящее имя Найто Мотоюки. Родился также в Мацуяма, преф. Эхимэ, в семье служилого самурая. Получил классическое конфуцианское образование. После буржуазной революции Мэйдзи занимал ответственный пост в администрации преф. Эхимэ, затем служил в Министерстве образования в Токио, был старостой общежития студентов из клана Мацуяма. С 1892 г. одним из первых примкнул к формировавшейся школе Сики. Среди членов общества танка «Нэгиси» пользовался большим авторитетом. Его художественная манера отличается классической простотой и изяществом.

Нацумэ Сосэки (1867—1916)

Настоящее имя Нацумэ Кинноскэ. Крупнейший писатель Нового времени, автор знаменитых романов «Ваш покорный слуга кот», «Мальчуган», «Сердце», «Врата», «Затем» и многих других. Родился в Токио. После окончания факультета английской литературы Токийского университета некоторое время занимался преподавательской деятельностью, затем был

направлен на стажировку в Англию. По возвращении полностью посвятил себя литературному труду. Сосэки был знатоком китайской классики и всю жизнь охотно слагал хайку. Трехстишия Сосэки помогают лучше понять внутренний мир художника.

Акутагава Рюноскэ (1892—1927)

Великий японский писатель XX в., автор блестящих психологических новелл, эссе, очерков. Хайку Акутагава служат прекрасным дополнением к его прозаическому творчеству, передающему дух эпохи и тысячами нитей связанному с национальной литературной традицией.

Танэда Сантока (1882—1940)

Настоящее имя Танэда Масаити. Родился в преф. Ямагучи. Поступил на литературный факультет университета Васэда в Токио, но бросил учебу. Начал сочинять хайку с 1911 г. Сторонник примитивизма в хайку. Став ревностным адептом дзэн-буддизма, провел большую часть жизни в странствиях по Японии и окончил свои дни в хижине отшельника близ Мацуяма на о-ве Сикоку.

Накамура Кусадао (1901—1983)

Настоящее имя Накамура Сэйитиро. Родился в преф. Аити. Окончил факультет японской литературы Токийского университета. Активно участвовал в деятельности общества хайку «Хототогису». В своем творчестве стремился обогатить унаследованный от Сики принцип реалистического отражения жизни глубинным психологизмом. Расцвет поэтического таланта Кусадао приходится на 20—30-е годы.

Симадзаки Тосон (1872—1943)

Настоящее имя Симадзаки Харуки. Ведущий поэт японского романтизма, впоследствии прославившийся и как прозаик натуралистической школы. Родился в Магомэ, в семье владельца гостиницы. С детства изучал китайскую и японскую классику. В 1881 г. переехал в Токио, где, обучаясь в лицее

Мэйдзи, увлекся западной литературой и принял модное в тот период христианство. Вместе с Китамура Тококу стоял у истоков романтизма. В период 1897—1902 гг. опубликовал четыре больших сборника «стихов нового стиля» (синтайси), утвердив тем самым новые формы в поэзии эпохи Мэйдзи. После 1904 г. окончательно отошел от поэзии и обратился к прозе. Автор романов «Нарушенный завет», «Семья», «Перед рассветом» и др. Многие стихи Тосона положены на музыку.

Дои Бансуй (1871—1952)

Настоящее имя Дои (иногда читается Цутии) Ринкити. Родился в г. Сэндай. Увлекался китайской, английской, французской, немецкой литературой. Ведущий поэт романтизма. Признание читателей завоевал первым сборником философской и элегической лирики в форме синтайси «Вселенная, исполненная чувства» («Тэнти удзё», 1899). В дальнейшем увлекся идеями национализма и резко деградировал как поэт. Многие его стихи положены на музыку.

Китахара Хакую (1885—1942)

Настоящее имя Китахара Рюкити. Ведущий поэт японского символизма. Родился в преф. Фукуока на о-ве Кюсю. Рано начал писать и в 1906 г. примкнул к группе поэтов журнала «Мёдзё». В 1908 г. содействовал основанию «Общества Пана» — сообщества токийской богемы, прибежища «чистого искусства». Его эстетские устремления воплотились в первом поэтическом сборнике «Запретная вера» (1909), насыщенном экзотическими реалиями. Писал в различных поэтических жанрах и формах. Внес большой вклад в создание поэзии для детей. Создал собственную школу танка. При жизни опубликовал более 200 томов сочинений. Избран членом японской Академии искусств. Многие его стихи положены на музыку.

Хоригути Даигаку (1892—1981)

Выдающийся поэт позднего символизма. Родился в Токио. С отцом, состоявшим на дипломатической службе, много путешествовал по Европе и Америке. Опубликовал несколько сборников переводов франко-бельгийской поэзии конца XIX—

начала XX в., а также отдельные книги стихов Верлена, Бодлера, Аполлинера, Жамма, Грумона, Кокто, Сюпервьеля, Рильке. Переводы Хоригути, как и его первый авторский сборник «Луна и Пьеро» (1919), оказали заметное влияние на поэтический мир Японии 20—30-х годов. Со второй половины 30-х годов от поэзии отошел.

Такамура Котаро (1883—1956)

Великий японский поэт XX в. Родился в Токио в семье скульптора Такамура Коун. Окончив токийскую Высшую художественную школу, несколько лет стажировался в Париже, был вхож в мастерскую Родена. Увлекался живописью, ваянием, но прочим видам изобразительного искусства предпочитал резьбу по дереву. Ранние стихи отражают эстетские настроения, царившие в «Обществе Пана». Примыкал также к литературным объединениям «Субару» и «Сиракаба». Снискал славу публикацией первого сборника «Дорожная даль» (1914). Поэтическая манера отличается широтой видения мира, пластичностью, богатством колорита. Болезнь любимой жены Тизэко наложила трагический отпечаток на позднее творчество Такамура. Послевоенные стихи исполнены горькой рефлексии. Избран членом японской Академии художеств.

Хагивара Сакутаро (1886—1942)

Ведущий поэт модернизма. Родился в преф. Гумма. Специализировался по немецкой литературе. Вместе с поэтом Муро Сайсэй пропагандировал «неосенсуализм». В сборниках «Вою на луну» (1917) и «Синяя кошка» (1923) противопоставил поэзии символистов богатство разговорного языка, причудливую игру фантазии и броскую новизну образов. Значительно обогатил и расширил область свободного стиха. Считается «отцом современной поэзии гэндайси». Автор интересных литературно-критических работ.

Миядзава Кэндзи (1896—1933)

Признанный народный поэт, детский писатель. Родился в преф. Иватэ на северо-востоке о-ва Хонсю, где почти безвыездно и прожил всю жизнь. Окончив Высшую сельскохозяйственную школу, работал учителем, помогал крестьянам

во внедрении аграрных новшеств. Был ревностным адептом буддийской секты Сингон. Стихи его первого сборника «Весна и Асура» (1924) и последующих книг отразили любовь к родной природе, уважение к труду земледельца, глубокое понимание национальных традиций искусства. Народные корни поэзии Миядзава обеспечили ему признание и любовь самых широких кругов читателей. Оставил огромное поэтическое наследие. Значительная часть стихов издана посмертно.

Такахаси Синкити (1901—1987)

Родился в преф. Аити. Не окончив торговое училище, переехал в Токио, где работал журналистом. Возглавил движение дадаизма, опубликовав в 1923 г. абсурдистский сборник «Стихи дадаиста Синкити». В дальнейшем увлекся дзэн-буддизмом и писал в духе модернистской медитативной лирики. Его поэзия изобилует дзэнскими парадоксами, местами грешит излишним рационализмом, зачастую тяготеет к абстракции. Расцвет творчества приходится на 30-е годы. Оказал большое влияние на довоенную поэзию анархистского толка и на послевоенных поэтов-модернистов 50—60-х годов.

Накахара Тюя (1907—1937)

Родился в преф. Ямагути. Учился в Киото на филологическом факультете университета Рицумэйкан, но не окончил. В 1923 г., увлекшись дадаистскими стихами Такахаси Синкити, переехал в Токио и сблизился с кругами богемы. Был страстным поклонником Верлена и Рембо, переводил их стихи на японский. В жизни также стремился подражать французскому поэту, за что получил прозвище «японский Рембо». Первый авторский сборник «Песнь Козерога» вышел в 1934 г., второй, «Песни былых дней» опубликован посмертно. Наряду с верлибром широко использовал различные виды метрического стиха. Произведения Тюя отличаются мелодичностью и богатством ритмики. После смерти старшего сына впал в глубокую депрессию, заболел и вскоре скончался. Многие его стихи положены на музыку.

Нисиваки Дзюндзабуро (1894—1982)

Ведущий поэт и теоретик сюрреализма. Родился в преф. Ниигата. Окончил факультет социологии и экономики токий-

ского университета Кэйо. Переменил несколько мест службы — от редакции газеты до министерства иностранных дел. Увлёкся современной поэзией под влиянием сборника Хагивара Сакутаро «Вою на луну». В 1922 г. уехал учиться в Англию, где женился на англичанке и выпустил небольшой сборник стихов на английском языке. Путешествовал по Европе и Азии. По возвращении активно участвовал в выпуске журнала модернистов «Си то сирон» («Поэзия и поэтика»), писал трактаты по поэтике сюрреализма. Первый сборник «Ambarvalia» проникнут восхищением перед западной культурой, античностью. В последующих книгах, развивающих традиции философской лирики, намечается тенденция возврата к национальной системе ценностей. Переводил европейскую и китайскую классическую поэзию. Творчество Нисиваки оказало заметное влияние на поэзию послевоенной Японии.

Миёси Тацудзи (1900—1964)

Родился в Осака. Учился в военном училище, затем окончил факультет французской литературы Токийского университета. Переводил стихи Бодлера, Верлена и французских поэтов XX в. В 1930 г. дебютировал авторской книгой стихов «Патрульный корабль». Оставил большое литературное наследие. Одним из первых обратился к жанру лирической миниатюры (*танси*), успешно разрабатывал также форму ритмического четверостишия. Используя сочетание броских экспрессивных образов с изящным ритмическим рисунком, создал лирику, полную внутренней гармонии и душевного тепла. Всеобщее признание снискали его книги «Горные плоды», «Бьет час», «Крепость из песка». Творчество Миёси служит как бы связующим звеном между поэзией довоенной и послевоенной Японии.

Глоссарий

гэта — национальная обувь в виде деревянных сандалий с одной перемычкой для пальцев и с двумя поперечными подставками на подошве.

докудами — хоуттуиния, популярный в Японии цветок.

иена — основная денежная единица в Японии. В предвоенные годы одна иена обладала достоинством, в несколько раз большим, чем в наши дни.

кадзура — вид лианы с крупными листьями.

кимono — общее название различных видов национальной японской одежды, представляющих собой халат с длинным кушаком. Вместительные внутренние обшлага рукавов кимono использовались как карманы.

кото — струнный инструмент, напоминающий цитру.

мандзю — булочка с фасолевой начинкой.

мисо — густая масса из перебродивших соевых бобов. Служит для приготовления супов, в качестве приправы или начинки.

моммэ — мера веса, равная 3,75 г.

моти — рисовый колобок, основное национальное блюдо из риса. Часто приготавливался в различных сочетаниях, например в обертке из лотосовых листьев (ёмогимоти).

нэцкэ — миниатюрные фигурки из кости, дерева или камня, использовавшиеся в качестве брелоков, пряжек и т. п. Получили распространение в эпоху позднего средневековья (XVIII — начало XIX в.).

ри — мера длины, равная 3927 м.

саикати — гледичия японская, тенистое дерево.

сакэ — общее название различных видов национальных алкогольных напитков из риса. Употреблялись обычно в подогретом виде.

саса — низкорослый бамбук, не более 40—50 см в высоту.

сёдзи — раздвижные перегородки из плотной вошеной бумаги в традиционном японском доме, главным образом между комнатой и верандой-энгава.

сидзими — корбикура японская, съедобный моллюск.

сусуки — мискант китайский, трава японских равнин, нередко достигающая в высоту более двух метров.

сэмбэй — подсоленное печенье или галеты.

сэн — самая мелкая денежная единица в довоенной Японии.

сяку — мера длины, равная 30,3 см.

сямисэн — трехструнный музыкальный инструмент, отдаленно напоминающий лютню.

танка — традиционный жанр японской поэзии, представляющий собой пятистишие в 31 слог (5—7—5—7—7). Отличается разработанностью лексической базы и изощренной системой тропов.

татами — циновка или мат из рисовой соломы стандартного размера чуть больше 1,5 кв. м. Служит для настилки полов в японском доме, одновременно являясь мерой площади.

тидори — вид куликов, в Японии обычно гнездящихся у воды.

тирори — металлический сосуд для подогрева сакэ.

токо-но-ма — ритуальная ниша в гостиной японского дома, куда обычно вешается картина или каллиграфический свиток и ставится декоративная композиция из цветов, веток, листьев.

тории — ворота синтоистского святилища в канонической форме «куриного насеста», окрашенные в красный цвет. Иногда устанавливались отдельно, вне храма.

уцуги — дейция зубчатая, декоративный кустарник.

фурин — маленький колокольчик с прикрепленной к язычку полоской бумаги. Подвешивался на веранде или у окна, чтобы в жару мелодичный звон «навевал прохладу».

фусума — раздвижные перегородки между комнатами в японском доме.

хаги — леспедеца двуцветная, декоративный полукустарник, распространенное растение японских равнин.

хайку — традиционный жанр японской поэзии, представляющий собой трехстишие в 17 слогов (5—7—5). Поэтика хайку ориентирована на «сезонные» циклы и отличается суггестивностью образов.

хамагури — двустворчатый съедобный моллюск. Обычно подается тушеным с луком и овощами в мисо с добавлением сладкого сакэ.

хаси — палочки для еды.

хиёдори — птица, рыжеухий бульбуль.

ямабуки — керрия японская, дикие розы с желтыми цветами.

Ямато — старинное название Японии, употребляющееся в поэтической речи, а также название провинции в центральной Японии при старом административном делении.

Содержание

«Серебряный век» японской поэзии. *А. Долин*. 5

Поэзия танка

Ёсано Акико

Из книг «Спутанные волосы», «Маленький веер», «Отрава».....	19
Из книг «Наряд любви», «Танцовщица», «Цветы грез».....	28
Из книг «Обыкновенное лето», «Фея Сао».....	31
Из книг «Весенняя распутица», «Синие волны моря».	33
Из книги «От лета к осени».....	34
Из книги «Киноварные листья».....	36
Из книги «Сны травы».....	36

Вакаяма Бокусуй

Из книг «Голос моря», «Пою в одиночестве», «Разлука».....	37
Из книги «На дороге».....	44
Из книг «Смерть или искусство», «Истоки».....	47
песня».....	49

Из книг «Белые цветы сливы», «Печальные деревья», «Долина меж гор».....	52
Из книги «Черная земля».....	54
Ито Сатио	
Из книги «Собрание танка Сатио».....	56
Симаки Акахико	
Из книги «Цветы картофеля».....	67
Из книги «Искры от огнива».....	72
Накамура Кэнкити	
Из книги «Цветы картофеля».....	75
Из книги «Лесной источник».....	78
Нагацука Такаси	
Из книги «Собрание танка Такаси».....	85
Коидзуми Тикаси	
Из книги «У реки».....	94
Из книги «Земля на кровле дома».....	97
Токи Дзэммаро	
Из книги «В сумерки».....	103
Из книги «Ропот на улицах».....	108
Из книги «Средь звуков».....	108

Поэзия хайку

Масаока Сики	
Из книги «Оголенные деревья в зимних горах».....	111
Из «Рукописного собрания хайку».....	122
Кавахигаси Хэкигодо	
Из книги «Новые хайку».....	129
Из книги «Весна, лето, осень, зима».....	133
Из книги «Собрание хайку нового направления».....	137
Найто Мэйсэцу	
Из книги «Собрание хайку Мэйсэцу».....	139
Нацумэ Сосэки	
Из книги «Собрание хайку Нацумэ Сосэки».....	144
Акутагава Рюноскэ	
Из книги «Собрание хайку Тёкодо».....	150

Танэда Сантока

Из книг «Плошка для подаянья», «Травяная пагода»,
«Через горы и воды», «Листья хурмы».....156

Накамура Кусадао

Из книги «Первенец».....165
Из книги «Огненный остров».....169

Поэзия новых форм

Из книги «Молодые травы» —

Знаешь ли ты?.....175
Падучая звезда.....176
Осенняя песня.....176
Прячась в осени.....177
Два голоса.....177
Мираж.....178
Проделки лисы.....179
Живая вода.....179
Шум прилива.....180
Новая заря.....180
О-Кумэ.....181
Песнь осеннего ветра.....182

Из книги «Одинокий челн»

Где же ты, весна?.....184
Мелодия морского берега.....184

Из книги «Летние травы»

Лунный свет.....185

Из книги «Опавшие цветы сливы»

Возле старого замка в Коморо.....186
Вечнозеленое дерево.....187

Дои Бансуй

Из книги «Вселенная, исполненная чувства»

Вечерняя звезда.....189
Поэт.....190
Рукава при прощанье.....191
Звезды и цветы.....191
Цветы и звезды.....191
Цветок на могиле.....192
Цветущая ветвь.....193
Луна над старым замком.....193

Китахара Хакусю

Из книги «Запретная вера»	
Сокровенная музыка запретной веры.....	195
Красный епископ.....	197
Пасмурный день.....	197
Сад в оранжерее.....	199
Вечер.....	200
Бунт.....	200
У источника.....	201
Белая дорога.....	202
Руины.....	203
Ветер утих.....	203
Осенний взор.....	203
Whisky.....	204
Поздняя весна.....	204
В небе багряные облака.....	205
Из книги «Воспоминания»	
Вместо предисловия.....	206
Время уходит.....	207
Зуёк.....	207
На синюю фетровую шляпу.....	208
Фешенебельный отель.....	208
Из книги «Рисунки тушью»	
Бамбук на снегу.....	208
Летний луг.....	209
Ночь в пору ранней осени.....	209
Лунный свет — неясные созвучья.....	210
Лиственницы.....	212
Из книги «Тюлени и облака»	
Празднуем ветер.....	214

Хоригути Даигаку

Из книги «Луна и Пьеро»	
Пьеро.....	215
Лунная ночь.....	216
Ноябрьские дожди.....	216
Листопад.....	217
Музыкальные инструменты.....	217
Перелетная птица.....	218
Перевал.....	218
Фонтан.....	218
Снег.....	219
Из книги «Песчаное изголовье»	
Что есть жизнь человеческая?.....	220

На мосту.....	220
Голубь.....	221
Песчаное изголовье.....	221
Купальщица.....	221
Шпенек.....	222
Климат.....	222
Я помню женщину.....	223
Мышь с рисового поля.....	224
Сердце.....	224
Фейерверк чувства.....	225
Дни без любви.....	225
Довольно.....	226
Осеннее небо.....	226
Шум моря.....	227

Такамура Котаро

Из книги «Дорожная даль»	
Утраченная Мона Лиза.....	228
Одиночество.....	230
Живое существо.....	231
Presentation.....	232
Ход времени.....	233
Страна нэцкэ.....	234
Зима пришла.....	235
Гэта.....	235
Дорожная даль.....	236
Из стихов, написанных после «Дорожной дали»	
Стою под дождем опадающих листьев.....	236
Из книги «Бестиарий»	
Сом.....	239
Еще что-то перевернулось.....	240
Из стихов поры «Бестиария»	
Слова зимы.....	240
Из книги «Ваяние»	
Вырезаю цикаду.....	241
Лук.....	242
Человек точит резец.....	242
Головной цех.....	243
Сижу в одиночестве.....	243
Люблю железо.....	244
Усадьба Нечистой силы.....	245
Из «Книги Тиэко»	
Загородный домик.....	246
Наивные речи.....	247
Тиэко катается верхом на ветре.....	247

Не поддающаяся оценке Тиэко.....	248
Покойной Тиэко.....	248
Если бы Тиэко.....	249
Из книги «Классический образец»	
Белый снег на землю ложится.....	250
Руки, орошенные луной.....	251
Поселок Ямагути.....	251
Иная Вселенная.....	252

Хагивара Сакутаро

Из книги «Вою на луну»	
Лик недужный, унылый.....	253
Семена на ладони.....	254
Бамбук.....	254
Вид издали.....	255
Унылая лунная ночь.....	255
Смерть лягушки.....	256
Пловец.....	256
Кошки.....	256
Печальная личность.....	257
Неизвестная собака.....	258
Ах, лягушка!.....	259
Одиночество.....	259
Из книги «Синяя кошка»	
Люблю идти в толпе.....	260
Синяя кошка.....	261
Печальные вишни.....	261
Отчаянный побег.....	262
Унылая синяя кошка.....	263
Тайна увиденного во сне сада при заброшенном	
доме.....	263
Мрачный берег.....	264
Несчастный уличный фонарь.....	265
Круговорот бытия, переселение душ.....	266
В коляске.....	266
Наследственность.....	267
Песня для мух.....	268
Из цикла «Дорогой персика и сливы»	
Дорогой персика и сливы.....	269
У почтового окошка.....	270
Из книги «Сентиментальные лирические миниатюры»	
В путешествии.....	270
Цветы и птицы.....	271
Из цикла «Стихи, написанные при созерцании пейзажей родного края»	

Река Хиросэ.....	271
Поселок Саикава.....	272
Миядзава Кэндзи	
Из книги «Весна и Асура»	
Весна и Асура.....	273
Облачный сигнал.....	275
Доклад.....	276
Ворона.....	276
Пляска с мечами в Харатаи.....	276
Дым Из книги «Молодые травы».....	278
Лошадь.....	279
Бык.....	280
Лепестки кармы.....	280
Призрачные картины путешествия.....	280
Сосновые иглы.....	281
Opus № 1004.....	282
Opus № 1008.....	282
Opus № 1071.....	283
Дорога через огороды.....	284
Заметки для памяти.....	284
Заповеди, запрещающие алчность и похоть.....	286
Уборка проса.....	287
Хозяин поля.....	288
Ветер пришел, наполняя долину.....	290
Гравюры укиё-э.....	292
Такахаси Синкити	
Из книги «Пропитание»	
Ливень.....	295
Из книги «Собрание стихов Такахаси Синкити»	
Незыблемость.....	296
Бессмысленность.....	296
Меня нет дома.....	298
Ракушки.....	298
Процессия душ.....	299
Из книги «Праздник Гион»	
Киёсиро.....	299
Солнце.....	299
Бык и ледяной дождь.....	300
Каштан.....	301
Из книги «Воробей»	
Позиция воробья.....	301
Из книги «Отец и мать»	
Родные края.....	303
Дождь и туман.....	304

Накахара Тюя

Из книги «Песни Козерога»

Снежная ночь.....	306
Смутная печаль.....	307
Годы детства.....	308
Хмельной ночлег.....	308
Зимний рассвет.....	309
Песнь возмужания.....	309

Из книги «Песни былых дней»

Июньский дождь.....	311
Воспоминания о зимнем дне.....	312
Колокол в новогоднюю ночь.....	312
Разлука.....	313
Северное море.....	314
Песчаный берег моря в лунную ночь.....	314
Пустыня.....	315
Станция Кувана.....	316
Ущелье Нагато.....	317
Небо в тучах.....	318
Покой отрешенности.....	318
Ночь храмового праздника.....	319
Падает снег.....	320
О колыбельная песня!.....	320

Нисиваки Дзюндзабуро

Из книги «Ambarvalia»

Глаза.....	322
Дождь.....	323
Погода.....	323

Из книги «Скитальцу нет возврата»

Листья каштана.....	323
«В окне...».....	323
«Помедли, путник!...».....	324
«Только что было светло...».....	324
«В садике весной...».....	325
«Дело было давно...».....	327
«Прикоснувшись к корням Вечности необозримой...»	330
Поэтика.....	331

Из книги «Современные притчи»

Дуб.....	331
Соловей.....	333

Из книги «Славословия»

Вечерний сумрак на холме.....	334
-------------------------------	-----

Миёси Тацудзи	
Из книги «Травы на тысячу ри»	
Запасайся дровами!.....	335
Ностальгия.....	337
Венера.....	337
Что за птица.....	338
Никто не приходит.....	338
Совка.....	338
Из книги «Четверостишия»	
Сверчок.....	339
Желтые листья.....	339
Родной квартал.....	340
Снежный ландшафт.....	340
Шум мушиных крылышек.....	340
Из книги «Бьет час»	
Цветы гороха.....	341
Из книги «Корзинка цветов»	
Персик расцветает.....	341
Из книги «Крепость из песка»	
Пустынный берег.....	342
Что принесла зима.....	342
Это зовется Весна.....	343
Комментарий.....	345
Краткие сведения об авторах.....	355
Глоссарий.....	365

Литературно-художественное издание

ЛУННЫЕ БЛИКИ

**Классическая японская поэзия
конца XIX — первой половины XX в.**

Редактор *Н. Я. Северина*. Младший редактор *Г. А. Бурова*. Художник *Э. Л. Эр-ман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *З. С. Теплякова*. Корректор *Е. В. Карюкина*
ИБ М 16026

Слано в набор 16.06.89. Подписано к печати 10.05.90. Формат 70X Ю
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Усл. п. л. 15,75. Усл. кр.-отт. 15,6. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 10 000. Изд. № 6301.
Зак. № 2441. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового
Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного
комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28.

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99,
Шубинский пер., 6. Зак. 1178

2 руб.

ЛУННЫЕ БЛИКИ

«В японской поэзии мы возвращаемся к друзьям детства, к дождю, бьющему в окно, к долгим безмолвным дорогам в ночи, к волнам прибоя, пребывающим в вечном движении, к луне, такой близкой и такой далекой, ко всем ощущениям фактуры, строения, веса и формы — этим бесценным сокровищам и неистощимым богатствам повседневной жизни».

Реджинальд Блайт

